

Яшунский Г.М.

Откровение

*Свои стихи не издавал, себя поэтом не считая,
Разнообразий карнавал в его стихах кружил играя:
О жизни, о любви, войне, о людях, судьбах, о природе,
Ничто не стало в стороне - он был с народом и в народе.
Неприбраннысть его стихов рождает в нас сердцебиение,
О смысле жизненных основ, о сути жизненных волнений.
Но ошибался он при этом: себя он не считал поэтом.*

“От первых читателей...”

ИЕРУХАМ 2011

Моё Ерухамье

**«Когда строку диктует чувство
Оно на сцену шлёт раба»
(Пастернак)**

Что я не Пушкин сразу видно,
И даже я не Щипачев.
Признаться в этом мне обидно
Но я действительно таков.
Стихи пишу от нечая делать,
Они кроссворды для меня,
Я приступаю к ним несмело,
Боясь не смочь взнуздать коня.

Придумать тему, рифму, ритм,
И время тратить, и терпеть –
Тут не пол-литра надо, лягир,
Чтоб не попасть в словесну сеть.

Взгляните - ка на Пастернака,
Он был рабом прекрасных строк,
А это вам не фунтик с маком.

Когда бежит по жилам ток,
Когда натянуты подпруги
У нервов, мышц и у мозгов
Все прошлые твои заслуги
Не избавляют от оков,

Оков мучений, рабства, гнёта
Бездарности (таланта ж нет).
Писать же оченno охота
Всё по тому, что не Поэт.

Безумно, мы хотим того,
Что нам природой не дано.

Мы эту сопку брали трижды
И положили роту всю.
Огонь немецкий сопку лижет,
И гладит нас огня утюг.

Где вы теперь герои – братцы
Иван, Егор, Илья, Марат?..

До сопки вам уж не добраться,
Ведь к жизни нет пути назад.

Мы вас под сопкой склонили,
Холм кровию своей полив.
Потом про сопку мы забыли,
Все трое, кто остался жив.

А через день другие роты
Ту горку просто обошли -
Немецкие без немцев дзоты
Скучали жалкие в пыли.

Нам на хрен не нужна та сопка
Была. Зачем же рота вся
Легла на сопке так не ловко,
Как будто сопка не земля?!,

Наш командир за сопку эту
«Звезду героя» получил.
Она была ему приветом
От тех, кого он склонил.

В комитете ветеранов
Ни начальников, ни замов:
Все равны, входя туда
Хоть седая борода,
Хоть подкрашенные брови,
Лишь хватило бы здоровья,
Чтобы в комнату войти,
Разговоры завести.
О болезнях, что не кстати,
О желудке, о кровати,
Рассказать, что сердцу тяжко,
Что простуда ни к чему,
Что опухла слева ляжка
И башка слегка в дыму.
И болтают, и болтают,
Тут и радость, тут и боль
И, конечно, доставляют
Сахар сердцу, ранам соль.
В комитете ветеранов
Не залечивают раны
Ни у жён, ни у мужей.
Что – то вроде синагоги

Для евреев тут для многих,
Облегчение душе.
Все свои, друзья и братья
Кто за Шас и за Овадью,
Кто за «Мерец» за «Шинуй»
Кто плюёт на эту дурь
Тут не слышно громких ссор,
Покурить идут во двор,
Ну, а выйдешь за забор,
То услышишь Лизин хор.
Выпивать запрещено –
Тут запрет и на вино,
И на водочку, конечно,
Чтоб евреи жили вечно
Иль хотя б 120 лет
Вот на водку и запрет.
Тут ни кто не скажет «Смирно!»
«Вольно!», тоже нет на слух.
Трёп идёт конечно мирный,
Каждый каждому здесь друг.
Видик, телик и газеты
Утоляют голод духа,
Компроматы и наветы
Не доходят тут до слуха.
Рай! Эдем! У Бога в доме!
Всё прекрасно тут, но кроме...
Наших лет, весьма почтенных
Всем по 80 с лишним...
Вот бы сбросить нас, «нетленных»
Вниз со 100 метровой вышки.
Чтобы в раз... и всё..., и нету...,
Кончились все наши беды –
Нет болезней, болей нету.
Ни ответа. Ни привета.
Прямо в рай мы попадём
И по – райски заживём.

Огонь. Трава. Разбитый котелок.
Винтовка. Каска. И куски убитых.
И почему – то тёмно – красный сок
Сияет весело, ещё не смытый
Дождём, что хлещет трауром с небес
На трупы, крики, стоны и на лес.

То слёзы по кускам солдатских тел,

Разбросанных в кровавом беспорядке –
Где головы, где руки. Поредел
Наш взвод зарывшись в грядки,
Где красная клубника расцвела
И перламутром отливает в жиже
Дождя и крови. И лежат тела
Как в строевом порядке – выше, ниже.
Не по ранжиру, по неровности земли,
И не по правилам: там голова, там ноги –
Смешалось всё в объятиях петли,
Затянутою слякотью дороги.

Так я увидел ненависть войны,
И в гуле самолётов смерть и стоны.
И до сих пор я вижу сны,
Что превратились в дикие законы
Людских забот, крушений и надежд,
Рукопожатий злобы и проклятья -
Добра и зла винительный падеж.

А я дурак считал, что люди братья.

Друзьям - ветеранам.
На Отечественной не погибнув
От снарядов, пуль и от бомб,
В лагерях смертельных не сгинув,
До сих пор не легли мы во гроб.

60 как она отшумела,
60! И представить нельзя.
Старость жить заставляет несмелю,
Хоть и носит ещё нас земля.

Сколько жизни ещё нам осталось –
День, иль месяц, а может и год?...
Не должна ни какая усталость
Нас сломить у последних ворот.

Мы войдём в них спокойно и гордо,
Совершившие праведный долг:
Мы фашизму сдавили горло,
Чтоб дышать он уж больше не мог.

Нынче нам уж осталось малость
Будней, праздников, дней и тревог.

Дай нам бог, чтобы наша старость
Не спешила нас сбросить с ног!

Есть старости пора – зовётся одиночеством.
Нет ни кого вокруг – язык не тратит слов.
Извилины скребут нелёгкие пророчества,
И уши не заткнёшь, чтоб их не слышать зов.

С собою говорить не очень - то и хочется.
Стихи строчить – тут надобен талант.
И телевидения, извините, творчество
Не может пробудить в тебе азарт.

К общению с людьми не тянет –
Уж не до них тебе и им не до тебя,
К чему мне откровенья тёти Мани,
И ей, конечно же, совсем не до меня.

От политических интриг отвратно:
Ложь, клевета и грязный компромат,
От них становится и вовсе гадко,
И из зажатых губ выскакивает мат.

Ты ждёшь звонка, желая слышать голос
Детей, друзей, да хоть кого –нибудь,
Но телефон молчит, его не гложет совесть.
О, Господи, ну, зазвони чуть – чуть!

Ну, чем себя занять, особенно ночами...
Спать? Хорошо, когда приходит сон.
А если сон нейдёт и день не за горами...
Себя хреново чувствуешь, pardone.

Однако жизнь идет, и ты в ней существуешь,
И дется некуда - её ты должен жить.
Не прокляни ни Бога и ни Чёрта всуе –
Цветёт же василёк на ниве жёлтой ржи.

Один случайный, чуть заметный цветик
Цветёт, как бы довольный сам собой,
Растёт один, один на ржавом свете,
Такой как все, и всё же всем чужой

Театру не к лицу быть попрошайкой зрителя,

Ему не следует ложиться под него,
Он должен в позу стать прекрасного воителя
И победить, и с видом победителя
Сражённого поднять до роста своего.

Высокий рост – не всем и дотянуться.
И пусть не всем. Но есть, конечно, тот,
Кому не надо, чтоб с каёмочкой на блюдце
Разжёывали сладенький компот.

Пусть зритель трудится, вперёд уставя грудь,
А не сидит, откинувшись, на кресле.
Буди его и не давай уснуть,
Чтоб кожа с тела до крови облезла.

Есть у искусства цель и уровень и мера,
Не балалайкою на танцах развлекать,
А увлекать и потрясать, и Веру
В Добро, в Прекрасное вселять.
Вселять! Вселять.

В Добро! В Добро, а не в чернуху,
В которой киллерам, подонкам благодать,
Чтоб не было в умах, как в танках глухо,
Чтоб к варварству народ не возвращать.

Кто сказал, что всякий возраст прелесть?!
Тот, который старости не знал,
Кто в стакан не прятал на ночь челюсть,
Тот, кто среди юных аксакал.

Кто сказал, что старость уважают?
Тот, кто бремя старости не нёс,
Тот, который мышцами играет,
По утрам одолевая кросс.
Кто сказал, что старость, так почётна,
Что любой стариk – авторитет?
Тот, кто не познал, что так ломотно
Встать к плите, чтобы сварить обед.
Ум не остр, зато остры колени,
Стёрлись позвонки, да и мозги,
И четыре лестничных ступени
Не четыре, а 93.

В голове склероз, на сердце пусто,
Каждый час необходим сортир,
И уже не прочитаешь Пруста,
Не пойдёшь стрелять в садовый тир.

Не узришь мишени и в бинокль,
Не услышишь выстрел из ружья,
Не станцуешь с девочками рока,
Не промолвишь, что она твоя.

Старость – это вечный страх перед смертью,
Да и перед жизнью тоже страх.
И не нужно старику, поверьте,
Жить бесцельно, даже в сладких снах.

Сочинять я стихи не умею,
Но мне нравится их сочинять,
Извините мне эту затею,
Вы же можете их не читать.

Но однако, совсем не могу я
Взять перо, если пусто в душе,
Если душу мою не волнует
И мертвят пропаганды клише.

«Жизни сор» не рождает строки,
«Слов руда» не рождает стихи.
Только бурные мыслей потоки,
Только пламя душевных стихий.

Даже пусть они выйдут коряво,
Не по правилам стихосложения,
Но всегда будут искренни, право,
Без оглядки на чьё – нибудь мненье.

Коли гадко, то гадко и в строчках,
Ну, а сносно, то сносно в строках –
«Хорошо» не создаст даже точки,
«Хорошо» для Поэзии крах.

Вот когда «Позвоночник» стонет,
Или «Облако» льёт дожди,
Иль когда Сердце Данко в ладони,
Ожидай Поэзию, жди!

И Она вольётся нежданно
И наполнит тебя до краёв.
Хоть стихи могут быть неогранны,
Но в них пламя и сила боёв.

Пораженье ль, победа – неважно,
Важно то, что болит и жжёт,
И бросается в бой отважно,
Словно это последний полёт.

Дальше смерть, дальше небытие –
Прозвучал могучий аккорд.
Так бросаются на острие,
Так реку переходят в брод.

Я должен всем – и людям и себе:
Не дослужил, не долюбил, не додал,
Не взял, не смог, не стал примером моды,
Любимым не дарил цветов, тем более колье.

Теперь уж поздно, времени уж нет,
Нет тех людей, любимых, тех событий,
Уже не совершать больших открытий,
Уже не лить тот «несказанный» свет.

Гляжу на жизнь, как вдаль ушедший путник,
Назад смотрю, а в памяти туман,
Как – будто не жил я, и видится так смутно,
И я – не я, и всё сплошной обман.

На сцене я играл успешнее, чем в жизни,
И более того я в жизни не играл,
Служа Театру, я служил Отчизне,
Я в том уверен был, и я себе не врал.

Отчизна и народ – явления святые,
Я отдавал им всё, чем был тогда богат,
И думал, что талант вовеки не остынет,
А он застыл, как на морозе град.

И вот, что интересно: те награды
Что получал он, то есть я, нет … он,
Хоть был им рад, родные были рады,
Я самомнением не был вознесён.

Я говорил себе: обманщик и притворщик,
За что ты награждён, и что в тебе нашли,
Ты даже и не нуль, а просто прочерк,
Ты прыщик на поверхности Руси.

Но это я – себе. Другие ж говорили:
Не унижай себя, не принижай талант.
А я не верил им, льстят, думал, или
Я нужен им, ну, скажем, как гарант.

Так прожил я в долгу пред всем на свете,
Не верил а Бога, разве что в людей,
Не попадался в лести золотые цепи,
У лести для меня нет золотых цепей.

Я ошибался часто и жестоко,
И счастлив, и несчастлив был не раз,
Любовь и вдохновенье мощным током
Мне поражали душу, сердце, глаз.

Кидался в омут чувств, я с головою,
Рассудку здравому подчас и вопреки,
Я сыт был счастьем, волей и покоем,
Теперь всё позади. Печальные стихи.

Надежда

Надежда, сколько радости даёшь ты.
Тобою улыбаюсь жизни я,
Хоть жизнь стоптала уж свои подошвы,
Но ты надежда есть – у каждого своя.
С надеждою я щедр, с надеждою я весел,
С надеждой я влюблён, с надеждой я любим,
С надеждой мир не так уж мне и пресен
И уж совсем не враг, наоборот я с ним.
Я в дружбе и согласье с ним бываю,
Когда надеюсь, верую в добро,
И вижу над собою птичью стаю,
Летящую туда, где ей тепло.
Я беден и надеюсь на богатство,
Я глуп, что верю и надеюсь на мираж,
Я верю в человеческое братство,
И не считаю эту мысль за блажь.
Надеждою обманывают дети,
Надеждой я живу и за неё держусь,
Надежды часто не сбываются на свете –

Я эту мысль гоню. Да, я её боюсь.

Артист – не должность, не работа,
А состояние души,
Не могут мелкие заботы
Его профессии лишить.
Искусство он творит святое,
Его из бездны взял,
Взлетая до небес порою,
Все путы низкие порвав.
Ах, эти сладкие минуты,
Когда разорваны все путы,
Когда эмоции разуты,
И мысли все обнажены,
Когда полёт словесный лёгок,
Когда в движении ты ловок,
Сноровист, собран и не робок,
И зрители потрясены.
Ты добрые родишь в них чувства,
Ты очищаешь души их,
Они не чувствуют «искусства»,
Живя с тобой в ролях твоих.
Ты с ними делаешь, что хочешь,
Все плачут, когда плачешь ты,
Хохочут, когда ты хохочешь,
И вместе с ними ты доходишь
До глубины и высоты.
Где нет тебя, там нет Театра,
С тобой весь мир и сила Чувств,
Полёт души куда - то в завтра –
В космический порыв искусств!

После Скрябина

Я не лукавлю, нет, поверьте,
И не кокетничай тоже,
Но музыка берёт за душу,
Да так, что я себя не слышу.
Уходят все недомоганья,
Уходят все переживанья,
Ты превратился в слух, да, в слух,
В тебя вселился дух, да, дух.
Он то мне череп разрывает,
То сердце биться заставляет
Усиленно и невпопад –
Так разрывается снаряд,

Так камень точит водопад,
Разбрасывая пену, брызги
В лицо, и радостные визги,
Рождая в нас в ответ себе –
Так музыка звучит во мне,
Она нам дарит сладкий миг,
Миг радости, что вдруг возник
В душе, в башке и в организме
(простите эти прозаизмы).
Так музыка, оркестр, рояль
Уносят мою душу в даль,
Где нет друзей, где нет врагов,
Где нет людей, где нет врагов,
Где нет меня – одна Музыка,
Где чувства радости и лиха,
Равны, едины – просто нет
Их вовсе, свет, лишь свет
Кричит во мне, смеётся, плачет,
Горит и гаснет, светит ярче,
Чем солнце, что слепит глаза,
Или молния, когда гроза.
О, Музыка, ты всех превыше,
Тебя не слушать надо – слышать,
Жить в ней и с нею, как во сне,
Провозглашая гимн весне!
О, Моцарт, Скрябин, где вы ныне,
Крутые пташки вас сменили.
Бетховен, Маллер и Чайковский
Вас выкинули как обносчи
Культуры нашей палачи.
И ты кричи, или не кричи,
Вас не вернуть невеждам, хамам,
Их полудевкам, полудамам,
В вас не нуждаются они им не до вас,
Они глухи, иль глухи – это всё равно:
Вы все для них давным давно
Говно.

«Еврейский певец Кобзон». (Рэка)
Лихо расцветает лизоблюдство
В божьем государстве Израиль.
На Россию «русские» плюются,
Над Россией гаденько смеются,
И помои жиденькие льются
И на Кремль и на Петровский шпиль.

Да, таков еврейский стиль.
Оболгать, обхаркать Alma Mater,
Где сосал ты соску, где любил,
Где в охотку крыл родимым матом
И «Столичную» охотно пил,
Где не признавал себя евреем,
Отрекаясь от своих отцов,
Где ты не был никогда плебеем,
(А сегодня стал в конце концов).

Ты и там лизал начальству жопу,
Здесь ты лижешь больше во сто крат.
Утверждаю – где ты жил и топал,
Там ты всем бывал и друг и брат.
Окажись ты на французской ниве –
Ты француз и квазипатриот
Окажись в арабском коллективе,
Ты не жид, совсем наоборот.
Ну, а если ты в Израиль заявился,
Ты, конечно, ярый сионист:
Только на иврите и молился,
Чтобы от нечистых был бы чист.
Иосиф для тебя певец еврейский?!

Есть ещё и Гафт, и Броневой...
Коганович, негодяй советский,
Был, конечно, не еврей, а гой.
Не американский был политик
Киссинджер, еврейский – он еврей,
И не по – английски, на иврите
Он произносил «Old raid», «Okay»

Каждую значительную личность,
Жополиз готов евреем звать,
30 серебровую наличность
Он за это может получать.

Сахаров – еврей, Коперник – тоже,
Троцкий – гад, а значит не еврей,
Вот Чайковский, Рафаэль – похоже,
Пушкин, Байрон – те родных кровей.
И Толстой, Шекспир, и Достоевский,
И Бальзак, и Диккенс, и Флобер,
Эти – все евреи, без примески,
Даже Черчиль сам – еврейский сэр!

Вспоминаю эпизод военный...

Немец заявил: «Москва взята!
Также Ленинград, Иркутск, и Лена».
Я спросил: «А х...?» «Naturlich, ya!»

Очень хототал я, аж до злости,
Что Кобзон еврейский, мол, артист.
Полню, господа евреи, бросьте,
Бросьте ваш художественный свист.

Нет света – дерево в окне,
Но древо для прохлады тень.
Есть сердце, что стучит во мне,
Но есть сердечная болезнь.

Дожди идут – вокруг свежо,
Идут дожди и топят нас.
Вот солнце – это хорошо,
Однако, если солнце в глаз...

Нам музыка ласкает слух,
И в ней живёт твоя душа.
Но звук фальшивый – тоже звук,
Он ударяет по ушам.

Есть тишина, покой и рай,
И наслажденье от природы.
Когда ж гроза, её игра,
Грозит лишить тебя свободы.

Нет однозначности ни в чём,
В хорошем есть плохое,
В плохом - хорошее, и в нём
Есть всякое иное.

Мы с малой буквы пишем имена
И гениев не чтим большою буквой,
Такая честь им нами не дана,
Они для нас, что тыква, брюква, клюква.

И все другие прочие слова
Мы так же с малой пишем, без почтенья,
Они нам, вроде, как дешёвые дрова,
Что в печь кладём, не зная сожаленья.

Но есть у нас одно словечко – Бог,
Мы слову этому большую букву дали,
Словцо – то малое, всего лишь слог,
Но ставим мы его у всех начал в начале.

В начале всех начал мы создали его,
И молимся ему до самого сегодня,
И почитаем мы его лишь одного...
Всё это кажется мне шуткою негодной.

Не сотвори кумира! – Что ж творим!
Чти своего отца! – К чему? Не чтим!
Мы создали все заповеди божьи,
Чтоб с них иметь и больше и дороже.

Ещё я пару слов скажу о веке.
20-й век смежил уж прочно веки,
Он жил культурой прошлого столетья.
Век 21 – эра лихолетья.

Нет Пушкина, Шекспира, нет Шопена,
Нет Рембрандта, нет Репина, Серова,
Сорокино – Лимоновая пена
Нас заперла на прочные засовы.

Кто сменит этих модных борзописцев?
Не далеко уж до заборных свистов,
До объяснений кулаком и матом,
Разборок всяческих, при помоши гранаты.

Когда писать разучимся мы вовсе,
С какой мы буквами напишем «Бог»?!
Пророчески я говорю: готовьтесь
Не понимать кто волк, кто носорог.

В пещеры, в норы, в щели к тараканам,
Нам место будет там – достойные места,
Сродни мы станем всем безмозглым истуканам –
Опилки в черепе и в сердце пустота.

Чуточку за искусство...

«Отдохнуть, расслабиться!».
«Расслабиться, отдохнуть!».
Такое требование к искусству

предъявляют только расслабленные.
Не хочу, не желаю расслабляться,
от... «аншлагов» и петросянов!

Искусство – не служанка для невежды,
Тем более не шлюха расслаблять
И между прочим, или прочим между,
Оно и не невинность и не блядь.

Кто жаждет от искусства расслабленья,
Уже расслаблен сердцем и умом,
Ему б искать другие развлеченья –
В сортире, чтоб расслабиться дерьмом.

Чтоб расслабляться, тут ума не надо,
А без труда искусства не постичь,
Тут голова нужна помимо зада,
Чтобы осмыслить «Быть или не быть?»,
Переживать страдания героя,
Его сомненья, радость и беду,
Не ржать до расслабленья, немотою
Кричать и выть в 12-том ряду.

А в первом те, кто жаждет расслабленья,
Уже имея расслабление мозгов,
Они превыше всяческих сомнений,
У них всегда ответ на всё готов.

Но только не готовы отзываться
На боли и на радости других,
Зато готовы счастливо смеяться
Над пошлостью аншлаговых шутих.

И чем глупей, тем им ёщё смешнее –
Расслабленность, ну что поделать тут,
Башка не варит, только вертят шея,
Смеются даже, когда слабых бьют.

Быть слабым – не порок, не преступленье,
Желать расслабиться – бежать из жизни вон,
Чтоб не страдать и не иметь сомнений.
Трагический души Амаргеддон.

Софокл не расслаблял мозги невеждам,
Шекспир страстями души потрясал,
Не оставлял героев без одежды,

Чтобы герой тот членом сотрясал.

Француз Мольер в комедиях весёлых
Смеяться заставлял не глупостью шутих,
Высмеивал он остротой уколов
Пороки у людей, страдая из – за них.

И Гойя обличитель критинизма,
Карикатурами не расслаблял людей.
И даже Райкин, сын социализма
Смеялся зла, чем злее, тем смешней.

И Зощенко, Жванецкий, кто ещё там,
Кого мы юмористами зовём,
По нам идут тяжёлою пехотой,
В расслабленных врезаясь на пролом.

Расслабленные, слабьтесь до усёра,
И хохочите просто не над чем,
Вы, падкие до глупости и вздора,
Никем вы были, стали вы... ничем.

История.

Историю не пишут, исторью сочиняют,
И кто чего захочет, к ней каждый добавляет,
Согласно разумению,
Согласно обстановке,
Приспособляя мненье
Той обстановке ловко.
И факты той истории
Являются основой
Ну, скажем, как для Торы,
Так для истории новой.

А новая история ту Тору не приемлет:
Один взлетает в небо, другой взлезает в землю,
Один клянётся Богом, другому Бог до ручки –
У всех своя история, свои, конечно, штучки.

Одна другой сказала, что сын у ней в тюрьме.
А третьей та поведала – он не в своём уме,
Четвёртой же сказала: зарезал конвоира,
И был убит при этом и утонул в сортире.

Прекрасная история состряпана была,

И вроде бы, похожая, прилипла, как смола.
И всем так интересно, ещё присочинят.
Так делают историю и каждый автор свят.

Тора, Коран и прочее
Художественны очень.
А если таковы они,
Отчасти и правдивы.

Но только лишь от части,
Как выгодно, для... власти.

Я с этим богом ни чего не понимаю.
«Угодно Богу» - люди говорят,
«То Божья воля, - тут же повторяют, -
А я тут не причём, не виноват».

Любое так оправдывают «чудо»
Кликуши Бога, кто бы ни был Он,
Хоть Сам, хоть Магомет, Христос и Будда.
Так Бог велел, и это нам закон!

Духовной академии не кончил,
Чуть семинарии духовной курс пройдя,
Грузин усатый на людей был ловчий,
Мир для него был людям западня.

Сажали, убивали - Божья воля.
Введя в стане казарменный закон,
Он расстрелял Россию. Эта доля
Угодно Богу, видно, думал он.

Другой, из немцев, был не лучше.
Войною задушив Европу всю,
Он тоже Got mit uns(ом) мучил.
Народы не угодные ему.

Примеров много есть тому в запасе,
Нет надобности все перечислять.
Я не пойму, зачем в «Эклезиасте»
Изречено: на всё есть Божья власть.

А мы - ничто, живи не суется,
Нам всё равно ничто не изменить,
И в божий помысел не влазь,

Как Бог велел, так и придётся жить.

Когда во сне я вижу Русь
(А наяву, она всегда со мной),
Меня охватывает грусть,
И я – с больною головой.

В её несчастиях нет места для меня,
В моих – её участие всегда.
Куда бежал?! Ведь в ней навечно я.
Такая глупость в мудрые годы.

Быть глупым в 20, может быть прекрасно,
Но в 70 – крутой идиотизм.
Попутал бес, коль на такой соблазн
Подался я, и так низвергся вниз.

Судьба и Бог наказывают тех,
Кто совершил измены грех.

Бетховен.
Тра, та, та, та.
Судьба. Бетховен угадал тебя.
4 ноты, вслед ещё 4.
Потом еще. Потом еще. Скорбят
Аккорды на весах, как гири.

Они меня уносят в океан
Космических страстей, в глубины моря,
То распрямляют мой согбенный стан,
То горбят на поклон от горя.

И вдруг проносится нежнейший вздох
И ласкою объемлет чувство.
Судьба Бетховена, как Бог,
Несёт всем нам Великое Искусство.

Искусство думать, чувствовать, творить,
Страдать, любить и ненавидеть в гневе,
И ближнему себя дарить,
И справедливости искать ещё во чреве.

И затаив дыханье, умереть,
И в кандалах почувствовать свободу,

Попасть охотно в глаз девичьих сеть,
И окунуться в ледяную воду.

Тра, та, та, та.
Судьба. Тебя Бетховен угадал -
4 ноты, и ещё 4,
Потом еще. И закружился бал,
И ты уже звенишь, как струны в лире,
И ты уже не человек, ты Бог,
Тебя уж не тревожит всё мирское.

Один Бетховен это сделать мог –
До высоты небес подъять с земли земное.

Мой Питер - Моя Россия.

Дважды я любил Россию - когда был от неё вдали: в плenу немецком и в земле еврейской, 3,5 года там и много лет уж здесь. Не видел я тогда её изъянов, но истинной любовью обуян, одни достоинства я видел в ней. Я унижения свои считал за долг пред нею, а не- удачи и обиды нёс, как дар добра, страдания – как исцеленье, муки – как катарсис. Всё помню с радостью теперь отсюда, хотя подчас я там страдал невыносимо, встречаясь с хамством, подлостью и злобой. Теперь, издалека, всё ей прощаю, и говорю, её прощенья недостойный: хочу, чтобы Добро и Справедливость пришли и воцарились на Родине моей; чтоб люди ощутили друга в друге и брата в брате, чтоб Русь моя наполнилась согласием и покоем; и чтобы, находясь навечно от неё вдали, я знал и чувствовал – Россия есть!

13 лет. А в Петербурге дольше,
Я не был дома, где родился, рос.
Моя Россия стала мне дороже,
Когда в чужом краю я старостью оброс.

Боюсь я за себя, что не сдержусь, завою,
То ли от радости, толь с горя, толь с любви,
А может, оборвётся ретивое
И обретёт кусок родной земли.

Я ко всему готов, я ко всему привычен,
Я умирал уже, влюблялся, словом, жил,
Я прожил всё, как говориться, лично
И право заслужил стеречь покой могил.

Ах, Питер! Ах, Великая Россия!
Я изменил тебе, в чём сам и виноват,
Когда сажусь за стол слагать стихи я,
Твой вижу на себе я укоризны взгляд.

И каюсь под мечом вины моей пред нею –
Я прожил честно жизнь, прости мне грех,
Я русский и в Израиле не стал евреем,
И этим отличаюсь тут от всех.

И у Израиля прошу себе прощенья,
Он мне не стал своим, хоть сделал всё, что мог,
Вина моя пред ним не служит утешеньем,
Как говорят, «Располагает бог».

Ах, если б он, с него и взятки гладки,
А то ведь баба, глупость и любовь,

Да, жизнь, разгадывать твои загадки
Так не легко, чтоб в глаз попасть не в бровь.

Нева, стеснённая гранитом,
И крепости небесный шпиль,
И Троицкий непозабытый...
Ах! Этот Петербургский стиль!

Дворцы и Мраморный, и Зимний,
Фонтанка, Аничков дворец,
На Марсовом лежащий иней,
Исаакий Невского венец,

Адмиралтейство, Клодта кони,
И Медный всадник на скаку,
Где Фальконе в Петра погоне
Рвёт ветром ноздри рысаку,

И Каменный, Елагин Остров,
Крестовский, Инженерный замок,
Суворов Троицкого моста –
Каменоостровскому подарок...

Всё душу рвёт в воспоминаньях,
В висках стучит, в глазах темно,
Ведь то не миф и не преданье,
Мне видеть было то дано,

И жить и чувствовать при этом,
Дышать, гулять, любить, страдать.
Как жаль, что я не стал Поэтом,
Хоть видел эту благодать.

Ораниенбаум и Павловск тоже,
Где Пушкин был и юн и млад,
И Петергоф забыть не гоже,
Его фонтаны и фасад.

И если в Петербурге с детства
Ты прожил хоть до десяти,
Великое его наследство
Всю жизнь обязан ты нести.

Жёлтый лист на зелёной траве,

Оголённые ветви дерев
Отозвались восторгом в моей голове
И, как вкопан, стою онемев

Рядом белый ковёр, снегом пал на траву,
Поднял взгляд – и небесная синь
Сквозь деревья возносит тебя в синеву
И слепит светлым оком богинь.

Солнце льёт белизну на домов купола
И сверкает вокруг чистотой,
Но не той чистотой, где причиной метла,
А рождённой святою мечтой.

Петербург, Петроград, свет души Ленинград,
Петергоф, Царскосельский дворец,
Когда смотришь на вас, не торопишься в ад,
А мечтаешь идти под венец.

В том kraю я живал, призажмурив глаза,
И не видел его красоты,
Надо было умчать на восточный базар,
Чтоб оттуда влюбиться в мосты,

Что разводятся ночью под взглядом зевак,
И плывут по Неве корабли,
Величаво, спокойно, торжественно так,
Словно нет под Невою земли,

Словно нет и меня, и вокруг никого,
Только Троицкий, Шмидта мосты,
Иль Дворцовый, Литейный – гуляй босиком,
Обращаясь с мостами на «ты».

Петропавловск, Исаакий глядят свысока,
Утопая в сиянье небес,
И шершавогранитные берега
Украшают Питера блеск.

Нет, надо было побывать 2 недели в Питере, чтобы понять, что чёрт догадал меня...gnить на Исторической Родине. Ну, жил уже, привык, успокоился, ждал своего часа, даже перестал уже раздражаться тем, что кроме Израиля и евреев ничего и ни-кого в мире нет. И вдруг Питер, вдруг русский Театр, Невский, филармония – жизнь! Кафе, рестораны, быстро, набитые

посетителями. И что совсем потрясло – приветливые продавцы. Куда девалось, хамство, злоба?! В метро старики уступают место, я уже давненько от этого отвык... Нет, не надо было посещать родные места. Всё равно придётся возвращаться «в деревню, к тётке, в глушь... в Иерухам.

Изматерилася Россия,
Забыв приличные слова:
Без мата, мол, какая сила.
Ромашки, лягушки, трава –
Всё это русское, родное,
Как слово «мама», слово «мать».
Ну, как же не сказать такое –
Уж если «мать», то рядом «б...».
Но есть ещё слова покрепче,
Так как же их не потреблять,
Сказал и на душе полегче,
И настроение на ять.

Прекрасные слова стыдливо,
Мы произносим шёпотком,
Они звучат не так играво,
Вот то ли дело матерком.

Ну что за смысл промолвить «к чёрту!»,
Вот на х..., иль в п... послать –
Ты сразу свой, родной, почётный,
Тебя все станут уважать.
Коль в жизни нету нас без мата,
То как литературе быть,
Её не издадут без блата,
Коль ты не станешь матом крыть.
И на экране, и на сцене
По фене люди говорят,
И так же чувствуют по фене,
Во всём гармония и лад.
Литература отраженье
Родного нашего бытъя,
И никакого чтоб сомненья,
Пусть матом кроет и дитя.
Иначе, кто тебя поймёт,
Коль ты не станешь материться,
Коль ты не пустишь в оборот,
Немного маты на страницах.

Иссяк язык, который был

Могуч, велик, красив, прекрасен,
Его сменил язык горилл,
Он прост и ...постоянно ясен.

Многомиллионная моя Россия,
Я жил в тебе, я жил тобой,
Конечно, не был я Миссией,
Но с поднятой ходил я головой.

Я не был немцем, не был и французом,
Евреем не был, был я Гражданин,
Начальству не служил и не крутился юзом,
Я навсегда и всюду был твой сын.

Плачевный результат, итог плачевный –
Я доживаю век в такой стране,
Которой и на карте – то вселенной
Не сыщется, как истины - в вине.

Из Петербурга в Ерухам забрался,
Чтоб доживать в бессмысленной тиши.
Я над собою хохочу друзья и братцы,
Я сам себя всего лишил.

Нет смысла свет коптить и не коптить нет смысла.
Так быть или не быть – вот в чём вопросик мой.
Я говорю себе: ну, если так уж вышло,
То быть – то, как не быть, само собой.
Хоть водкой заливайся, хоть водой.

Ловлю себя на том, что ничему не верю –
Всяк говорит лишь то, что выгодно ему.
Я слуха чувствую в себе и глаз потерю,
Как нищий, тот, что потерял суму.
« Нет правды на земле, но правды нет и выше» -
Сальери с Пушкиным давно решили так.
Ну, скажем, громко дождь стучит по крыше,
Мне ж говорят, что это лай собак;

Я говорю, я жизнью недоволен,
Мне говорят: прекрасна эта жизнь;
Я утверждаю, что я стар и болен,
Мне говорят: ты молод и держись.

Фу, чёрт возьми, я чувствую – глупею,
А может быть, совсем сошёл с ума.
Все пакости замазаны елеем,
А совесть продаётся задарма.

Нет правды на земле, и нет её в эфире,
На телевиденьи и радио враньё,
Враньё и на страничном мире
Газет, картавит вороньё,

Не произносит букв, скрывая факты,
Звучат фальшиво голоса людей.
И даже театральные антракты,
Самых спектаклей мне милей.

В спектаклях фальшь и ложь. В буфете
Пью пиво, бутерброды ем,
И делаю я вид: мне дела нет, что в свете
Исчезла правда. Навсегда. Совсем.

Ты Русским можешь и не быть,
Но россиянином – обязан.
Евреем можешь ты не быть,
Израильянином – обязан.

Ты тот, в какой живешь стране:
Ерей во Франции - француз,
В Америке – американец,
В России – русский. Иностранец
Тот, кто родился, рос в Литве,
А говорит, что он испанец.

Ты тот, чьей жизнею дышал,
Какие книги ты читал,
И на каком на языке
Печёшься ты о старице,
Иль матери, отце и деде,
С которыми ты спаян медью.

Быть иностранцем в своём доме,
Как жить в Гоморре, иль Содоме.

Не понимаю двойственность в себе:
Люблю и тоже время ненавижу,

Смотрю упорно и не вижу,
Скучаю я в приятельской гульбе,

И слушая не слышу – вот ведь штука,
И мысли напрягаю – не родят
Идей полезных, даже руки
Даны, чтоб созидать, они ж висят.

Врагу желаю смерти и жалею,
Власть презирая, подчиняюсь ей,
Люблю все нации, однако же евреи
Любовью не звучат в душе моей.

Потомственный еврей – не знаю Торы,
Живу в Израиле, а в сердце Русь,
Отставал своё, хотя не грели споры,
Любил я сложности, а ныне их боюсь.

Всё смешано во мне – хорошее, плохое,
И страх, и смелость, ум, и слепота,
И избегая бурь, не ведал я покоя,
Красивость отрицал – прекрасна красота.

Нам власть диктует способ жить.
Кому в угоду? Да себе самой!
А нашу Ариадны нить
Велит порвать, чтоб нам не быть собой.

Большевики нам дали «Краткий курс»,
Как Катехизис, как основу мира,
Под страхом «Курса», даже и не трус
Болезнь медвежью испытал в сортире.

Счастливое я детство пережил,
Когда отец в парилке грелся
«Крестов» и из последних сил
Держался под напором зверства.

Потом лишенчество пришло,
Что ели, в чём ходили в школу...
Ведь даже старое пальто,
Всё описали протоколом.

Оставили ли мне кальсоны,
Не помню уж, но мебель всю

Забрали и в комиссионном
Загнали и не по рублю –

Там было кое - что дороже:
Салон из крокодильей кожи,
Краснодревесная столовка,
Хрусталь, картины, даже ковка.
Но «Краткий курс» настольной книгой
Был в каждом доме – страх велел.
И вдруг всё обернулось фигой,
И «Краткий курс» уж не удел.

«Курс» не указывает курс,
Шагаем мы другой дорогой,
А «Курс», он сделал ложный тур-с,
Его забыли понемногу.

И новый курс вознёсся ввысь,
Стал зваться «Торой» святою,
И ты борись иль не борись
Идёшь дорогою иною.

Сам Бог нам эту Тору дал,
А Моисей, пророк, доставил,
Ты с Торой праведником стал
И держишься святых ты правил.

Шагаем снова, как один,
Опять единою дорогой,
И каждый иудейский сын
Теперь за пазухой у Бога.

Вот чёрт возьми, какой расклад
Дан человеку в этом свете...
И кто же в этом виноват?
Все у истории в ответе.

Мы так свирепо верим в чушь,
Запуганные мракобесы:
Милионы человечьих душь
Живут, как нелюди и бесы.

Я чистоплюй, себя я презираю:
Об деньги не хочу марать я совесть.
Они не пахнут, говорят. Я знаю.

Но там, где деньги, лжива жизни повесть.

Купил – продал. Процент – нажива.
Спекулятивный дух тебя объял,
И все твои прекрасные порывы
Он прочно под себя подмял.

Что ближние тебе, да и вообще, что люди?...
Они объект, пусть даже и друзья,
Ничто твоё стремление не остынет
С них взять, иметь корыстно, для себя.

Я чистоплюй, и этим я горжусь!
Хоть понимаю, как не современно
Жить совестливо. Но я не стыжусь,
И совесть у меня чиста отменно.

Я без богатства жив, доволен и спокоен,
Общаюсь с книгами – мне с ними хорошо,
К деньгам я не стремлюсь – уж так устроен.
Путь Чести и Любви я и без них прошёл.

И прожил счастливо почти уже до ста,
И чистоплюйство мне не помешало в счастье,
И смею утверждать, что жизнь пуста
В маниакальной к деньгам страсти.

Любой нацизм мне не по душе –
Французский, русский и немецкий.
Ещё еврейский... надо гнать взашей
Из нашей жизни сей мотив плебейский.

Нас облекают разные уродства,
Но суть у них всегда одна:
Одно и тоже скотство
Одна вина.

Как мы горазды всё разоблачать,
Кричать, ругать и отрицать:
«Не так!», «Не гоже!», «Плохо!», «Бред!»,
«Всё гадко!». На хорошее запрет –
Не говорим о нём, молчим о нём,

Его не видим даже днём,
А если явно есть оно
Мы видим, что оно черно.

Чернуху видим мы везде -
В природе, в воздухе, в воде
И солнце затемняет нам окно.
Но так ведь не бывает в жизни:
Уж ежели нам чёрное дано,
То есть и белое на нашей тризне.

Когда ты видишь только цвет один,
Ты о себе толкуешь, не о факте –
Твоя позиция прозрачна, господин,
Ты ясен, прост, и сдох уж в первом акте.

Стихи рождаются тогда,
Когда волнуется душа,
И вырываются слова
Из головы и сердца,
Но если не жива душа,
И не волнуется она,
Её не радует весна,
Так и стихам не петься.

И пусть стихи не хороши,
Хотя исходят от души,
Из хлебных зёрен, зёрен ржи –
Питанья основного
И для животных, и людей,
И для богов, и для чертей,
Для всех служебных должностей,
И для всего живого.

Слова летят, слова горят,
Слова пронизывают взгляд,
И человечеству заряд
Дают и потрясают,
Как – будто гром, как – будто град,
Как – будто бы планет парад,
Не требуя себе наград,
Искрятся и сияют.

Да здравствует Поэт, Артист,
Но только, чтобы духом чист,

Чтоб не марал бы белый лист
Неправдою и ложью,
Не издавал бы злобный свист,
Оригинал, не пародист,
И не расист, не сионист,
И не какой вообще не «ист»,
И не с душой порожней.

Тогда стихия слов прекрасна,
Когда звенит душою ясной.

Ну, что за кретинизм нас обьял:
Мы имена меняем, как тот жулик,
Был Игорем, а стал Игаль,
А Саша взял кликуху – Срулик,
Машутка стала Мирьям,
Вовка – Зэев,
Петров себе взял имя Бен Шалом,
Был некто мужиком стал геем,
Сменил пристрастья в смысле половом.

Смешалось всё: законы и понятия,
Дорога старикам, а молодым почёт,
Коварства и обман – родные братья,
А честность, прямота – порок наоборот.

И скоро ожидает нас такое:
Земля нам будет небом иль водой,
Мы наш, мы новый мир в себе построим
И негевский махтеш мы назовём горой,
Листочек – травкою, песочек – монолитом,
А книжку мусором, театр свалкой грязи.

Мы всё пропустим через наше сито,
Нам нет препяд, мы через всё пролазим.
Мы всех умней, всех лучше и прекрасней,
Но почему - то всё у нас в обрат:
Мы врём себе, присочиняя басни,
Что недоступно нам – зелёный виноград.

У моего народа два порока,
Смертельно жалят нас они

И убивают нас до срока,
И сокращают наши дни.

Один порок – то мания величья,
Неполноценности и страха результат,
Сей комплекс носит разные обличья -
От скромности до наглости бравад.

Мы всех умней, все выше, чище, лучше!-
Пытаемся уверить в том себя.
Хотя уж не один несчастный случай
Нас сбрасывал с высокого коня.

Однако нас не вразумить, не верим,
Гласит Тора: евреи лучше всех,
И эту мысль мы с радостью впускаем в двери
Своих ушей, гордыни и утех.

Глупцы! А чем другие хуже?...
Японцы иль китайцы, чукчи, русы...
Тем, что у некоторых глазки уже,
А русы не похожи зулусов?...

Но есть другой порок, страшнее,
Мы комплексом больны ещё одним –
Кругом мерещится нам ненависть к евреям,
Зовём его антисемитством злым.

Его мы видим, там, где нет его впомине,
Его мы пестуем фантазией в мозгах,
Мы без него, как нищий бомж на льдине,
Которого не греет и Танах.

Кричим мы: Караул! Нас все не любят!
За что? За что? Ведь мы так хороши!
Мы любим всех вас люди, люди...
(Всех - на словах, себя от всей души).

Мы свет вам всем несём и знанья,
Талант свой – всё, всё, всё для вас,
Вы же чините нам одни страданья,
Жидами обзываая нас.
Мы не жиды, мы подлинно евреи,
За вашу не любовь к нам хочется вам мстить.

Охотно мы свернули б гоям шеи,

Но страх пред ними заставляет их ... любить.

Это осень тоскливая без дождей –
Где – то солнце проглянет, или вихрь пронесётся,
Легкокрылая птица играво взовьётся.
И опять тишина средь песчаных полей.

На холмы и равнины тяжёлая тень
Временами то тут, а то там наплывает,
Над пустынею серой воцарилася лень,
И пустыня лежит предо мною нагая.

Я педали кручу, озираюсь кругом,
В голове шевелятся осенние мысли,
На дороге мне камушек каждый знаком,
Я его обезжаю на скорости быстрой.

И какие – то рифмы роятся во мне,
Я хочу их запомнить, они исчезают,
Как видения те, что я видел во сне,
Улетают уж утром курлычащей стаей.

Тишина и покой. Неподвижен песок,
Будто ждёт ветерка, чтоб подняться на воздух.
Рядом рощица спит, а за нею лесок,
Погрузился в осенний предливневый отдых.

Туча чёрная тенью на землю легла,
Вот – вот брызнет водой долгожданной,
Тут же молния с громом – стальная игла
Пронеслась, не дав влаги желанной.

И опять я педали кручу, и опять
Озираюсь вокруг в ожидании влаги,
Тишина и покой возвратились вспять...
Нет, не будет сегодня дождливой атаки.

Восемьдесят второй
« Ну, вот и вечер кончен»... Убран стол,
Кровать постелена, лицо помыто.
Пора в постель. Но совести укол
Напоминает, что не всё забыто.

Не позабыты острые мгновенья

Любви, поступков добрых и плохих,
Измены не забыты, измененья
В себе, а также и в других.

То стыд пронзает, то клокочет радость,
То мрак, то свет, то темень, то рассвет.
Признаться должен: так приходит старость,
Когда тебе за 80 лет.

Не дарите мне цветы
И подарки не дарите –
Разведённые мосты,
Разведённые событья.

Петербургский северград,
Омский и Новосибирский,
С вами был я сердцем рад,
Вам я кланяюсь пренизко.

Всё сменяется порой –
Радость, боли и страданья.
В след, что ты ступал ногой
Уж не будет попаданья.

Годы радость не несут,
Вспять идти их не заставишь,
Выше поднимай сосуд
Звуков звонких белых клавиш.

В этом смысл твоей игры
Человече, в этом мире –
Жизнь любить до той поры,
Пока пьётся в чумном пире.

И на чёрных выжимай
Нежных чувств произнесенья.
Пусть пребудет жизни рай,
Рай всемирного спасенья.

Мне иногда бывает страшно стыдно
За то, что я являлся Кем – то там,
Живя среди людей, которым так обидно,
Что кто – то старше их...отнюдь не по годам,

По статусу, да и по положению,
По значимости дел, профессии своей,

Мне стыдно, что они прошли по жизни тенью
И там и здесь средь негевских степей.

Зачем я не средь них?! Зачем я непохожий
На тех, что рубятся азартно в домино
И сплетничают обо всех прохожих,
Заглядывают каждому в окно.

Мне стыдно, что такие интересы
Неинтересны мне, но интересны им,
Что их скамеечные политессы
Меня не трогают, как прошлогодний дым.
Мне стыдно. Надо б мне спуститься с горки
В долину жизни милых старичков,
Так радующихся жизни горькой
Безвкусно прожитых годков.

Тропа, заросшая травой,
Слова покрыты туманом...
Как жизнь устроена престранно,
Не ясно всё, нет истины со мной.

Идёшь налево - не выходишь к цели,
Направо шаг - проходишь стороной,
А если ты вперёд идёшь несмело,
Есть ощущенье, что идешь спиной.

Круговорот, неясность, круговерть,
Куда не движешься, приходишь не туда,
Ничто не ценится, нет божьего суда,
Одна лишь истина есть... смерть.

Но ты не думай про неё в пути,
Вперёд смотри не слишком далеко,
Твой час - сегодня, проживи его,
И в нём ты сможешь ясность обрести.

Как постаревшая актриса,
Не понимая лет своих,
Ещё мечтает о Ларисе,
Джульетте, Нине - молодых.

Как старец, потерявший зренье,
Не думает о том, что слеп,

Его телесные движенья
Не ведают, что он нелеп.

Так поведение моё,
Мои привычки и манеры
Давно уж отжили своё,
А я по - прежнему не верю,
Что я уж немощен давно.

Как трудно перебраться в мир,
Который так сегодня моден,
Когда уж ни на что не годен –
Годами сброшенный кумир.

Чтоб новое построить, развалить
Всё старое совсем не обязательно.
И стоит усмирить ту прыть
Кричащих громче всех и рушащих старательно.

Нам не для свалки старое дано,
Оно – наш опыт жизни и уроки.
Мы смотрим в мир сквозь старое окно,
И будущего видим в нём потоки.

Куда идём? Что хорошо? Что надо
Нам брать с собой, и что терять,
Чему мы рады и чему не рады,
Кто мачеха и кто нам мать.

Мы только через опыт постигаем,
А опыт – это старые пути,
И даже пусть они не стали раём,
Но нам по ним ещё дано идти.

Всё прошлое идёт по жизни с нами
Не 5, не 10 и не...40 лет –
Всю нашу жизнь. И только за горами,
Горами долгих лет восходит свет.

Остановись прекрасное мгновенье
И исчезать из жизни не спеши,
Ликуй, ликуй движенье всех движений,
Движение души.

Прекрасно все: природа, изумленье,
Небесный цвет, желание любви,
Сомненье, красота, общенье,
Прекрасен каждый миг, и ты его лови.

Коль человек ты, то ликуй и в горе,
И в радости – всегда, всегда,
Не думай, что исчезнет вскоре,
Что было в прошлые года.

Сегодня ты живёшь, сегодня ты прекрасен,
Сегодня любишь, ненавидишь – всё!
Сегодня только лик твой ясен,
Сегодня день и ночь, сегодня всё твоё.

О, политика, ах, политика,
Ты театр, ты цирк, ты фарс!
Грязь налипла на лживые личики
Лицедеев, народов и рас.

А народы и расы не видят,
Да и вряд ли увидеть хотят,
Фальшивь и подлость в кровавой корриде
На висящих портретах вождят,

Что политику делают лживо,
Возведя её в способ наживы
Для себя... для себя... для себя.
Как прекрасна святая земля.

Ко дню Катастрофы и... героизма.

Оплачивать мёртвых, забыв о живых...
Присваивать трусам поступки героев...
К таким экзерсисам народ мой привык,
И в свой геройзм уже верит с лихвою.

Во всём и всегда мы идём впереди –
Мы в этом уверены, об этом трезвоним,
В науке, искусстве, политике и....
И ... в геройзме мы всех перегоним.

Какой геройзм?! Согбенные спины,

Потухшие, мёртвые очи людей,
На плечи, которых взвалили все вины,
Что существуют у суш и морей.

Покорно они их несут, даже с гордостью,
Приятно страдая, и лица в слезах,
И спорят друг с другом, кто первый был в кротости,
В смиренье, как мудрствовал Танах.

Я сам это видел, своими глазами:
Шестиконечные звёзды заплат,
И вы уж простите меня, между нами,
Моча, что от страха мочила асфальт.

Я видел желанье служить конвоирам,
Служить и выслуживаться, нагло и зло
Растаптывать прежних своих кумиров
И нынешних – чтоб только самим повезло.

Чтоб выжить, глотнуть ещё чуточку жизни,
Готовы с коленей не встать пред врагом.
Что ж? Были, наверное, и «героизмы»...
В терпенье, смиренье... под сапогом.

Я знаю, что у Дружбы интересов нет,
Есть Искренность и полная отдача.
Когда нет света – дружба заменяет свет,
И царствует, глаза в тени не пряча.

Но если есть у дружбы интересы,
Причём здесь дружба, дружба не причём,
И празднуют здесь бал расчёт и политессы
С расхожей фразой «что почём».

И если цену ты назначил дружбе...
Она не стоит никакой цены,
Она бесцenna, ей не быть на службе
Обогащения казны.

Приливы и отливы моря,
Гроза и ветры, молния и град –
Все с дружбою равны красою.
Так в небесах и наравне с землёю
Вращается один планет парад.

О, как я ненавижу стоны,
Они меня приводят в содроганье,
Они скрипят, как старые вагоны,
Везущие меня в страданье.

Я жить хочу, а мне велят страдать.
Хоть раз в году, но пострадай несчастный!
Чтоб в остальные дни не вспоминать,
Забыть, как будто не было ненастья.

Я не приемлю эту ложь слепую –
Зачем, кому и что она даёт...
Когда я вижу как фальшивы поцелуи
Завистников и недругов, да в рот,

Не в щёку скромно, или прикоснувшись,
К руке, к плечу, а может быть, кивком...
По мне бы обругали лучше,
Но только бы не заходили в дом,

Чтоб выразить сочувствия неправду.
Ну, что им горе, радости других...
Но нет же, так положено, так надо,
Играй, сочувствуя или будешь лих,

Хоть рожею изобрази, что грустно,
Переживанье срочно покажи,
Пусть даже нет в тебе сочувствия и пусто
В твоей душе. Но ты живи во лжи.

Так принято.

Мне хорошо – я этого страшусь.
Мне худо – это тоже плохо.
Мне хорошо, когда родная Русь
О достиженьях не кричит, от бед не охает.

Здоровье нам сменяет незддоровье,
Победы – порождениям восслед.
Когда течёт избыток красной крови,
То белого в крови почти, что нет.

Уровновешен мир, в нём нет однообразья,
И постоянства тоже не ни в чём:

На шире мира есть Восток и Азия,
Европа, Запад тоже есть на нём.

Я однозначность резко отрицаю-
Я сомневаюсь, значит и живу.
Нет ничего, что без конца и края
И навсегда бы было на плаву.

Уходят годы, молодость уходит,
И старость незаметно настаёт,
И моды заменяют моды,
И минус воду превращает в лёд,

Одни живут, другие умирают,
Богатство не приносит нам покой,
Как говорят, ещё есть ад без рая,
Но есть и рай без ада за чертой.

Всё есть. Есть всё и даже много больше,
Живи, дыши, люби, твори,
Глаза есть синие, а есть и карие очи.
И это всё, как говорится, SELAVIE!

Хамсин.

Когда смертельная жара
К нам подступает со двора,
Мозги и тело растопляя,
Не хочется ходить ногами,
Не можется владеть руками
И даже пёс меня не будит лаем.

Хамсин, хамсин – бессмысленное время,
Кто выдумал его, на что он людям дан,
Его не терпит, даже племя
Из закоулков африканских стран.

В тени под пятьдесят, под солнцем пламя,
Горят трава, деревья, человек,
Который вяло двигает устами,
И кажется, что навсегда, навек.
И даже ветра дуновенье
Нам не даёт отдохновенья,
Скорее, нет, наоборот –
Ещё сильней жара нас жжёт.

А чем дышать, особенно ночами,
Когда жара нам обжигает глотку,
Как кипяток иль спирт отчаянный
Под сотню градусов (уж лучше 40 водки).
Хотя и то и это пить в сю пору,
Что в петлю лезть или без связки в гору.

Сиди и жди, когда жара спадёт,
Не делая излишества в движенье,
Пока хоть чуточку живое оживёт –
И человек, и почва, и растения.

Не знаем мы, когда случится это,
Да и вообще вернётся ли к нам жизнь,
То ль это будет в ночь, то ль на рассвете,
Ну, а пока сиди, держись, крепись.

Мне за окном мерещится Россия.
Усилем воли проясняю ум,
И понимаю – я бессилен
Реализовывать поток неясных дум.
Ишь размечтался, говорю себе,
Живи, где есть ты, а не там, где нет,
Простишь с мечтой, иначе быть беде –
От грёз бесплодных организму вред.

Россия, милая, моя Москва, мой Питер,
Как вы далёко, но всегда со мной,
Мне не нужны не стриты и не сити,
Я жить хочу на Невском, на Тверской,

Дышать их жизнью, воздухом, азартом,
И бегать по театрам и друзьям,
А здесь искусство обзывают артом,
И степи негевские стонут по дождям.
А что есть снег? – здесь он зовётся шелег,
И большинство не видело его,
Тут, правда, есть средиземноморский берег,
Но океанских нету берегов.

А в магазинах, что зовутся Супер
Есть всякие продукты для еды,
Желать тут дефицита крайне глупо –
Всё есть тут вплоть до самой ерунды.

Жирей, худей, ешь то, что только хочешь

И одевайся, будто ты раздет.
Религии здесь много, между прочим,
А вот Культуры, извините, нет.

И я люблю Россию странною любовью:

То горд я за неё, то гложет душу срам,
То я хочу к её прижаться изголовью,
Уставши от жестокостей и драм,
А то хочу к груди прижать её я сам.

Вот угораздило раздвоиться враздрызг:
То чувства нежные в себе носить,
Питаясь каплями её солёных брызг,
То слыша её новой жизни визг,
Пытаться усмирить отчаяния прыть.

Прекрасная страна – соцветие талантов,
Несчастная страна – созвездие рабов...
Покоишься ты на плечах атлантов,
Величья твоего гарантов,
Твоих сынов.

Раздвоен я в моей любви к тебе,
Раздвоенность мучительно сильна,
Взрывается миллионами любвей,
И белокрыльем чистым лебедей
Возносит к небесам меня она.

И вдруг с небес – да в грязь, да в боль,
И деется некуда от горя и от мук:
На раны ты, Россия, сыплемь соль,
Чтоб побольней и впоперёк , и вдоль,
Как самый добный враг, иль самый злобный друг.

Любовь и гнев, и жалость к ней одной,
А прочьи страны, как-то мне чужды.
Ты, Русь, всегда была моей страной,
Я за тебя и нынче кинусь в бой,
Хоть к странам мне чужим не чувствую вражды.

Талантлив и умён, глуп и бездарен он,
Народ, России славные сыны.
Тобой Россия я прекрасно покорён,
Москва и Питер мой, Нева, Иртыш и Дон,
Я далеко от вас, но с вами мои сны.

Эйфория сродни мимикрии,

Мимикрия сродни эйфории.

Когда вижу телячий восторг

Тех евреев, что прибыли в порт,

Или в аэро, или в морской,

Навсегда укатив с Тверской,

Чтоб сменить её на Дизенгоф,

Где в копеечку стоит им кров,

Чтобы бросить науку, почёт,

И метлу не считать за просчёт,

Что бы бросить театры, друзей,

Только б знать про себя –иудей,

Я среди иудеев живу,

Пусть я сцену сменил на метлу,

Пусть я званье своё позабыл,

Пусть мой выбор лишил меня крыл,

На которых я с детства парил,

Пусть не видеть родных мне могил,

Мать, отца и других близких душ,

Пусть не греться мне больше от стуж,

Пусть молчать на чужом языке,

Пусть крутится в смертельной тоске,

По друзьям, по родимым местам,

По работе, по тёплым домам,

Где не ведал, что ты иудей,

Где всегда был одним из людей:

Русский, чукча, хохол и калмык –

Это люди к которым привык,

Как к своим и по крови, и всяк,

С кем вступил от рождения в брак.

Плач теперь или смеялся с лихвой

Над собой, над собой, над собой,

Иль играй в эйфорию, м...к,

Вроде тех обезьян и макак,

Что в вольерах сидят меж своих,

Издавая пронзительный крик,

Толь от горя, несчастья и бед,

Толь то счастья, которого нет.

Будь доволен, что бросил страну,

За которую дрался в войну,

И в которой ты был Гражданин,

Не еврей, не мордвин, не грузин,

А такой, как и все – Человек,

Средь людей, навсегда и вовек,

Вот и радуйся тем, чем ты стал:
Был в России большим, здесь ты мал,
И не слышно, не видно тебя.
Богохульствуй в восторге кляня
Мимикию свою и страну,
Эйфорию свою и жену,
И себя, и себя, и себя...
Это предков земля... не твоя.

Я никогда её не бил –
Она меня любила.
И матом я её не крыл –
Она меня любила.
Ни разу я ей не соврал –
Она меня любила.
Ни разу ей не изменял –
Она меня любила.
Я и цветов ей не дарил –
Она меня любила,
Любовью, нежностью кормил –
Она меня любила.
Всё это надоело ей:
Ах, праведник несчастный!
Вот если б бил бы ты меня,
И материли бы ты меня,
И изменяли бы мне с другой,
И лгал, и груб бы был со мной,
Ты оставался бы мне люб.
Ах! Почему я не был груб!

Ах, суета, Ах, суета....
Как ты глупа, как ты пуста:
Тусовки, сборища и сборы,
И ссоры, ссоры, ссоры, ссоры,
И зависть, драки и борьба
За лидерство – удел раба.
Локтями, ляжками и силой
Всех растолкать, загнать в могилы
Тех, кто барьером на пути,
К вождизму, к лидерству идти.

Ах, суета, Ах, суета....
Вдруг «ррраз» и ты уже не та,
Тебя не радует успех,

Уже противен он, как грех,
Вождём тебе быть ни к чему,
И голова твоя в дыму,
Нет, нет, нет не от сигарет,
К любви и к бабам вкуса нет,
А от никчёмности своей,
Перед лицом простых людей,
Которые в вожди не лезли,
Не сутились бесполезно
В отчаянной борьбе за власть,
В борьбе за власть не суется:
Детей растили, жён любили,
В работе радость находили,
Не лебезили пред начальством,
На подчинённых не рычали,
И совестью всегда чисты
Не низвергались с высоты,
Морали человечьей
Сей жизни быстротечной.

Ах, суёта, Ах, суёта....
Ты - маята, ты - маята,
Ты бесполезна и вредна,
Ты ниже дна, ты ниже дна.
Ты суть идеи дураков,
Ты не достойна добрых слов.

Я ощущать хочу знакомое, родное,
С чем сжился, что любил, к чему привык,
И как не странно это, но порою
Оно раскрепощает мой язык.

Я говорю знакомыми стихами,
Знакомую я музыку люблю
И даже в самой примитивной гамме
Я ноты вечные без голоса пою.

Когда мой стол стоит на прежнем месте
И стулья, и кровать, и книги, и часы,
Мне хорошо, мы так сжились все вместе,
Что мне иной не надобно красы.

Старинный дом, старинная квартира,
Они давно мои, как сердце, голова,
И не желаю я другого мира –

Мой Петербург моя Москва.
Мой Невский, Эрмитаж, Маринка,
Тверская, Третьякова, Кремль,
Они мне по душе, они всегда мне близки,
Как Негеву песчаная метель,
Как небу тучи, как деревья лесу –
В них вечность и величие всегда,
От них не отвратить ни ангелу, ни бесу,
Они со мною, как мои года.
Без них я мёртв, я сохну и тоскую,
Старинное прекрасно для меня,
И если у меня отнять его, умру я,
Сегодняшний модерн отчаянно кляня.

Ни новых жён, ни новых городов,
Квартир и кресел, кухонь мне не надо,
Со стариной я молод и здоров,
Она моя награда и услада.

Вся жизнь как будто миг единий,
Одно дыханье и одна судьба,
Вчера ещё она казалась длинной,
Сегодня уж видны гроба.

Несётся поезд по пути в далёко,
А то далёкое уже недалеко,
Ещё ты не успел налиться соком
И вот уж дряхлой старостью влеком.

Чтоб миг прожить и кое - что успеть,
Не 100, 120, надо эдак 300,
Пусть в это время заржавеет медь,
Лишь твой рассудок оставался б чистым

Для творчества, для радости, чтоб миг
Не заржавел никчёмностью и гнилью,
Чтоб в этом малом миге ты достиг
Мечтаний претворённых былью.

Чтобы потомок твой сказать сумел:
«Да, миг единий прожил этот предок,
Зато успел он сделать столько дел,
Что человечий мир ему навеки предан».

Мы ищем Бога...Бога ищем мы...

Коль ищем обязательно находим.
Он - свет, а нас же тьма из тьмы,
И потому он нам угоден.

Чтоб было иногда к кому
Нам обращаться за поддержкой,
Со своего плеча переложить суму
Тяжёлую, а также все издержки,

Он Бог, он всё перенесёт,
Он снимет с нас все тяжести земные,
С ним легче – наш ему почет,
И мы пред ним сгибаем выи.

За всё в ответе он, я не причём,
Мне с ним легко, ему со мной не тяжко.
А есть он или нет, гори он огнём,
Ему я говорю: - неси мой крест, бедняжка.

Я в ногу с веком не хочу идти,
Он мне не по душе с террором, мракобесием,
С великой Аллой мне не по пути,
Пускай другие любят её песни.

Не в ногу мне и с церковью святой,
Активно насаждаемой сегодня,
Когда она всецело под пятой,
Когда не Господа она, господня.

Ложь, воровство, убийство и обман,
Они отлично маршируют в ногу,
Зелёный свет в деяниях им дан,
Наверно, это так угодно богу.

Нажива, поклонение тельцу,
Неискренность, наркотик, тунеядство,
Сегодняшнему веку так к лицу,
Как алкоголику присуще пьянство.
Россия, милая, хоть ты повремени,
Не торопись идти ты с этим веком в ногу,
Хоть малую толику захвати
От 19 века в путь дорогу.

Порядочность и Честь, Культуру, Чистоту,
Служенье идеалу, не богатству,
Добро и Благородство, Простоту –
Всё то, что былъ прежде у дворянства.

Я Маяковского не с Пушкиным равняю,
Не с Блоком, Пастернаком, Фетом... нет!
Поэзию я чту и прославляю –
Поэты вместе все – один Поэт.

Кто мерит их по росту, по ранжиру?
Все разные. Поэзия ж одна.
Рояль и скрипка, контрабас и лира
Нужны оркестру. Также барабан.

И чем различнее все эти инструменты,
Поёт музыка красочней, смелей –
Ведь жизни нашей разные моменты
Хотят звучать Поэзией своей.

Не сравнивай и не равняй поэтов,
Читай того, кто по сердцу тебе,
Одни весну предпочитают лету,
Другие осень предпочтут зиме.

Конечно, есть в поэзии графоманы,
Фамилий я не буду называть.
Глубокие они наносят раны
Поэзии. И несть числа им рать.

Пускай они малюют на бумаге
Каракули словесные и вздор.
Ты не читай их, наберись отваги,
Скажи: «То не поэзия, позор!»
И в этом будет твой писаке приговор.

Война террором. Война с террором.
Характер преступного нашего века.
Свора убийц, не зная позора,
Охотятся на человека.

Успешно ли, не успешно – не важно,
Лишь бы убить побольше людей.
Смело, дерзко, с риском, отважно

Взрывает с ними себя злодей.

Зачем? Во имя чего это надо?
Укус комара, иголки укол.
Век наш – время звериного смрада
На человека взрывчатка и ствол.
А человек со страхом или без страха
Идёт вперёд не меня шаг.
Удар с замахом, иль без замаха
Свет не загонит во мрак.

Всё суeta... Соломон был прав.
Взрывы и выстрелы мир не сломят.
Слон идёт и ползёт удав.
Ничто не меняется в нашем доме.

Она была загадкой для меня,
И навсегда такою оставалась,
И даже до сегодняшнего дня
Я понял в ней одну лишь малость.

Изменчива, как свет в окне,
Меняющий оттенки светотени,
Она подчас казалась мне
То энергичной, то купающейся в лени:

Влекущей обаяньем, естеством,
Вдруг сухостью отмечена внезапной,
То нежной, ласковой и тут же, не потом,
Какой то резкой, не приятной;

Податливой, манящей теплотой,
И время не прошло – уж чем то недовольной,
А иногда была и просто злой,
Но чаще милой, мягкой, сердобольной.

Умна - наивна. Искренна - и нет.
Мать и жена – и вдруг чужая.
Одним она была, как жаркий солнца свет,
Другие думали, не греет, а сверкает.

Мужик и баба. В слабости сильна.
Слаба и в силе. Вечная загадка.
Однако было с ней необычайно сладко,
Какая б ни была она.

Я часто думаю, что значит жить,
И что такое жизнь, и как с ней быть.
Есть мнение: дана нам жизнь для драки –
«И вся-то наша жизнь борьба», то враки.

Другой решил, что « наша жизнь – игра»
Кому игра, а кто покоя жаждет.
А жизнь всегда кончается однажды,
Когда её кончается пора.

Пора приходит кончиться не жизни,
А впрочем, может быть, и жизни – как считать.
Нет, жизнь и дальше существует по жизни,
И без меня ей, жизни, в жизни благодать.

Однако, без меня ведь жизни не бывает,
Я это понял, знаю, убеждён.
Не наблюдал я что - то в этой жизни рая,
Из ада, от чертей, мне чаще был поклон.

И если нет меня, то нет тогда и жизни,
Когда ж я есть, она во мне, со мной.
Мы вместе кончимся, когда нам время свиснет,
Расстанемся с игрой, борьбой, судьбой,
Расстанемся... с собой.

Ложь во спасение, спасение во лжи...
Истина, как не была б горька...
Галлюцинации, виденья, миражи...
И люди, звери, звёзды, облака...

Что лучше, чище и всегда верней?
Не знаю, не скажу, стою за правду.
Но есть же правда, что стоит левей,
А есть правей -- что Правда? что Не- правда?

Когда я женщине скажу «люблю»,
А ей всегда приятно слышать это,
Я чувства добрые в неё вселю,
Будь это правдой иль неправдой это.

Когда к кому - то ненавистью я
Дышу в лицо и страстно презираю,

Всё доброе в нём напрочь убиваю,
Хоть поделом ему, но убиваю зря.

Я убиваю в нём все добрые начала,
Ему во вред, да и себе, во вред,
И всем во вред. Хоть не хочу скандала,
Но сколько этим создаю я бед.

Я не хочу ни лжи, ни правды априори,
Хочу я мира, счастья и добра.
Нужны суровые басы, контральто в хоре,
И сладкозвучные басы и тенора.

Всё нужно, только во время и к месту,
Всё нужно, только б цель была не зла.
Твори Добро повсюду, повсеместно,
И что бы к ближнему Любовь в тебе жила.

Нет, не листочки и не мотылёнки

Меня волнуют, и не моря шум.
Нет! Человек меня волнует очень –
Его желанья, чувства, сердце, ум.

Пейзаж, природа могут быть красивы
И некрасивы тоже могут быть.
Но над водой пригнувшаяся ива,
Иль зверь, что демонстрирует нам прыть,

Не задевают моего вниманья
С такою силою, как человек
Со всеми радостями и страданьем,
Судьбою, данною ему навек.

Поэзия меня не задевает,
Когда в ней нет людей, и нет меня,
Я равнодушен к ней, она чужая,
Без сердца, без ума и без огня.

Пускай свои оттачивают перья
Те, что любуются прохладным ветерком.
Без ложного скажу им лицемерья:
Присядьте под луною вечерком,

Прохладой ночи сладко умиляясь
Слезу пустите от избытка чувств,

Потом романсы напишите, вздыхая,
И гордо скажите: вот вам шедевр искусств.

И, может, будете по – своему вы правы,
По – своему, а я тут не причём.
У каждого свой вкус, понятия и нравы –
Одни пьют «на троих», другие пьют вдвоём.
(Прошу меня простить за водочный синдром).

**Прожив без цели, без трудов
До 92х годов,**
Похоронив в себе актёра
И потеряв своё лицо,
Он не читал, конечно, торы
И в Песах не был сыт мацой,
Он ел свинью, не знал кошер,
Не был башкой, склоняясь над Книгой,
И хоть его обрезан х...,
Но был он русским прощелыгой.
Его закинула судьба
На историческую землю
И не сказав «тода раба»,
Вдруг он воскликнул: - Не приемлю!
Тут все евреи, нет людей,
Все сионисты, даже дети,
Без иудейских, без затей
Не проживёшь на этом свете.
А мне уж 92,
Я не делю людей на расы,
Моя седая голова
Не знает «Белых», «Чёрных», «Красных».
Я знаю бледных, покрасневших,
И от мороза посиневших,
Ещё от горя почерневших,
От гепатита пожелтеvших.
В сосудах кровь у всех красна-
У русских, негров, иудеев
Национального говна
Не видно даже и у геев.
Космополит, не сионист,
Я все народы обожаю,
Ведь смех и слёзы, даже свист,
Национальности не знает.
Я ненавижу сволочей,
Что есть у всякого народа,

Они мне всё равно, что гей,
И всё равно какого рода.
Я многое в жизни прожил –
И жизнь свою и жизни многих,
И объективно подытожил,
Без равов и без синагоги,
Что человек есть человек
Без всяких без Российской и Латвий.
Топтал я землю целый век
И дать готов святую клятву,
И даже выслушать проклятия,
Я утверждаю: Люди – братья!
Все от Адама и от Евы!
Есть бабы славные, есть стервы,
Есть мужики: - деръмо и только,
Что не поделится и коркой,
Но есть другие мужики
О них слагают и стихи,
И тут вопрос национальный,
Как жопе прыщ геморроидальный.

Все странно вокруг меня, да и во мне всё странно,
А может быть, и все считают так,
И это чувство никому не тайна.
И только я один чудак:
Нормальное для всех считаю ненормальным,
Закономерное мне кажется случайным,
Всё ультрасовременное, мне кажется старьём,
А искренность мерещится враньём.

Попса эстрадная мне бьёт по перепонкам,
Киркоропугаччёвщина мне зло,
Киноэкраны отданы подонкам,
Интим на обозренье - «За стеклом».

Убийства, выстрелы, погони, избиенья
Дурманят головы невеждам молодым,
Насилие, жестокость, разрушенья –
Живём в чаду, кругом нас чёрный дым.

Но и во мне самом безумие клокочет:
В одно и тоже время прав, не прав,
То кажется, что я умнее прочих,
То чувствую - от глупости нет мочи

То мнится, я святой, как рав
То самый грешный мой устав

Мне говорили: «Ах, как ты талантлив!»,
А мне, казалось- всех я обманул.
С чужим я мнением не спорил, был податлив,
«Высокомерен» - про меня был гул.

Не слишком был высок, не низок – средний,
Мне б позавидовать Есенин мог,
Я ж Маяковскому завидовал и бредил
Его поэзией, да и размером ног.

Не знаю почему, но все считали,
Что я и образован и умён,
А я всегда страдал от той печали,
Что книжной мудростью я мало опалён.

Меня считали люди очень важным,
Со стороны глазея на меня,
И кланялись с почтеньем не однажды,
Не удостоившись, узнать кто я.

А я был прост, доступен и смиренен,
И важности сей не было на грош.
Я про себя слыхал, что я чуть-чуть не гений,
Не верил я и знал, что это ложь.

Успех у зрителя давал мне тьму поклонниц,
Из них я не влюблялся ни в одну.
Я в коллективе был всегда сторонний,
Хоть почитали за величину.

Ругали в прессе – было неприятно,
Хвалили – пользы я не видел в том.
Словами лести награждён стократно,
К богатству лесть не стала мне мостом.

Актёр в профессии был в жизни не актёром,
И потому судьба была сложна,
Я никогда не позволял себе петь хором,
Считал, что жизнь для соло мне дана.

Не мало сделал я ошибок в жизни,
Однако, среди всех одна была страшна,
Преступно я бежал с земли Отчизны,

Я изменил тебе родная сторона,
Тем самым заслужил не укоризны,
Презрение твоё моя страна.

Теперь нормально всё – гнию вдали
От Родины, от близких, от земли,
Моей земли, Родной Земли.

Тост на Песах

Мы даже пасху не справляли,
Однако ели куличи,
И песни петь, что предки дали,
Не надо было нам причин -
Мы пели их, мы их певали.

Был Новый год. Был день Победы.
Был день Рождения у нас,
Их нам справлять велели деды,
И мы справляли каждый раз.

Вдруг выплыл Песах. Тоже праздник –
С охотой справим и его,
Пусть, лишний праздник, он проказник,
Глядится тоже ничего.

За что ж мы пьём так дружно вместе?
Сперва за счастье детей,
Потом же удостоим чести
Мы пола слабого людей.

А за себя мы пить не будем,
И без вина мы хороши,
Ведь пола сильного мы люди,
Хоть в теудате мы «раши».

Еврейский звон, еврейский звон,
Как много бед приносит он,
Ведь галахический закон
Нас сделал гоями, pardone.

Тут только я средь вас еврей,
Поскольку дед мой Моисей,
Отец еврей и мать... еврей.
Однако, нет меня русей.

Еврейской жизни я не знал,
Жидом меня никто не звал.
Я знаю разницу притом
Меж человеком и скотом,
А меж евреем и французом
Есть сходство, как у немца с другом.
У англичанина с испанцем
И у китайца с итальянцем –
Все одинаковы ногами
И задом, и двумя руками,
Се люди, а не скот.

Евреи же наоборот:
Презревши всех себя «избрали»,
По сути этим обокрали
Свою страну и свой народ,
Нагородивши огород.

Еврейский звон. Народа стон.
Высокомерный перезвон.
Еврейской глупости закон.
Евреям от него урон.

Однако Песаха веселья,
Есть чудный повод для похмелья.

Аах! Почему я не поэт,
Чтобы писать стихи
Мне-т хочется, таланту ж нет
И только «ха» да «хи».
И ничего совсем в серьёз,
Ни что и в глубину,
И даже никакой гипноз
Не снял б с меня вину,
Вину за глупость и вину,
За то, что бездарь я,
За то, что строчку ни одну
Не напишу, кляня...
Кляня себя за стих плохой
И за убогость дум,
Что за рифмованной строкой
Скрываю ерунду,
За то, что путаю подчас
Хорошее с плохим,
За то, что, как Гомер без глаз

Пишу свои стихи,
То есть не стихи пишу, а вздор,
Пытаюсь рифмовать,
Чтоб скрыть никчомности позор
Слов исходящих рать.
Ах, почему я не поэт,
Уже и не артист,
Да, да артиста тоже нет
Увял, как павший лист,
Упал на землю и гниёт,
Бесчувственный листок.

Остановившийся полет.
Остановился срок.

Мне сон приснился, сон далёкий:
Сижу, а рядом..., рядом... что там?
Что вспоминать тот сон нелёгкий,
Поскольку нынче все по сотам –

Своим, чужим, минутным, вечным,
Не сблизить их, не съединить.
Размылись воды, взбухли речки,
У всех своя судьба и прыть.

И только сон привёл друг к другу,
Объединил и вместе свёл,
И сделав добрую услугу,
Нас посадил он всех за стол.

Шутили, как не расставались,
Смотрели весело в глаза,
Минуты счастья вспоминались
И выпивали за мазаль.

И вроде мы не изменились,
И снова вместе, как тогда,
И снова лица засветились,
Как и в прошедшие года.

Прошедшие. Мы стали стары,
Иль молоды, не всё ль равно,
Но только не вернуть угара,
Того, что было нам дано,

Когда от радости молчали,
Без объяснений и без слов,
Мы то молчанье понимали
И на яву без всяких снов.

Мы были счастливы безбожно,
Тем счастьем, что вообще возможно.
Но жизнь имеет свой резон –
Далёким сделала тот сон.

Мой дым отечества остался позади,
Он сладок был красив, великолепен,
Но мы стремим вперёд, а впереди
Пустынно – негевские степи.

Что мне сказать? Они чужие:
Верблюды, овцы и песок,
Убогие холмы и жизни
В степи кончается порог.

А за порогом пусто, смертно.
Эй, человече, отзовись!
Молчание в ответ и где-то
Вспорхнула птица взлётом в высь.

И снова никого, один ты,
И вновь воспоминаний дым,
И одновременно и слитно
Звучит: мой бедный пилигрим,

Ты потерял всё, что имел ты –
Богатство, славу, красоту.
Песок и негевские ветры
Развеяли твою мечту.

Поэт когда-то говорил,
Что он в долгу передо всеми,
Пред теми, кто живёт и жил,
И даже будущее время,
И даже мёртвый блеск светил,
И в землю брошенное семя –
Всё на себя он нагрузил.

Так я в долгу, нет, не в долгу я,

А виноват всегда, пред всеми,
И на плечах своих несу я
Сей крест в лихое наше время.

Пощады от себя не жду я,
Моя вина всегда со мной-
Не долюбил, не помнил всеуе,
Я даже матери родной,

Не жертвовал для жён прекрасных,
Собой, забывши о себе,
Я не дарил цветов им красных
И белых никогда, нигде.

Я жил ролями и собой
И в этом находил покой.
Хоть я особого вниманья
Себе не уделял ни в чём-
Любил семью, любил свой дом,
Собой не жертвовал при том.

Не жертвовал. А это надо!
Богат ты тем, что отдаёшь,
И возвращается наградой,
Сторицей, сотнею за гроши.

И вот итог – живу один,
А старость это не прощает.
Не надо мягких мне пирина,
Не надо мне варенье к чаю.

Тепло мне нужно человечье,
Общенья не хватает мне.
Когда пора придёт залечь мне,
Я помнить буду о вине.
Моей вине. Своей вине.

Самоубийство. Что такое?
Ах, это выстрел в рот, в висок,
Иль в прорубь бросится зимою,
Иль пропустить по телу ток.

Иль, иль, иль... способов не мало
На свете есть и их не счесть.
У каждой смерти есть начало

И у начала своя смерть.

Вот продолжения не будет,
Уж если смерть, то навсегда
И даже бог сам не разбудит
Окаменевшие годы.

Но если хочешь связь с природой
Покончить и уйти в ничто,
Не нужно – в ледяную воду и тока
Сотню раз по сто.

А просто перестань трудиться,
Любить, растить своих детей,
И драться за друзей, зарыться
Вдали от Родины своей.
И кончил жизнь самоубийством
Ты сам, никто не убивал,
Никто не звал призывным свистом,
Ты сам себя и на повал.

Теперь лежи смердящим трупом,
Обедай, спи, ходи в сортир
И проклинай себя, что глупо,
Ты поступил, пойдя в ОВИР,

Чтоб мчаться, голову сломя,
В чужеземельные края,
О коих ничего не знал,
Не слышал, не подозревал,
Что есть на карте ся страна,
Зачем, кому она нужна,
И для чего, и как живёт
В ней богоизбранный народ.
(Кем избранный?... Самим собой!
Влюблённый божью чушь с лихвой).

Так вот, покинул я тот мир,
Где жил, где думал, где любил,
Чужой же мир, как был чужой,
Так и остался мне не свой.

Так совершил я грех великий,
Перед собой, детьми, женой,
Страной, народом разноликим,
Пред Волго – Невскою водой,

Пред городами, где работал,
Где был и нужен, и любим,
Пред тем, что я любил... да, что там,
Пред всем, пред всем. Там всё моим,
Родным всё и любимым было,
Хоть было много не по мне.
Всё белым саваном накрыло,
В чужой стране.

Только сильному под силу на себя взвалить вину,
Только слабому под силу на других взвалить вину.
Сильный вынесет из боя 200 вин, а не одну,
Слабый сломится без боя, ощущив вину одну.
Так, пожалуй, может статься
Вознесётся слабый ввысь
От полученных оваций
И от бравых криков « Бис!».

Ну, а сильный эти крики
И успех свой на себя
Взвалит лишь как груз великий,
С гордостью его неся.

И не вынесет тот слабый
Тяжесть криков и успех,
Сильному ж не надо «Браво!»,
Он итак сильнее всех.

Он идёт своей дорогой,
Твёрдой поступью вперёд,
Слабому он даст подмогу,
Коль тот брод не перейдёт.

Сильный – это просто сильный,
Слабый – просто слабый очень,
Слабый слабостью бессилен,
Сильный силой семижилен.
В жизни всё предельно точно.

В чём жизни смысл? В успехе, наслажденье?
Нам хочется того, что вовсе не дано.
Когда Идея неотступной тенью
Тебя преследует, не прячась в кимоно,

Становится навязчивой болезнью
И гложет душу, не давая спать,
Не прогоняй сие чудесное явленье,
А научись за счастье считать.

Когда идея не живёт, а спит
И лень к раздумьям на тебя напала,
Когда она не ест тебя, как СПИД,
Или, как ржавчина корабль у причала,

То позови, найди её и пестуй,
И с ней живи, и с ней твори добро,
Отдайся ей, как юноша – невесте,
И знай, что в этом жизнь твоя, твоё тавро.

Ты с нею будешь счастлив и успешен,
Но обязательно ей верен будь всегда.
Жизнь без идеи это ад кромешный,
А с ней, ты завоюешь города.

Всё показуха – шоу, шоу, шоу.
Попсовый жанр и в жизни главный жанр.
Народ бежит от правды невесёлой-
Давай народу ложный карнавал.

При большевизме ложь была бодрящей-
Мы лучшие, мы первые во всём;
Неправда стала ныне веселящей,
Страна похожа стала на дурдом.

Веселье одолело чумный мир-
Не войны, не террор, не прочие пороки
Не с нами, не у нас, зато эфир
Всех заряжает веселящим током.

Какой-то ток..., какое-то там шоу,
Ток-шоу называется оно.
Болтун, трепач искусственно весёлый
Кривляется в экранное окно.

Хохочет он – мне почему то грустно,
Противно даже на него смотреть.
И это современное искусство?!

Так это ж для искусства смерть!

Аплодисменты для актёра

Нужней, чем влага для травы,
Нужней, чем ротозей, для вора,
Иль мгла ночная для совы.

А крики «Браво! Бис!», тем боле,
Они, как пуля для ствола:
Какая же еда без соли,
Без соли нету и стола.

Актёру слёзы в зале – масло,
А так же неуёмный смех,
Да что б внимание не гасло,
Да что бы чувствовать успех.

Он этим жив, велик, прекрасен –
Слезами, смехом, тишиной,
И непременно соучастьем,
Рыданьем, криками порой.

А если нет совсем «приёма»,
Не слышит он, как дышит зал,
То лучше бы сидел он дома
И там Пелевина читал.

И черпал пользу в его книгах,
Которой в них в помине нет:
В Пелевенских словесных играх,
То полный бред, то полу碌ед.

Не надо было лезть на сцену
И быть актёром. Ни к чему.
Завысил малость себе цену,
Уж лучше бы читал «Муму».

Измена! Но кому? Стране? Народу?

Возможно, что и так. Но главное не в том...
А в том, что изменять себе кому - нибудь в угоду
И чувствовать себя ничтожнейшим глупцом.

Чего во имя? Жертвуем собою
Рассудку вопреки, эмоциям во вред.

Выплёскивать дитя с водою...
Какая мать допустит этот бред?!

Родных, друзей, обычаи, поверья
Бросать к чертям и убегать в отрыв,
Захлопнуть за собою двери
В чужом kraю себя похоронив.

Твой дом родной и без тебя не умер,
Другие в нём живут, рожают там детей,
В Москве пасутся люди в Гумме, Цуме,
А в Питере Пассаж и ДЛТ.

Ты там давно забыт, никто тебя не вспомнит,
Ты ж помнишь всё без слёз, с сухим лицом,
Сменивший питерские клодтовские кони
На Ближний на Восток с сухой его мацой.

Теперь бей в барабан, труби, греми в набат,
Кричи и вой, Бог не заметит лиха.
Знай – только раки пятятся назад,
А ты вкушай мацу, сиди и не чирикай.

О, женщина! Соцветие красот!
Неправда, что ты из ребра мужчины...
Ты в этот мир вошла не нашей половиной,
А Афродитой, вышедшей из вод.

Из вод морских, нет, больше, океанских-
Громады волн в тебе и бури, бриз и штиль.
Гармония. Мечта. Твои желанные ласки.
Твоя любовь в миллионы нежных сил.

И миссия твоя – дарить себя мужчине
И согревать его уютом и теплом,
Пленять мужчину красотою линий,
Быть Афродитой, а не девушкой с веслом.

Долой весло! Нет, женщине не нужно
Бороться, побеждать – мужская это роль.
Вот если рядом с ней мужик тщедушный...
Хотя какой же он мужик, он просто моль.

Свою слабостью он женщину лишает

Той прелести, что жизнь должна ей дать.
Слизняк. Он женщин заставляет сваи
Вручную в каменную землю забивать,

Иль лезть в карьеру в поте альпиниста,
Иль заставляет женщину быть в доме головой.
Такой мужчина женщину лишает смысла
И делает её несчастной и больной.

Мой тест за женщин слабых и прекрасных,
Немножко ветреных и полных естества,
Конечно, чтоб в постели были страстны,
Нежны, чисты, как свежая листва.

Хочу стихи в слова я рифмовать –
Какой - то зуд объял: писать, писать.
О чём? Нет никаких идеек в голове,
Есть ветра свист, как будто соловей
Свои мне трели запустил в мозги-
Один лишь вихрь и не видать ни зги.
Но хоть бы что-то в голову пришло,
Я напрочь мыслей всяческих лишён.

А телевизор кажется детектив –
Как «чижик» примитивнейший мотив.
Откуда же мыслям быть, когда такое
Придумать можно только с перепоя:
Гнались, догнали, подстрелили насмерть –
Вот весь сюжет тех опусов прекрасных.
Из фильма в фильм. И сериалы телевидения
Пошли в карусели,
И оглушают, глушат, убивают.
Нет не герои, зрители страдают.
Бездарный сериалный блуд.
Ах, Боже! Творческий ли это труд?!

Стыдова, мерзость, гадость и порнография
И это называется «пир духа».
Чума на наши головы свалилась
В сто тысяч мощных лошадиных силы.
Замылили нам головы, промыли,
Где же взяться мыслям, коли их убили.

Нос приблизил свой к лицу
И подумал – худо дело.

Иск свой предъявит истцу
И признался я несмело:
Зеркало, оно не врёт,
Обнажает наши души.
И глаза мои, и рот,
Брови, щёки, даже уши,
Годы, немощь и болезнь-
Всё отобразит зерцало,
Даже внутреннюю плеснь
Нам не скрыть в его забрало.

Свет мой зеркальце, зачем
Так жестоко ты со мною,
Не хочу я перемен,
Что не мчатся стороною,
А касаются меня
Очень лично, очень остро –
Льются годы через края,
Просто. Даже очень просто.
Льётся из сосуда кровь,
Нету места ей в сосуде...
До краёв, так до краёв:
Пожил, милый, ну и будет,
Ты девятый разменял
И не годик, а десяток,
Твой давно «девятый вал»
Улетучился в осадок.
На валу том, на волне,
Ты взлетал высоко к небу,
Нынче даже в сладком сне
Ничего себе не требуй.
Вспоминай и помни всё,
Это право за тобою,
Жизнь тебя уж не несёт,
А оставила в покое.
Что, не веришь? Ну, дурак!
В зеркало взгляни, упрямый
И скажи: да, это так,
Уж пора восслед за мамой.
А куда? – Всем это ясно.
Время не тяни напрасно.

Молодости мужество не надо,
Просто жизнь идёт своим чредом,
Молодость сама себе награда,

Гнев и нежность, молния и гром.

Молодость – безумные надежды,
Вера в вечность, в счастье и в любовь,
Красота и модные одежды,
Каждый новый день приносит новь

Молодость, как чудо чувств великих,
Молодость, как слава, впереди,
И поступков осторожных, тихих,
Ты от молодости никогда не жди.

Молодости некогда бояться,
Некогда терпеть и уставать.
Хорошо бы молодости взяться
За несчастных, что за 75,

Заразить собой, взнуздать и сделать
Так, чтобы старость сбросила года,
Молодую обрела бы смелость,
И в любовь ударилась тогда.
Ибо без любви нет жизни, скоро
Старческая дряхлость настает,
Ей уж не поможет даже Тора,
Кровь живая замерзает в лёд.

Ничего не нужно, только – отдых,
Лень бессилия течёт внутри.
Старики уж не на что не годны.
Так зачем нужны нам старики?!

Искупаться бы в ворсе зелёной травы
Под прозрачной листвою дерев!..
Окунуться б глазами в сады синевы
И читать бы стихи нараспев!..

Облака дарят свет белизною своей,
Проплывают и тают, как сон,
Точно стая гусей, журавлей, лебедей,
В даль несут человечий поклон.

От кого и к кому, это всё им равно,
Знай, летят по маршрутам своим
И поют, и курлычат о том, что дано

На Кавказ им лететь или в Крым,
Или даже в Москву им лететь, в Петербург,
В Прагу, в Лондон, в Париж, иль в Нью –Йорк,
Могут даже расширить манящий их круг,
Путь Свободы пред ними пролёг.

Ах, свобода полета, свобода пути!
Выбор – лучшая в мире игра:
Иль пари в небесах, или шагом бреди,
Иль гуляй по ночам до утра.

А захочешь, лениво купаться в траве,
Или с морем ласкаться до слёз,
Из всего, что роится в твоей голове
Выбирай и легко и всерьёз.

Когда условности тебя сковали
В тески, стальные челюсти зажав;
Когда в тюремном ты сидишь подвале
Весь в страхе безо всяких прав.

Когда тебе велят что делать, что не делать,
Лишив достоинства и волю подавив;
Когда тебе велят быть смелым,
При этом мужества тебя лишив;

Когда тебе кричат: «Свобода!»,
И «Братство» с «Равенством» пронзают слух,
А чтоб их обрести, лишают брова,
Да так, чтоб утопить в тебе свободный дух.
Когда..., когда..., когда...так бесконечно можно
Примеры униженья приводить,
Когда живёшь ты в страхе, осторожно.
Так как же – быть тебе или не быть?

Не быть! Не быть! И не возвысить смелость,
И не восстать с колен, чтоб сбросить кандалы,
Встать вровень со свободой, что - то сделать,
Чтоб стать большим и ровным, как стволы

Деревьев, тех, что достают до неба
И гордо борются за жизнь свою.
А если «Быть», то не проси, а требуй,
Есть, да и будет упоение в бою.

И победишь, и обретёшь свободу,
И «Братство» с «Равенством» прибавишь к ней,
Решись на бой и смело прыгай в воду
Себя превозмоги и станешь всех сильней.

Мы не подвластны небу, ветру, тучам
И снег нам нипочём ни талый, ни скрипучий,
И Богу, если есть он, не подвластны,
Хоть счастья у него мы клянчим страстно.

Не Бог, не царь и не герой
Нам счастья не дадут – они бессильны,
Хотя зависим мы от них порой,
Они беспомощны и немощью обильны.

Мы на своих плечах выносим жизни сор,
Мы на своих ногах идём пути – дороги,
Свою головой находим до сих пор
И деньги, и любовь, да и друзей немногих.

С природой мы слились и сами мы природа,
Как реки, звери, почва и леса,
Хорошая и мерзкая погода,
И наше зрение, и наши голоса.

Бываем мы с природой не согласны
И часто восстаём против неё,
Не думая, что это так опасно,
Как мошкаре опасно вороньё.

Едины мы, мы часть природы, малость,
Хоть и значенье наше велико.
Нам у природы то забрать осталось,
Что сами ей даём охотно и легко.

Гармония. Природа. Жизнь.
Всёй вместе. Все в одном согласье.
В одном строю командой «Становись»
Мы чувствуем свое земное счастье.

Дожди. Идут дожди. На севере, на юге.
Счищают пыль они с листвы и трав.
И пешеходы прячутся в испуге,
Штаны, подолы юбок вверх задрав.

Природа зеленеет красотою,
И воздух свеж дыханием дождя,
Хоть небеса покрылись темнотою
И потемнела от дождей земля.

А под ногами лужи всех размеров,
Текут ручьи по улицам вперёд,
И даже праведник европейской веры
Молиться в синагогу не идёт.

Грусть и тоска. Не знаешь чем заняться.
И всё ж в душе светло надеждою святой:
Мы будем без конца в воде плескаться,
Без страха без воды оставаться
(Так утки умываются водой).

Не экономя мыла да и тела,
Уверены, что хватит всем воды,
Мы будем хвастать перед миром смело,
Что и в Израиле есть... «Чистые пруды».

Долгожданные дожди.

Ох, надоедают.
Так и хочется пойти
И напиться... чаю.

Чтоб суставы разогреть,
Кровь, чтоб забурлила –
Ведь не хочешь околеть
И утратить силы.

Холод сковывает их
И морозит думы,
Даже не выходит стих,
Не до нежных women.

Эй, дожди, а ну-ка прочь!
Солнце на замену!
Будем ждать, что в эту ночь
Будут перемены.

Утром продерём глаза
И увидим солнце,

И услышим голоса
Птичек сквозь оконце.

То-то радость во дворе
И душа, как в сказке,
В света солнечной игре,
В нежности и в ласке.

Я гостем прожил на моей земле
И не по божьим – человеческим понятиям:
Где б ни был я на избранной стезе,
Не смог отдать ей всё, что я имел,
И не сумел всё от неё забрать я.

Не отдал и не взял я потому,
Что шёл со всеми я не слишком в ногу.
Не очень сладко приходилось самому,
Я часто средь людей испытывал тревогу,
А иногда и в собственном дому.

Стереотип мышленья был мне чужд-
Доказывать своё наперекор стандарту
Во времена холодных зим и стуж,
Что козырем дразнить простую карту,
Иль побеждать озлобленных чинуш.

Прохладно было жить в стихии лицемерья,
Вранья, интриг и подчиненя злу,
Хоть я и не навязывал другим сомненья,
Но всё светилось у меня на лбу.

Ужасно мне протестовать хотелось
Против засилия невежд и дураков,
Однако не всегда мне позволяла смелость
Открыто драться силой кулаков.

Мы жили все полусогнувши спины,
Что было делать – жить хотелось всем,
И делали приличненькие мины:
Мол, всё так хорошо, а я и глух, и нем.

Мне всё казалось времененным ненастьем-
Пройдут года и времена пройдут,
И, наконец, со временем в согласье
Возьмёшь положенный тебе редут.

Всё временно и всё непостоянно.
Теперь всё кончено, всё в прошлом, позади.
И времена прошли, и ты прошёл нескладно
Пути начало и конец пути.
Что впереди?..

Родился я в 22ом,
Сегодня уж 2005.
В России, как и был дурдом,
Так и остался он проклятый.

Я распят в этом доме был-
На сталинском кресте Христос,
Бежал я от родных могил,
Хоть я на них по сути рос.

Мелодия родных кладбищ
Сегодня слух ласкает мой,
Там, где лежат миллионы тыщ,
Захоронил бы прах и свой.
Мы бились вместе на фронтах,
И вместе надо б нам лежать,
В земле родной лежать впотьмах,
Там где друзья, отец и мать.

Я модничанье с детства презираю,
Ведь Homo Sapiens особостью хороши,
А модники напоминают птичью стаю:
Кто голубь, кто голубка не поймёшь.

То брюки в дудочку, то клёш, то мини, макси,
К кривым ногам -- мини, к коротким -- клёш.
Вы видели, как кабелёчек такса
Пытается на колли быть похож?

Сегодня модно изъясняться матом,
Открыто демонстрировать «любовь».
Боюсь, что скоро нам захочется девчатам
Цветы дарить с добавкой матюгов.

А демонстрация интимнейшего чувства
Необходима, когда чувства нет –
Бездарность сilitся «казать» искусство,
Живёт искусством истинный поэт.

А это модное явленье – показуха,
Что популярно нам сегодня шоу звать,
Лишают вкуса нас и зрения, и слуха,
И гонит в норы, и в пещеры – вспять.

Хотя рядимся мы в наряды изощрённо
И не живём совместно со скотом,
Стандарту мод мы следуем покорно.
Уверен, скоро станем мы проворно
Согласно моде кушать... под столом.

Я не могу понять, за что

Я так люблю свой дом.
На окнах у меня не штор,
И люстр нет в доме том
Нету ковров и хрусталия,
Фарфоровых фигур,
И плохо светит для меня
Потёртый абажур,
Кровать отчаянно скрипит,
Куда не повернусь,
И стен довольно блёклый вид
Вселяет в душу грусть,
А под ногами серый пол
Из керамичных плит,
И даже мой старинный стол
Красою не блестит,
А холодильник...Боже мой!
(он из ремонта взят)
Совсем не холодит порой
И сбоку сильно смят.
Ну, что ещё в квартире есть?...
Качающийся стул,
Кладовка, кресло, чтоб присесть,
Двора и улиц гул.
Короче, всё есть, всё с лихвой,
И есть ещё... любовь!
Моя любовь к квартире той –
Мой дом покой и кров.
Как я хочу, так и живу
Я в домике моём –
Хочу - стою, хочу -сижу,
Хочу - беру я том
Стихов, иль прозы. Я беру,
Читаю про себя,

Могу и вслух. Хочу – муру,
Писателя кляня.
Я делаю то, что хочу,
Никто мне не указ –
Хочу - я громко хохочу,
Хочу – слеза из глаз.
Мой дом, мой кров, моя нора,
Я в нём один герой.
Жаль только, скоро уж пора
Покинуть домик свой.
Что делать – жизнь так коротка:
Не дожил и до 100.
Но слава Богу, хоть пока
Слова рожают уста,
И руки, ноги тоже тут,
Хотя хожу с трудом,
Извилины ещё живут...
И это есть мой дом

*Бывший демократ Бунич и иже с ним хотели изменить жизнь России.
Не получилось: благими намереньями...*

Их, так называемых демократов, смели. Они сильно обиделись.

Басня.

(на кн. Бунича «500я война в России»)

Обида порождает столько зла,
Что не сравнишь с тем злом саму обиду.

Однажды кляча старая везла
Огромную на тачке пирамиду.
Потела, выбивалася из сил,
А воз не трогался и с места.
Кобыла материлась, её пыл
Направлен был, что крайне не уместно,
На пирамиду. Но не на себя.
Ведь сил у клячи было маловато
Вести тяжёлый груз кряхтя – пыхтя.
На сколько легче крыть поклажу матом.
Все виноваты были у неё:
Деревья, облака, земля и люди.
И заполняла злоба до краёв
Кабылу в страхе, что здоровье губит.
На мат и брань истратив весь свой пыл,
Лишилась кляча сил, как не было впомине,
И кляча злобная легла без сил.

Лежит, а злоба в ней кипит, не стынет.

Никто не виноват, что слабоват ты в деле,
А вот за то, что в мате ты силён,
Тебя бы высекли, когда б они умели
Поля, леса и даже небосклон.

«Здоровью моему полезен русский холод»!

Полезен. Русский. Тут Израиль не при чём.
Там было мне тепло. Там был я молод.
Здесь мёрзну. Мёрзнет одинокий дом.

От неухоженных годов, что прожил,
Мне холодно. Мой дом не стал своим.
И жизнь течёт, и пусто, и не сложно.
Я ж к сложности привык – я был живым.

Холодный ветер дует в окна, двери
И в поры тела моего, и вкривь, и вкось.
Как было мне тепло, когда гранитный берег,
Лаская холодом, пронизывал нас kvозь.

Я шёл гулять в любую непогоду,
И дождь, и слякоть были мне милы,
Я пил морозно-ледянную воду,
Не Иорданскую, а с берегов Невы.

Я обливал себя холодною водою,
Лизал мороженое в парках и садах –
Я до сих пор ещё никак не смою
Тот тёплый вкус и сладость на губах.

Мне было жарко, весело, уютно!
Я понял вдруг теперь с отчаянием немым:
Жить надо дома, жить сиюминутно,
Не мчаться, где тепло, в Израиль или Крым.

Домашнее тепло, уютные привычки
Менять под старость – изменять себе.
Не надо открывать чужой судьбы кавычки,
Но верным стоит быть своей судьбе.

Я не люблю цветов из магазинов,
Косметикою сдобренных цветов,

Они, по-моему, глядят картинно,
Как проститутки с уличных углов.

Я ненавижу вывесок рекламы –
Безвкусица, обман. Для дураков.
Не ведая стыда, не зная срама,
Как проститутки с уличных углов.

Всё на продажу, чтобы подороже
Мы на торги себя несём с торгов,
Кричащие, намазанные рожи,
Как проститутки с уличных углов.

Кругом, повсюду бьют в глаза и уши
Нескромность, хвастовство, дары даров,
В церквях, в сенатах, в море и на суше,
Как проститутки с уличных углов.

Я презираю роскошь пустозвонства,
Эквилибристику отсутствия мозгов,
Когда тупые, власть имеющие монстры,
Как проститутки с уличных углов.

Я Жизнь люблю, не суррогат ничтожный,
Искренность - всем модам вопреки,
Цветам я верю полевым, не ложным,
Я верю в Пастернака и в стихи,

В Искусство верю, в Слово человечье,
В Любовь, хотя я за неё боюсь,
Чтоб не исчезла прочь, не понеслаувечье,
Чтобы жила она, не умирала пусты.

Когда Любовь живёт, всё остальное меркнет –
Фальши и порок, невзгоды и печаль.
Я верю в Жизнь и ты, о Жизнь, поверь мне,
Что оживёт ещё высокая Мораль.

Никто не предавал меня ни разу,
Хоть прожил я не мало сложных лет,
И потому я людям верю сразу,
Не ожидая зла от них в ответ.

А может, потому не предавали,
Что я предательство любое отвергал,

Порядочность подозревал вначале,
В ней видел я начало всех начал.

Приветствовал всех тех, кто шёл с улыбкой,
А за улыбкой я не видел зла,
Предвидеть зло считал всегда ошибкой,
Когда навстречу искрятся глаза.

Подводят, предают всех тех, кто ждёт обмана,
Кто недоверием пронизан впрямь и вкось,
И кто на искренность косится странно,
И тех, кто к людям всем питает злость.

Я знаю, что живут неискренность и ложь,
Но не хочу я быть на них похож.

Бога выдумали люди,
Чтобы чуда объяснять,
Им мы объясняем чуды,
Что творит природа – мать.

Дождь смывает грязь с дороги-
Это Бог его послал,
Отказали парню ноги-
Бог за что-то наказал.

Мощное землетрясенье,
Трупы тыщами лежат-
Это Бог наслал гоненье
И отправил прямо в ад.

Бог войну затеял, чтобы
Наказать простых людей,
Бог одних загнал в трущобы,
Превративши их в червей,

А другим дворцы настроил,
Дав в придачу капитал,
Бог послал презренье гоям,
А любовь евреям дал...

Всё. Пора остановиться,
Чтобы кары избежать,
Иудейские чуб лица
Не смогли меня проклясть.

Впрочем, я ещё добавлю,
Чтоб народы вразумить:
Не ступайте вы на грабли,
Сами научитесь жить.

В безвестность уходить не слишком страшно,
Куда страшней в безвестности прожить.
Кто знал, что значит быть в бою отважным,
Тот не узнал отважной смерти прыть.

Цветы цветут и быстро увядают,
И новое не может не стареть.
Смерть нас не кличет голосами рая,
Но слово «рай» содержит слово «смерть».

Мы не зовём её, она сама приходит,
Не глядя на известность и почёт,
Она не ждёт, чтоб ты ей стал угоден:
Ты годен к вечности и в том её расчёт.

Известные, мы все безвестны вовсе,
После себя мы оставляем только кости.
По ним не скажут, кто известным был,
Кто был безвестным. Тьма и мрак могил.

О счастье говорить совсем не просто-
«На свете счастья нет, но есть покой и воля».
Есть счастья островок, есть счастья остров,
Но тут же рядом есть несчастия и боли.

Я часто думаю – я счастлив в жизни был?
Нет, не был, говорю себе я.
И тут же: вру, да как же я забыл
Минуты сладостного озаренья,

Когда, себя не помня от свободы,
Свободного полёта в небесах,
Я окунался в творческие воды,
Плескаясь счастливо в любимых мной ролях.

Однако не всегда так получалось–
Тогда мучения, тогда беда:
Нет творчества, не приходила радость,
И умереть хотелось со стыда.

А был ли я любовию счастлив?
О, да, конечно. Да, да, да, конечно!
И даже разума меня лишив,
Уверила меня, что счастье вечно.

От счаствия кружилась голова,
Я верил ей, любви, но... был обманут-
Несчастье предъявило мне права,
Неизлечимые оставив раны.

Мне говорили с завистью друзья:
«Ты молодец, ты многое добился»!
Чего? Чего добился, когда я
Не видел, как с деревьев слетают листья,

И как дожди смывают пыль с травы,
И как светило всходит и заходит,
Я и цветов не видел полевых,
А видел только те, что в огороде.

Я многое не смог, а как хотел,
Но не сыграл, не сделал, не случилось.
Для счастья, видимо, я был не слишком смел,
Взамен несчастье мне оказало милость.

Когда несчастье счастью назамен,
То это Жизнь: нет счастья без несчастья.
Жизнь состоит из многих перемен,
Не разрывайте целое на части.

На памяти моей отметин не осталось
Ни от лишенчества, ни от военных бед,
Ни по причине, что явилась вялость,
Нет – на плохое у меня запрет.

Я слёзы материнские не помню,
Когда отца ссылали в лагерь;
И страх разоблаченья в Ровно
Не помню в лагере, где находился я;

Не помню я и ужаса проверок,
Когда нас раздевали догола
И брали кровь, и измеряли череп
Под мушкой пистолетного ствола;

Не помню я, как оживал избитый
И рад был тем, что не совсем убит,
Как вешали других, почти убитых,
А я отделался лишь тем, что был избит;

Не помню и того, как мать свалилась навзничь,
Когда похоронив уже меня,
Вновь обрела, когда однажды на ночь
В сибирской, звёздной тьме ввалился в хату я;

Не помню я и холодов окопных,
Как отмерзали щёки и носы;
Не помню я и особыстов злобных,
От коих смертию несло за полверсты;

Не помню и того, как врал, провозглашая
С подмостков сцены славу компартай;
Не помню, как расстреливал в сарае
Меня энкаведистский вертухай.

Не помню ничего я злого: было – сплыло
На тропах и путях моей судьбы.
Стереть из памяти тех сериалов мыло
Стараюсь, с памятью восстав на путь борьбы.

Что счастья нет, есть только лишь страданья,
Что нет Добра, и правит только Зло,
Я помнить не хочу. И всё моё желанье,
Чтоб зло ушло, чтобы Добро пришло.

Я помню радостно, как был в любви безумен,
Как зритель ждал меня, когда я выходил,
Успех детей моих, прекрасных, нежных women,
И всех, кто был особенно мне мил,

Неву я помню, «Всадник» и Россию,
Улыбки счастья, юмор, добрый смех,
Люблю я помнить русскую стихию,
Хочу я помнить радость и успех.

Помянем прошлое! О, как оно приятно!
Счастливая пора. Прекрасны времена.
О, прошлое, как хорошо и внятно

Ты видишься из нашего окна.

То ли окно из розового цвета,
Толь розовая пелена в глазах,
Но всё красиво и худого нету,
Его не видим мы у лет впотьмах.

Не помним, как частенько голодали,
Как мёрзли зимами без тёплого пальто,
Ещё не помним, как дрались в подвале,
Как в страхе убегали от ментов.

Не помним, как «заборные» талоны,
Нам не давали ноги протянуть,
Ещё не помним лагерные зоны,
Всей нашей прошлой жизни срам и суть.

Не помним и того, как нас гоняли стадом
На Первомай, 7 Ноября,
Как слово «телягент» звучало рядом с матом,
И как в церквях молились втихаря.

«Большёго дома» на Литейном мы не помним,
Где днём и ночью в окнах свет горел,
Не помним и того, как ночью солнной
Наш Питер с горя и от ужаса немел,

Когда по лестнице стучали сапогами
Сперва по ступеням, потом и в дверь,
И плач осиротевших вдруг ночами
Детей и матерей не помним мы теперь.

Ох, эти страхи... как степные звери,
Впивались в нас до кончиков волос,
Дрожали мы и бились с колыбели,
Чтоб чёрный воронок нас не увёз.

Нельзя нам было говорить и думать
По-своему, отдельно от других:
«Изменника», «врага» в тюрьму - уж больно умный,
Или в больницу, потому что псих.

Нет, мы не помним, не хотим, забыли,
И только мифы остаются в силе,
И действует на нас и по сегодня,
Как старая и опытная сводня.

Мы прошлое так страстно украшаем,
Забывши всё, его что омрачает,
Как будто жизнь не устремила нас вперёд.
Мы задом пятимся, ползём наоборот,
Где жизнь казалась, вроде б, без забот,
И мы, хлебали, полной грудью кислород.
Пустой народ!

Медаль одна. Две стороны у неё.
Одна ругает всё, другая всё приемлет.
Что может быть отвратней и грязней?!
Что может более изгадить землю?!

Одна рождает в человеке злость-
Он в ней и в нём она, не убежать, не деться,
Насквозь прогнили его плоть и кость –
Урод, калека, инвалид из детства.

Все не по нём, гримаса на лице,
Воняет ненавистью он клоачной,
Отраву, яд, он видит и в маце,
И радиацию в листве дерев на даче.

Не дай нам боже встретиться с таким,
С такими надо тотчас же расстаться,
Их пафос злобствования неукротим –
Одни эмоции и никакого ratio.

Есть особи другого ремесла –
Всем льстить и всё хвалить, стыда не зная,
И это терпят даже и кривые зеркала,
Как терпит холода природа в мае.

Из уст таких звучат слова любви
Ко всем и ко всему, что жаждет порицанья,
К обману и к насилию, что в крови
У власть имущих и у прочей дряни.

Не видит он, такой, ни грязи, ни порока,
Ни униженья своего, ни зла вокруг,
Не слышно от него и малого упрёка –
Ему по нраву всё, и всем он лучший друг.

Надеется он лестью и обманом

Взnestись в своей карьере высоко,
Расчёт его на то, что все мы истуканы,
Не видим сути действия его.

Я ненавижу особей подобных,
Они уводят жизнь от естества,
Я даже не пойду за гробом,
Такого в жизни, к сожалению, большинства.

Итак медаль одна, не будем обольщаться,
Что-де враги они и боятся меж собой.
Нет, нет! Они друзья и даже братцы,
Которых не разлить водой.

(доренкам, шендеровичам, оверчукам)
Враги. Война. Есть белый цвет, есть чёрный,
И мира нет средь них, хотя едина цель:
Мажорный звук, чтоб превратить в минорный,
Не посадив тем самым звук на мель.
Есть горе и беда, есть радости земные –
Контрастна жизнь, не однозначен мир.
Есть люди добрые и есть, к несчастью, злые,
Есть среди нас изгой, есть среди нас кумир.

Стоят дворцы, и в них живёт богатство,
Есть хижины, и бедность в них живет.
Одни испытывают радость и злорадство,
Другие – боль от всех людских невзгод.

Есть брань, есть критика, что не одно и то же.
Я не приемлю брань, будь правдою она,
Она бесплодна и вовек не сможет
Посеять добрые, не злые, семена
Вражды, разбоя, разрушенья, страха,
Смести, снести, убрать, как вредный сор,
В смирительные обрядить рубахи,
И так решать сомнения и спор.

Но критика тогда необходима,
Хоть неприятно бывает и она,
Когда за нею красота Парижа, Рима,
А не трущоб тюремная стена.

Мы в своё время славили не бога,
А самокритику и критику всерьёз,

И наша вера нам была подмогой
В судьбе плачевной выстоять без слёз.

Такая критика не брань и не угроза.
Не надо угрожать нам лаем из ворот,
И встав в победно – обвинительную позу,
Кривить в бессилье злой, беззубый рот.

Такие критики нам все не помогут,
Ибо за ними нет ни боли, ни любви,
Нет пользы в них, и нас они не тронут,
Проблем не разрешат. И это *Se la vie*

Что впереди мелодия, иль смысл?
Иль рядом путешествуют они?
Бывает, что мотив не слишком быстр,
И смысл тогда шагает впереди.

Бывает, что и вместе вдруг шагнули,
Бывает в пропасть, а бывает вверх,
Бывает, что убиты пулей,
Бывает, что их ждёт успех.

Кто может внятно объяснить рожденье
Создания великих мастеров?
Никто. Достойны восхищенья
Прекрасные творения миров.

Когда мы в состоянье изумляться,
И вздохи, ахи, рвутся из груди,
Не надо понимать стараться–
Мелодия иль смысл впереди.

(Ещё раз о лае из под ворот)
Я объяснять не смею, не могу
Ту ненависть к отчизне, что вскормила,
Перед которой каждый сын в долгу,
Конечно, если сын тот не горилла.

Когда я вижу злость в глазах людей,
Когда я слышу злобное шипенье,
Мне кажется, я нахожусь средь змей,
Сжирающих друг друга без стесненья.

Одна лишь брань и в тоне хрип и визг

Резун – суворовых, оверчуков, доренок,
Плюс шендеровичей ехидный писк
Горохом в бронированную стену.

Я не вникаю в смысл рычащих слов,
Тем более, что смысла в них не много.
Ещё есть Баркашов, есть Макашов,
Васильев был, а смысла никакого.

Ну, Моськи! Что заводит эту мразь?
Обида или жажда выпендрёжа?
А сколько пользы принесла б их страсть,
Когда бы злобой не пылали рожи.

Не смею выносить им приговор,
Я лишь своё тут выражая мненье,
Как я хотел бы видеть их позор
На должностях российского правленья

Страной, народом, жизнью, что они
Так яростно и радостно поносят,
Чтоб люди увидали только пни,
Где ранее росли побеги сосен.

На ком они тогда сорвут свой глас,
Глас на слона сердитой Моськи?...
Я б посоветывал им взлесть на унитаз
И разрешиться кучей жидкой злости

Маргарите Алигер.
Спасибочки, Марго, что повод мне дала
Прикинуть, кто же я на белом свете-
Еврей иль Человек? А может быть смола,
Прилипшая к России – быть с ней вместе?

Совместно жить, совместно умирать
С моим народом было мне не страшно,
Отстраивать страну, любить, детей рожать,
За Родину ходить на рукопашный.

Так думал я, так мы считали все.
А Алигер Марго себе кричала «Браво!»,
Ведь не её распяли на кресте,
А Зою, подарившую ей славу.

Такая мысль мне в голову не лезла-
Себя от всей Руси народов отделять.
Хотя сегодня многим кажется полезным
На этом обязательно играть.

Вторая Мировая, что прошёл я,
Была Отечественной всем и для меня.
Я воевать за Родину был должен-
Народы были все – одна семья.

Мы разве разными народами считались?
Я что-то не припомню этот факт.
Все россияне сообща с врагом сражались,
Немецкий же нацизм был наш враг.

А впрочем, я не разделяю мненья –
Нацизм, дескать, только с немцами в связи.
Сегодня модно и других народов рвенье
Себя перед другими вознести.

При этом ищут и находят божье слово,
Чтоб вырваться вперёд, чтобы себя вознесть.
Как это, Боже, гнусно и не ново:
Чем ниже человек, тем выше спесь.

Как малое дитя, что рвётся из пеленок,
Как грозный тигр, что скалится на клеть,
Как талая вода, что рушит все спросонок,
Так в пламени свободы может всё сгореть.

Так революции бросаются в свободу,
Оранжевые, иль красные они,
Несут очередную кабалу народу,
Так гибнет светлый день в ночной тени.

Так крепостное право уничтожив,
Руси крестьяне кляли сей закон,
«Свободу» чувствовали содранною кожей,
При этом в страхе сдерживая стон.

«Свобода» революции французской,
Отмстила вольнолюбцам за себя,
От революции «великой» русской
Чуть не погибла русская земля.

Свобода! Ах, свобода! Ох, свобода!
Мечта и страсть. Призыв в полёт. Вперёд!
Но только я боюсь, «свобода» что бы
Не заслонила истинных свобод.

Этих дней пронзительная осень –
Сплошь туман и не видать ни зги,
Потемнели иглы нежных сосен,
И в душе сплошная мгла тайги.

Хочешь громко крикнуть – нету звука,
И всплакнуть не можешь – нету слёз,
Немота и пустота, и скука,
И зачем-то осенью мороз.

Где-то жизнь кипит, смеются люди,
Где-то трудятся во благо и добро.
Что ж бывает эдакое чудо...
Где-то, с кем-то, а на мне тавро.

Я не слышу смеха. Я веселья
Не могу увидеть – тёмен свет.
Нет во мне мелодий песнопенья,
И меня практически уж нет.

Одиноко в этом людном мире,
Пёс мой рядом в кресле не сопит,
Тёплых глаз уж на меня не вскинет –
Отошёл в свой верный, вечный скит.

Долго ли, или совсем уж скоро
Век своих и я не подниму,
Вслед за псов без всякого укора
Я обет безмолвия приму.

Есть люди, жаждущие скуки,
Отсутствия борьбы, забот,
Чтоб кто-то взял их на поруки
И кашку положил бы в рот.

Они бегут от треволнений,
Что преподносит жизнь им,
Не надо им и впечатлений
Ни от годов, от лет, от зим.

Глупцы, они не знают воли,
Свободы, радости, любви,
И бед не знают, даже боли.
Вода течёт у них в крови.

Есть в напряженье наслажденье:
Когда кипит шальная страсть,
В движенье каждом напряженье
В борьбе... ну, хоть бы и за власть?

Над кем? Над человеком?
Кому такая власть нужна?
Нужна уродам и калекам.
И даже не нужна, важна.

Власть над людьми и власть над ближним
Сгущает напряженье сил.
Но разве в этом смысл жизни?
Ты силы для того копил?

Нет, напряженье тела, духа,
Преодоление преград
Оттаскивает глаз и ухо,
И ум, и силы во сто крат.

Вот в чём я вижу наслажденье:
Когда, себя переборов,
Ты движешься не тихой тенью,
А яростным стремленьем львов.

И к финишу приходишь первым,
И нет усталости в тебе.
Твои натянутые нервы –
Успех в борьбе.

Ты постигаешь радость власти,
Но не над кем-то, над собой!
Ведь только в напряженье счастье,
Когда идёшь на бой.

Чёрт догадал его в России уродиться...
Не сравнивая с ним себя,
Скажу, что чёрт попутал из России смыться
меня.

На чёрта не пеняй, коль глупость совершаешь.
Коль сам дурак, то чёрта не гневи.
Ни чёрт, ни Бог, ты сам себя купаешь
В крови

Мы в подражательстве вторичны,
Хоть в нём успехов не сыскать,
Но всё ж упорно и привычно
Другим мы рвёмся подражать.

Уж если мы кино снимаем,
То нам примером Голливуд-
Американцам подражаем,
Как великану лилипут.

А уж попсовые мадонны
Из кожи лезут походить
На Лайзу, Барбару, Мадонну,
Чтоб только русскими не быть.

Чужие моды нам привычны,
Их принимаем за свои,
Не думая, что быть вторичным-
Без боя проиграть бои.

В кино убийства и погони,
Месть, драки, ненависть и злость.
О, вурдалаки, кто вас гонит
Обгладывать чужую кость.

А книги, а литература...
Ох, эти бабы от пера!
Их детективная культура
Без смысла, чувства и ума.

Я против западных вливаний,
У нас свой путь и свой размах.
Так почему ж без подражаний
Мы не умеем жить ни как.

Вопрос. Ответа нет. А впрочем,
Пожалуй, я нашёл ответ:
У нас амбиций много очень,
А гордости, простите, нет.

Нам посоветовал Поэт,
Сказав, что это очень нужно,
Собою вызвездить весь свет-
Зажечь небесные жемчужины.

Однако не горят они,
Не освещают путь небесный
От тех кто, движется в тени
От жизни бурной, полновесной.

Они горят от тех, кто смел
Хоть чуть возвыситься над бытом,
Пресечь умеренный предел
И броситься в полёт открытый.

Когда болит душа, рождается не ругань,
Рождаются слова, кипящие в крови.
Вот если не болит и не тревожит выюга,
Кругом одни враги и нету друга,
Тогда звучит лишь брань, и нет любви.

Ругать любимого – одно, врага – другое.
Врага поносишь – пена на устах,
Врага не станешь заслонять собою,
И кулаки сжимаются порою,
И злость, и ненависть в глазах.

Любимого ругать болезненно и сложно:
Из уст слетают резкие слова,
В душе разлад, в глазах тревожно
И обязательная дрожь в руках.

Я сразу отличу, от злобы ли та резкость,
Или от любви и нежности, тепла,
От злобы – не прошу! Любую вескость
Прошу, когда любовь в глазах светла.

Брань злобная всё разрушает напрочь,
В ней смысла нет и нету пользы в ней,
За ней всегда стоит прозрачно
Озлобленный подонок мрачный,
Сводящий счёты неудачник и плебей.

Жизнь вечна! И пока ты жив, ты вечен.
Не торопись ты к вечности иной.
Когда—нибудь ты всё равно пожалуешь на встречу
Её с тобой.

Шагаешь — жив, и дышишь — тоже жив,
И размышляешь, спиши, пьёшь воду...
Живой, живой! Навек глаза смеялись,
Уже не будешь частию природы.

Тебя уж нет, она ещё живёт,
А значит, вечна, как и ты был вечен.
Цветут деревья, и вода течёт,
Хоть жизнь её подчас небезупречна.

Любовь и ненависть, война и мир живучи,
Пока есть человек, пока есть ты.
Уж лучше ты воюй, люби, уж лучше
Живи, но не сжигай мосты.

Где набираться впечатлений,
Чтоб взять перо и написать
Бездарное стихотворенье
Ничтожной болтовне подстать.
Зачем? Кому нужны потуги,
Стараний и мучений час,
Когда твои святые муки
Ничей не удостоит глаз.

Положишь в стол, иль в шкаф закинешь
Бумажки с подчёркком плохим,
И там покроет плесень, иней
Твои бездарные стихи.

И всё же хочется взять ручку,
Чтобы слова зарифмовать,
Придумать эдакую штучку,
Ну , скажем... Пушкину подстать.

Куда я вечно тороплюсь — не знаю.
Но чтоб ни делал я, мне времени в обрез...
Гуляю — тороплюсь: не опоздать бы...к чаю,
Пью чай и тоже тороплюсь. Попутал бес.

Сижу обедаю, а мысль: ну, сколько можно,
Идёт же время, сколько можно есть.
И хоть я понимаю, дума ложна,
Но мне всё некогда, спешу. Куда? Бог весть.

Я, вроде бы, не успеваю, что-то сделать,
Хоть дел давно уж нет, а времени полно.
Я ехать оседлал коня, т. е. велик,
А сам уж думаю, пора домой давно.

Залез в бассейн и мне б в нём раствориться,
А дума бьёт в мозги: когда домой?!
Себе я говорю: куда спешишь, турица?
К врачу тебе с больною головой.

Всегда в долгую пред всем, что происходит
На сей земле и даже вне её.
Я вечно виноват был, был немоден,
Был глуп, наивен. Каждому - своё.
Но вот теперь, пора угомониться:
Сесть – не подняться, лечь - и не вставать,
И просто наблюдать чужие лица,
Снуящих вокруг, или природу - мать.

Так нет. Всё некогда. Я не имею права.
ТранжириТЬ время. И бегу...бегу...
Дурак! Эклезиастовы слова и славу-
« Живи без суеты!» принять я не могу.
Хочу. И не могу.

Бывает и ошибка преступлением.
Бывает. Не всегда. Но в случае со мной
Сцепились два понятия в единение,
Их единение стало мне судьбой.

Предательство бывает и ошибкой.
Бывает. Не всегда. Но в случае со мной,
Произошли сцепление и сшибка,
И эта сшибка стала мне судьбой.

Кого я предал? Изменил кому я?
Я сам себе скажу, не скажет мне другой.
То не было поступком ветродуха,
То был проступок, связанный с судьбой.

Таких проступков людям не прощают.
Я не прощу. Я сам себе судья.
На Исторической хоть не искал я рая,
Не помышлял прожить смеясь, играя,
Ей не скажу: о, Родина моя!

Скриплю. Корплю. Несу достойно возраст.
Однако жизнь не умерла, живёт...
В России, где мне улыбались розы,
(бывало, что и вяли от мороза)
Где было всё моё – поэзия и проза.
Туда б теперь сбежать!..но поздно:
Уж не запрячь обратный самолёт.

Правдива ль ложь и лживая ль правда?...
Как различить на вид.
Мы верим разудальным клятвам,
Признаниям в любви.

Нет испытания на верность.
Проверить как на правду ложь--
Ложь обряжается чрезмерно,
Обман на искренность похож.

А правде золотых доспехов
На грудь не надо надевать,
Они становятся помехой,
Фальшиво украшшая стать.

Тук лживость выглядит фальшиво,
А правда – лживо.

Ох, ох, ох, надоела жара,
Потускнела листва на деревьях,
Даже малая детвора
Потеряла активность в движеньях.

Раскаленное солнце бело,
При хожденье ломаются ноги,
И в раскрытые окна тепло
Накаляет мои чертоги.
Мозг обвялен, движенья скучны,
До бассейна длинна дорога,
И горячие в глотку супы,

И хотели бы влезть да не могут.

Помереть бы... да время ещё
Не пришло, а не худо бы было,
Страшно только, что «горячо»
Доберётся и до могилы.

Но покойников не отогреть,
И они над живыми хоочут,
А прохлады могильной клеть
Соблазнительной кажется очень.

Иерухамская жара,
Что сибирские морозы –
Бесконечная игра
Нашей девственной природы.

Ссылка может быть в Сибирь,
Но бывает – на экватор.
Так устроен этот мир,
Что не помнишь Альма Матер.

То ль морозами дышать,
То ль в тени, от солнца прячась,
Проклинать природу мать,
От её игры корячась.

Кюхля сослан был в Тобольск
Государевым указом,
Я ж податливый, как воск,
Глупостью своей наказан.

На Сенатской не вставал
Противу родной отчизны,
Сам себя на юг сослал,
Совершив побег из жизни.

Ссылка. Север или Юг
Не играет важной роли.
Провожу теперь досуг
В ссылко – негевской неволе.

Мне приводилось видеть всякое!

Я видел смерть вокруг, сам мерил жизни пульс,
Я спал в болотной жижке пред атакою,

Нёс километры на себе кровавый груз;

Бывал мишенью наших и не наших,
Любил, конечно, милых женщин я,
Я не делил людей на падших и не падших,
Мне были люди все – моя семья;

Я был расстрелян, был повешен даже,
Живым остался непонятно как,
И твёрдо знаю, ничего нет гаже
Предательства друзей за четвертак

Пред подлостью и хамством я робею,
Хоть, повторюсь, я всякое видел,
Я был из тех бесхитростных евреев,
У коих был христианский идеал:

Не обмани!.. Не сотвори!.. Не злобствуй!..
И не завидуй счастию людей!..
Не возлюби!.. Не будь холодно-чёрствым!
Будь щедр сам, чтоб сделать мир щедрей

Я никогда так часто не смеялся,
Как я смеюсь теперь – смех мертвеца.
Я молод был – серьёзным быть старался,
А старость озарил улыбкою глупца.

Гримаса? Нет, пожалуй. Сам не знаю,
Что это. Парадокс? Или со всеми так?
Собака добрая лишь лает. Ну а злая...
Без лая рвёт одежду и башмак.

Мне не смешно, а я смеюсь, как клоун,
Что смехом заразить других спешит.
Зачем? К чему? Приветствует поклоном
Лишь тот, кто милый хочет делать вид.

Таких я узнаю по звуку и движенью –
Их равнодушье, фальшь, скрываемую суть.
Уверен, и меня легко и без сомненья
По смеху наизнанку можно вывернуть,

За ним увидеть грустную картину –
Смех только маска, а за ней... слеза,
И даже не слеза, а гильотина.

Глаза. Всё выдают глаза.

И смеху моему цена копейка:
Я пойман, уличён – себя не скрыть.
Так загнанная в клетку канарейка
Щебечет весело, изображая прыть

Я счастье испытал не визуально,
Его душой и кожей я постиг,
Когда в минуты страстного свиданья
Из глотки извергал животный крик.

Я счастье испытал не визуально
В те редкие мгновения, когда,
Казалось бы без моего влияния
Во мне кипели чувства и слова.

Кто не познал Любви, не ведал озаренья,
Тот счастья не узнал, кто счастлив был собой.
Такому не понять счастливые мгновенья
Тех редкостных минут самозабвенья,
Подброшенных нам щедрою судьбой.

От жизни никогда не требуй милость.
Будь милосерден сам и будет жизнь щедра,
И что б с твоей судьбой не приключилось,
Она спасёт тебя, как добрая сестра.

Не жалуйся на жизнь, она не виновата,
Ты виноват – она в твоих руках.
Лепи её, как воск, и мни её, как вату,
Но никогда не ограничивай в правах.

Не обвиняй к судьбе твоей причастных,
Ты создал сам от них зависимость свою,
Они же над судьбой твоей не властны,
У всех свои дела, заботы, свой уют.

И не навязывай себя своим знакомым,
У всех свой жизни смысл, свой идеал,
И чтоб не стать кому-то в горле комом,
Не говори, что ты во всём удал.

Живи без суэты, успеху не завидуй,

Когда успех не твой, а друга твоего,
И только никогда не делай мину,
Что и себе желаешь ты того.

А главное, живи по чести,
Не обижай людей и Бога не гневи,
И будешь Человек, скажу тебе без лести,
И удостоишься признания и любви.

О, женщина! Созвездие красот!...
Когда ты женщина, а не мужчина...
Ты в этот мир пришла не нашей половиной,
А частью малой океанских вод.

Пусть только малой, но ведь океанских-
Громады волн в тебе и бури, да и штиль.
Гармония. Мечта. Твои желанные ласки.
Твоя любовь в миллионы нежных сил.

И миссия твоя – дарить себя мужчине
И греть его уютом и теплом,
Пленять мужчину красотою линий,
Быть Афродитой, а не девушкой с веслом.

Долой весло! Нет, женщине не нужно
Бороться, побеждать – мужская это роль.
Вот если рядом с ней мужик щедрый...
Хотя какой же он мужик, он просто моль.

Свою слабостью он женщину лишает
Той прелести, что жизнь должна ей дать.
Слизняк. Он женщин заставляет сваи
Вручную в каменную землю забивать,

Иль лезть в карьеру в поте альпиниста,
Иль заставляет женщину быть в доме головой.
Такой мужчина женщину лишает смысла
И делает её несчастной и больной.

Мой тест за женщин слабых и прекрасных,
Немножко ветреных и полных естества,
Конечно, чтоб в постели были страшны,
Нежны, чисты, как свежая листва.

Я напоказ стихи не выставляю,
Не потому что в них не верю я,
Себе пишу и сам себе читаю,
Чтобы вернее мне понять себя.

Я в них живой, без выдумки, без лести,
Распахнут, обнажён, открыт,
Опасно искренен, опасно честен,
И потому меня терзает стыд.

Они – интим, в них весь я, без секрета,
Зачем же душу обнажать поэта,
И не уверен я, что будут интересны
Мои корявые стихи и песни.

Навязывать себя, свои идеи, тайны,
Не достаёт влюблённости в себя,
К тому ж то, что пишу рождается случайно,
Когда я не могу сдержать в себе огня.

Душа горит – я не могу молчать,
Мне надо говорить, хотя б с бумагой,
И одиночества холодная печать
Бросает на стихи меня с отвагой.

Тогда беру я ручку и пишу,
Листом бумаги раскрываю душу,
И знаю точно, что свою лапшу
Я никому не вешаю на уши.

«С великой радостью я убеждаюсь в том,
В чём я хочу сейчас же убедиться.
И доказательств я найду на целый том,
Чтоб каждый знал своё немытое корытце

Они дают мне право излагать
Мою позицию, моё мировоззрение
И не доказывайте мне, что есть другие мненья,
Ибо на них мне просто наплевать.

Я знаю мнение моё и им доволен,
К чему мне мнения иные, не мои,
Фанат своих я мнений, ими болен,
А от других меня, господь храни.

Согласен я лишь с теми, кто согласен
Со мной и только с мнением моим,
Во мне нет места мнениям иным,
Иной мне с мнением своим вообще опасен.

Я мыслей мудрых столп, я сам себе пророк,
Внимайте мне, о, неразумны твари,
Я самый правильный, моих идей поток
Не уничтожить ни в каком пожаре.

И если в чём-то даже я не убеждён,
То вида не подам. Настойчиво и рьяно
Я на баса возьму – на форте, не на пьяно,
Чтоб все сказали: «О, как он силён!», Ещё добавят: «силой хулигана»

Какой бы правдой не был бы он прав,
Но если прав всегда он только сам,
То значит, он не прав, ещё и хам,
Ему нестина важна, свой нрав.

С такими я знаком, пил за одним столом,
Встречал в компаниях, а чаще на работе,
И понял: в спор вступать с таким – не будь ослом,
А то ты сам окажешься в ослином переплете

Он прожил день ещё и этим был доволен,
На дольше он рассчитывать не смел.
Когда-то он рассчитывать был волен,
Рассчитывал, чтоб делать массу дел.

Но...стукнуло разок, другой и третий
И перестал он доверять себе,
Попался он в расставленные сети,
Не выскользнуть, а значит, быть беде.

Он не догадывался прежде, что возможно
Не смочь пролезть сквозь решето сетей,
И поступал всю жизнь неосторожно
И даже с лихостью, хоть этим злил людей.
Он вечен был. Да, так ему казалось.
Обратный счёт он дням своим не вёл,
Хоть было уж ему весьма за...старость,
Но он летал, как молодой орёл.

Но стукнуло, и всё перевернулось

В его извилинах – он стал считать те дни,
Был даже рад, что сердце ещё билось
День, два ещё, а лучше три.

Жизнь катится вперёд, или назад – не знаю,
Остановить нельзя, лишь можно задержать.
Любой теракт – всего лишь змей бумажный,
Он может только рожи корчить, да пугать.

И катаклизмы смертные природы –
Землетрясенья, наводненья и
Прочьи ужасы, не остановят роды
Всех тех, кто дышит запахом земли

Они грустят, волнуются и любят,
Поют, танцуют, спят едят – живут,
Свой каждый складывает кубик-рубик,
Как будто для полёта парашют.

Сложили и летят в паденьи
С небес на землю. Приземленье.
И снова на ногах. Паденье позади.
Взлёт в небо снова впереди.

11-й сентябрь, цунами, наводненья,
Беслан, Норд-Ост – трагедий перезвон.
А времена в пути и потрясенья
Не остановят жизни марафон.

И человек: рождается – умирает,
Растёт, смеётся, плачет и поёт.
Всё на земле, ему не надо рая,
Он на земле ведёт с судьбой расчёт,

Счёт радостей и бед, счёт взлётов и падений
Любви, обманов, слез, прекрасных дам.
Всё существует в мире, без сомнений.
И Жизнь идёт, шагая по годам.

Я знаю, как предмет я мало интересен,
Чтобы собой пленить весь свет,
Но на другие темы у меня нет песен,
Своей я кровью мёрзну и согрет.

Несовершенство моего стиха меня не гложет –
Я не для глаз пишу, не для чужих ушей,
Я не поэт, и мне писать не гоже
Для любящих поэзию людей.

Минуты я свои вношу в бумагу,
Куда бежать мне от моих минут,
За них я не прошу медали «За отвагу»,
И слава, и почёт за них меня не ждут.

Однако не могу я вовсе не делиться,
Тем, что во мне кипит, с бумажною строкой,
Ведь кровь-то, кровь людская не водица,
Что след не оставляет за собой.

Она во мне бурлит и бьёт по нервам,
И в мозг! И в мозг! Ну, как не взять перо.
Я не один такой, и не хочу слыть первым,
Со всеми так – ведь всё, как мир старо.

Я голос слышу свой, как будто незнакомый,
Но радио не врёт и голос этот мой.
Я в телевизоре себя увидел дома,
Нет, нет, не верю я картинке – там другой.

Стихи свои читаю через время
Я сам себе и их не узнаю:
То не мои стихи, не я писал, и темы
Их не понятны мне, не утаю.

И зеркало не отражает честно
Меня – я не такой, как в нём,
И пусть то отражение мне лестно,
Себя я вижу в облике ином

Когда на стороне твердят про мой характер,
Или про мой, прошу простить, талант,
Я убеждён, не про меня сей дактиль,
Или пустой, лицеприятный ямб.

Себя не знаем мы, как звери, как деревья,
Других мы тоже понимаем не всегда,
Когда твердят про нас хорошее, мы верим,
Твердят плохое – чушь и ерунда.

Мудрец сказал: я знаю, что не знаю
Я ничего, и в этом суть моя.
Вот тучи. Тут же солнышко играет.
Где истина? Что абсолют? Кто я?

Нет смысла в буквах, но в словах...

А впрочем, и в словах нет смысла изначально,
Они лишь только звуки на устах,
А в звуках иногда и смех звучит печально

Есть в тоне смысл, в движеньи губ и глаз,
Они определяют буквы сущность.
И даже пусть гремит тяжелый бас,
Он лёгонького тенора не лучше.

Раскроет сказанного смысл и суть
Не слово, даже и не фраза,
А взгляд, иль дышащая грудь,
Или дрожащая в руках с цветами ваза.

Слова, конечно, тоже говорят...
Вот тут как раз и прячется загадка...
Однако, если к ним ещё добавить взгляд,
Особый тон, движенье тела, грядка

Даст плод, проявит суть и смысл,
Смысл сущего и сказанного всеу,
Тогда и буквы устремятся ввысь,
Взлетят, святую истину учуя.

Понятны станут звуки теорем,
«Люблю» не спутаешь со словом «Ненавижу»
И нет неясности, легко и ясно всем,
Смысл букв и слов покажется нам ближе.

Друзья мои, прекрасен наш союз!..
Союз? Какой? Слов нет таких в помине.
Поодиночке всяк несёт свой груз
И путается в личной паутине.

Союз сердец, народов, стран, ты где?
Ау! Распалась связь. Какие там союзы?
Нет дела до друзей, хоть будь они в беде.
Так нагло закрылись дружбы шлюзы.

Уже мы «Караул!» друг другу не кричим,
Когда пришла беда, уж не зовём на помошь,
Боясь нарваться на «Чёрт с ним!»,
А это, как удар с плеча наотмашь.

Союз республик дружных превращён
В союз различных государств без дружбы.
Причём тогда союз? Зачем так назван он?
Когда все врозь, в нём нет взаимной службы.

Служа друг другу честно, не из страха,
Мы чувства добрые в себе несём,
Когда же врозь, то чувства эти чахнут.
Без чувств какой союз, забыть пора о нём.
Позорно лгать и называться другом,
Кричать на всех углах: «Прекрасен наш союз!»
Потом же вдруг переходить на ругань,
И петь Союзу похоронный блюз.

Я хочу размышлять – в голове пустота,
Я за правду бороться готов –
Нету сил у меня, и слова изо рта
Не текут уж, как прежде бывало всегда,
И не только нет сил, нет и слов.

Глупо жить – коль не можешь проделать, что мог,
А хотел бы проделать ещё.
Пред тобою соблазны на тыщи дорог –
Самолётом, авто, или парою ног
Проходить, у годов взять своё.

Сколько ты не видал, сколько ты не узнал,
Так попробуй, ещё не конец.
Коль попыток уж нет – ты себя обокрал,
Посчитавши, глупец, что закончен уж бал,
И что ты не танцор, не борец,

Не жилец, не мужик – инвалид и урод.
И отчасти ты, может быть, прав:
Городят годы медленно свой огород,
Но пыхтит ещё в трубы рабочий завод,
Уж восьмое дыханье набрав.

Так живи и дыши и себя не кончай,
Не дожив до конца своих дней.
Жизнь – борьба, жизнь – игра, так борись и играй,
Отдалай от себя божий, призрачный рай,
Не слезай с запряжённых коней

Прощупывая жизнь свою,
Мы понимаем жизни многих:
Зачем работают, поют,
И ходят в церковь, в синагогу;

Зачем театр, зачем бордель,
Зачем нужна литература,
Зачем звучит виолончель,
Зачем больному процедура;

Зачем лютует криминал,
Зачем арабы бьют евреев,
Куда девался идеал,
Пусть даже идеал плебеев;

Элита не в чести зачем,
Интеллигенция не в моде,
И почему Джерузалем
Израильтянам так угоден.

Зачем? Зачем? Зачем? Зачем?
Прямого нет на них ответа –
Ведь у ответов масса схем,
И большинство подобны бреду

Проблемы жизни нашей всей –
Мои проблемы: все мы люди,
Страданье, радость, слёзы, смех,
И добродетельность, и грех,
Провал, паденье и успех,
Шаги по жизни лет и вех,
Не отдадим и не забудем.

Так и не спрашивай тогда,
Ответа не получишь прямо
Ты – Человек! Иди упрямо
Туда, где яркая звезда.

Я не могу играть Отелло,
Когда во мне он не живёт,
И Яго есть во мне, и смело
Во мне живёт и Идиот,

И Лир – король, и Дядя Ваня,
Тартюф, и Сатин, и Актёр...
Но если нет во мне их граней,
Какой же я тогда актёр

А лицедеем быть не лестно,
Быть им, уж лучше и не быть.
В искусстве требуется честность,
И искусству надобно служить.

Да, не себе. Да, да, искусству,
Оно не терпит суеты,
Искусство без Служенья пусто,
Как жизнь пуста без Красоты.

Поэт сказал однажды нам:
«Прекрасное должно быть величаво».
Чтобы твой голос разносился по сердцам,
И чтобы заслужить людское «Браво!»
Собой играй, в твоих ролях ты сам.

Стихи мои готовы волновать
Тех, кто плывёт со мной одной волной,
Тех, у кого душа становится больной,
Когда увидят вокруг неблагодать.

А формой совершенную стихи
Мои обрадовать не могут –
Я не поэт, стихов моих грехи
В рифмосплетенье ждут иного слога:

Отточенного, сглаженного и,
Что сам собою слух людской ласкает,
А у меня растут, простите, пни,
И я, простите, их не вырубаю.

Мне даже нравится корявость их,
Поскольку отражают смысл точнее,
Красивости меня отнюдь не греют –
Красив не тот, кто формою красив.

Хоть в Красоте и это роль играет.
Однако, кто вниманье лишь на форму обращает...
Тому я не сумею быть учтив.

Война

Не выношу рассказов о войне –
Они фальшивы тоном, да и фразой,
Рассказчики и прихвастились горазды,
Рассказывая больше о себе:

Я пережил все ужасы войны,
Я вёл себя, как истинный герой,
А что остался жив, тут нет моей вины,
Я за страну свою стоял горой.

Всё я, да я, а где другие были,
В рассказах что-то не было про них.
Нет, не люблю хвастливые я «были» –
Всё о себе, ни слова о других.

Уж если о войне рассказывать, то надо
Себя забыть, и о себе не знать,
Клише и штампы устыдиться повторять
А то твои слова звучат неправдой

Никто не говорит о самом главном –
О человеке, людях, о судьбе,
А почему-то больше о пальбе.,
Да и о том, как мы их били славно

Не говорят, как убегали от смертей,
Как, отгоняя страх, мы презирали трусов,
Какие мы испытывали чувства
От множества бессмысленных потерь,

Как нервы наши были сожжены,
Как жили мы в кровавом напряженье,
Какое нам война дала ученье,
Что до сих пор нам не забыть войны,

Какие офицеры были с нами,
Кто осторожен был, кто трус, кто смел,
Кто шёл на смерть, а кто ручонки грел –
Как каждый вёл себя в кровавой драме.

Есть общая судьба – судьба страны,
Но ту судьбу переживает каждый
По-своему!

По своему!
И только это важно
В рассказах о событиях войны.

Нахлынуло...

Огонь. Трава. Разбитый котелок.
Винтовка. Каска. И куски убитых.
И почему-то тёмно-красный сок
Сияет весело ещё не смытый
Дождём, что хлещет трауром с небес
На трупы, крики, стоны и на лес.
То слёзы по кускам солдатских тел,
Разбросанных в кровавом беспорядке:
Где головы, где руки. Поредел
Наш взвод, зарывшись в грядки,
Где красная клубника расцвела
И перламутром отливает в жиже
Дождя и крови, и лежат тела,
Как в строевом порядке – выше, ниже,
Не по ранжиру – по неровности земли,
И не по правилам – здесь голова, там ноги,
Смешалось всё в объятиях петли,
Затянутою слякотью дороги.
Так я увидел ненависть войны,
И в гуле самолётов смерть и стоны.
И до сих пор я вижу сны,
Что превратились в дикие законы
Людских невзгод, несбывшихся надежд,
Звериной злобы, зависти, проклятия, Предательства творительный
падеж...
А я, дурак, считал, что люди – братья.

Нам было стыдно отступать,
Когда они на нас напали.
Нам страшно было отступать
Под натиском огня и стали.
Нам было больно отступать,
Ведь мы Россию оставляли,
Ведь мы народ свой предавали,
Нам вслед проклятия кричали.
Мы отступали, отступали,

Хоть было стыдно отступать.
Нам мерзко было сознавать
Что нас свои же предавали,
Окопы в страхе оставляли,
В родные хаты прочь бежали,
И дезертиров в них скрывали
Родные -- их отец и мать.
Нам это мерзко было знать.
Но это было, было, было
В начале страшной той войны,
Как в ридной, тэплой Украине
Попрятались её сыны.
Не все, конечно, но немало
Сбегало по своим домам,
И полицаями вставала
Украина, забывши срам.
(А впрочем эдакое было
По всем захваченным местам -
У всех народов есть гориллы,
Готовые служить врагам,
Я же о том, что видел сам)
Боль отступленья нам была
Больней смертельного раненья,
Она нам смертно душу жгла,
А боль души всегда смертельна.
И было стыдно отступать,
И в окруженье попадаться,
Россию немцам отдавать,
В плену немецком оказаться,
И было горько погибать,
И невозможно жить остатся.
И было стыдно воевать,
Трусливо обнажая слабость,
И, отступая, верить, ждать,
И ждать, чтобы Победы радость
Не заставляла долго ждать.
Мы знали, что она придёт,
И не теряли мы надежды,
Что смерть нас мимо обойдёт,
Что пуля не смежит нам вежды.
Но даже если и без нас
Она придёт, моя Победа,
Убитый я воскресну враз,
Как будто смерти я не ведал,
И встану в общий строй тотчас.
Когда устали отступать,

Россию немцам отдавать,
Когда стыдиться перестали,
Тогда из праха мы восстали,
Мы немцев гнали, гнали, гнали,
Без жалости и без морали,
Как может только Злоба гнать.
Когда устали отступать.

Нам злоба заменила стыд,
Настала эйфория злобы,
Та злоба была высшей пробы,
И стыд был злобою залит.

Та злоба на СЕБЯ была.
Да, на себя! Что отступали,
За то, что миллионы пали,
Что Полруси врагу отдали,
Что близких мы не отстояли,
Что, в плен попавши, погибали,
Что нас свои же предавали,
И что «За Сталина!» орали,
Мы, закусивши удила,
Ещё не зная сколько зла,
России он принёс, не знали.
Та злоба на себя была.

И горький стыд терзал ту злобу,
С которой шли к Победе мы,
Чтобы рассеять натиск тьмы,
Свет возвратить Европе чтобы.
Мы сбросили Всю слабость с нас,
На смену ей пришло геройство,
Подчас шальное, а подчас
Разбойное, без благородства.
Нам надо было убивать
Врага, посеявшего злобу,
Разбить его и в гроб загнать.
И кол забить над крышкой гроба.

Победа не пришла сама,
Её нам Стыд и Злоба дали,
Её мы кровью добывали,
Мы трупами её устлали,
Она пришла во все дома
Через четыре года браны
Триумфом счастья со слезами.

Печаль бесчисленных потерь
И по сегодня нас тревожит,
Всего народа душу гложет,
Не выгонишь её за дверь,

Печаль бессмысленных потерь.
Печаль расстрелов и смертей!
Печаль гебешных лагерей!
Печаль кандалльного народа!
Печаль бесправия людей!
И жажды праведной Свободы!

Победа

Победа! Крылатое слово победа!
Оно греет слух нам и сладко звучит
Но лучше б его я и вовсе не ведал—
Оно кровоточит, болит и кричит
Избавь человека от стонов и криков,
От пота и крови, несчастья и бед,
От пушечных залпов, от авиаарыков
От грома сражений и молний побед.
Дай людям жить вольно без этого слова,
Вольготно любить и свободно дышать,
Врага не иметь, чтоб лишать его крова,
Терпеть пораженья и побеждать.
Пусть слово «Победа» звучит, как сирена,
В науке и в спорте, в искусстве, любви,
В леченье недугов, поэзии нетленной
В цветенье полей нашей бренной земли.
Я первый кричать буду слово «Победа!»,
Когда расцветёт средь народов любовь,
Восторжествует гуманное кредо:
Все люди едины, в нас общая кровь.
Одною землёю вскормлённые дети
Оружье и ненависть спрячьте в чехлы,
Мы дети единой природы на свете,
Природа не стерпит меж нами вражды.
Она будет мстить и неправым и правым,
И кончится общей народов бедой.
Победа не требует возгласов «Браво!»,
Война – катастрофа всей жизни земной.

Мне эту войну тяжело описать,
Да так, чтоб рассказ был похожим на правду,
Люди хоть правду желают узнать,
Верить хотят во враньё и неправду.
Она согревает их память теплом,
Она увлажняет глаза сентиментом.
Приятно – смертельный не ранит огнём,
Не убивает – щекочет по нервам.

Видел: валяется тело без ног,
Глаз одинокий звездой не мерцает,
Красная жижа вокруг, как венок,
Солнце в той жиже лучами играет.

Видел: зола от сгоревших людей,
Её разбросало на многие метры,
Скрывая зелёную землю полей
Там, где гуляли весёлые ветры.

Видел мяущихся в страхе солдат
В грязи и крови, и в экскрементах,
Было несчастным не до бравад,
Не до победных ура-комплиментов.

Видел, как «Юнкеры» землю бомбят,
Мы же трёхлинейками их пугаем,
Юнкерсов визг, за снарядом снаряд
Не был для нас мелодическим раём.

Трусов в истерике видел я,
Когда свистели над нами пули,
Страх их охватывал: шкура же своя,
И жалко её – не дырка в стуле.

Когда вспоминаю я о войне,
Не мимолётной, а многолетней,
Возгласы «Браво!» не помнятся мне,
Или бравурный восторг газетный,
Я вспоминаю кровищу и смерть,
Страхи, отчаянья, раны солдатские,
Даже желание умереть,
Чтоб не испытывать муки адские.

Помню, что 27 миллионов людей
Врага победившей моей Отчизны
Не возвратились с военных полей –
Смерть победила жизни.

Простите за кровью пропитанный стих
И за жестокое изложение...
Но в этих картинах, именно в них
Победы отраженье.

Нам об этой войне никогда не забыть,
Тем, кто жив и кто кровью на ней расписался,
На себя мы взвалили обязанность жить,
Помня тех, кто живым среди нас не остался,

Кто сложил за Россию младую главу,
Кто добыл для евреев Отчизну,
Ту, с которой связали мы нашу судьбу,

Где мы каждому рады мгновению жизни.

Так живите и радуйтесь 120 лет,
Без болезней, без горя, без бед и ненастья,
Ветеранский и братский примите привет
С пожеланием жить вам в любви и согласье!

Не помню – февраль или март 45-го,
Кровавая хлябь под телами солдат,
Ползём по-пластунски по полю промятому,
Над нами свистит за снарядом снаряд.
Ползти и ползти нам до этого «Фауста»,
Работа такая у роты штрафной,
Мы сброшены с танков, в руках наших «шмайсеры»,
Ведём против «Фаустов» бой пулевой.
Снег, слякоть, земля перемешана с кровью,
И нашей родимой и кровью врага...
Всё смертью кончается – наше здоровье,
А так же врага. Как в корриде – быка.
Что вопли быка и что стон человека...
Не видит смерть разницы, разницы нет.
Ей смерти нужна только смерть для утеш,
И в ней её прелест: она же эстет.
А я одного осознать не желаю:
Как гётевский Фауст в патроны попал,
Его же артисты на сцене играют,
Ведь он же бессмертен, как идеал.
Он к вечности жизни нас всех призывает,
Он труд и науку благославляет,
При чём же тут Фауст и фауст-патрон?!

Во мне не звучит этих слов перезвон.

Слова о героизме ненавижу!
Герои – в мифах, в жизни – нет.
Смысл героизма я занижу,
Сказав, что геройзм – бред.
Война – солдатская работа,
Убить врага – солдатский долг,
Не отступать должна пехота,
А Родины хранить порог,
А хорошо работу делать –
Обязанность и тоже долг,
Не надо путать с этим смелость
И трусость, если кто не смог.

Плох тот народ, который жаждет
Земных героев сочинять,
Тем более в телячьем раже
На всех углах о том кричать.

Солдат воюет, доктор лечит,
Писатель книги создаёт,
Так было и так будет вечно,
Пока жив человечий род.

Я б слово «героизм» похерил,
Оно не для живых людей,
Оно подобно в бога вере –
Обман, для маленьких детей.

Я помню смелых, помню трусов,
Застенчивых и хвастунов,
Среди татар, евреев, русских,
Узбеков, чuvашей, хохлов.

Себя героями считали –
Трус тоже хочет храбрым сlyть.
В день героического мая
Рискну я истину раскрыть:

Герой – придумка и реклама,
Мифологический рассказ,
Среди хаоса и бедлама
Героев не было средь нас.

Война – не уличная дама,
И красками её не крась.

Ценой мы за Победу не стояли,
И слишком дорогой мы до Победы добрались –
Почти что 30 миллионов пали,
Отдавши за Победу жизнь.

Вот эту стоимость Победы
Мы не стремимся обнажать
И выставлять на вид все беды,
Чтоб празднества не омрачать.

Но меркнет радость от Победы,
Коли легко пришла она,
Как сообщали нам газеты,
И праздновала вся страна,
Казалось, что одна Победа
Была на нашей стороне,
Как будто мирная беседа
Дала её нам в той войне.

Вранье хвастливое нам горе облегчает,
Но истину зато от нас скрывает.

Победы день один нам дан на годы,
Его мы празднуем, забывши о войне,
Смертях и боли, обо всех невзгодах,
Где день один нам стоил сотни дней.

А было этих дней четыре года,
Точнее, 47 – считать по месяцам,
По дням перечислять, не хватит горя,
Что выпало испить на долю нам.

А потому Победы звон приятен
Однако омрачён он памятью людской
О миллионах жертв, погибших не от старости в кровати,
А в юности и на полях земли родной.

Театр

Театру не к лицу быть попрошайкой зрителя,
Ему не следует ложиться под него,
Он должен в позу встать прекрасного воителя,
И победить! И с видом победителя
Сражённого поднять до роста своего.

Высокий рост – не всем и дотянуться.
И пусть не всем, но есть, конечно, тот,
Кому не надо, чтоб с каёмочкой на блюдце
Разжёвывали сладенький компот.
Пусть зритель трудиться, вперёд уставив грудь,
А не сидит, откинувшись на кресле,
Буди его и не давай уснуть,
Чтоб кожа с тела до крови облезла.

Есть у Искусства уровень и мера –
Не балалайкою на танцах развлекать,
А потрясать и увлекать, и веру,
В Добро, в Прекрасное, вселять.

Вселять!Вселять!
В Добро, в Добро вселять, а не в чернуху,
В которой килерам, подонкам, благодать,
Чтоб не было в умах, как в танках глухо,
Чтоб к варварству народ не призывать.

«Отдохнуть, расслабиться!»
Такое требование к Искусству предъявляют
те, кто от него абсолютно далёк.

Искусство не служанка для невежды,
Тем более не шлюха расслаблять,
И между прочим, или прочим между,
Оно и невинность и не б...
Кто жаждет от Искусства расслабленья,
Уже расслаблен сердцем и умом,
Ему б искать другие развлеченья-
В клозете, чтоб расслабиться дерымом.
Чтоб расслабляться, тут труда не надо,
А без труда Искусство не постичь,
Тут голова нужна, помимо зада,
Чтобы осмыслить «БЫТЬ, ИЛИ НЕ БЫТЬ»,
Переживать страдания героя,
Его сомненья, радость и беду,
Не ржать до расслабленья, немотою
Стонать и выть в 12-м ряду.
Пусть в первом жаждущие расслабленья

Те, кто уже имеет расслабление мозгов,
Они превыше всяческих сомнений,
У них ответ всегда на всё готов.

Но только не готовы отзываться
На боли и на радости других,
Зато готовы счастливо смеяться
Над пошлостью аншлаго-петросяновых шутих,
И чем глупей, тем им ещё смешнее—
Расслабленность, ну что поделать тут:
Башка не варит, только вертят шеей,
Смеются даже, когда слабых бьют.

Быть слабым – не порок, не преступленье,
Желать расслабиться – бежать из жизни вон,
Чтоб не страдать и не иметь сомнений.

Трагический души Амаргедон.
Софокл не расслаблял мозги невеждам,
Шекспир страстями души потрясал,
Не оставлял героев без одежды,
Чтобы герой тот членом сотрясал.

Француз Мольер в комедиях весёлых
Смеяться заставлял не глупостью шутих,
Высмеивал он остротой уколов
Людские слабости, страдая из-за них.
И Гойя, обличитель критинизма,

Карикатурами не расслаблял людей,
И даже Райкин, сын соцреализма,
Смеялся зло, чем злее, тем смешней.
И Зощенко, Жванецкий, кто ещё там,
Кого мы юмористами зовём,
По нам идут тяжёлою пехотой,
В расслабленных врезаясь напролом.
Расслабленные, слабьтесь до усёра,

И хохочите просто ни над чем,

Вы, падкие до глупости и вздора,

Никем вы были, стали вы ничем.

Аплодисменты для актёра

Нужней, чем влага для травы,

Важней, чем ротозей для вора,

Чем мгла ночная для совы.

А крики «Браво!», «Бис!» тем боле,

Они, как пуля для ствола-

Какая же еда без соли,

Без соли нету и стола.

Актёру слёзы в зале – масло,

А так же неуёмный смех,
Да чтоб внимание не гасло,
Да чтобы чувствовать успех.
Он этим жив, велик, прекрасен –
Слезами, смехом, тишиной,
И непременно соучастьем –
Рыданьем, криками порой.
А если нет совсем «приёма»,
Не слышит он, как дышит зал,
То лучше бы сидел он дома
И там Пелевина читал.
Не надо было лезть на сцену
И быть актёром – ни к чему.
Завысил малость себе цену.
Уж лучше бы читал «Муму».

Я не могу играть Отелло,
Когда во мне он не живёт.
И Яго есть во мне, и смело
Во мне живёт и Идиот,
И Лир во мне, и Дядя Ваня,
Тартюф, и Сатин, и Актёр,
А если нет во мне их граней,
Какой же я тогда актёр.
А лицедеем быть не лестно,
Быть им – уж лучше и не быть,
В Искусстве требуется честность,
Искусству надобно служить.
Да, не себе, да, да, Искусству –
Оно не терпит суэты,
Искусство без Служенья пусто,
Как жизнь пуста без Красоты.
Поэт сказал однажды нам:
«Прекрасное должно быть величаво»
Чтобы твой голос разносился по сердцам,
И чтобы заслужить людское «Браво!»,
Собой играй, в твоих ролях ты сам.

Свои портреты я развесил на стене,
Чтоб к жизни прошлой приобщиться,
Поскольку я уже отменно стар, то мне
Не верится – мои ли это лица.
Я что-то их не помню, позабыл,
Но раз висят они, то значит были –

То было так давно, ешё я молод был,
А значит, и они меня забыли.
Меня омолодить им не под силу,
Я тоже не могу их оживить,
Хоть я забыл их, но они мне милы –
Не порвалась, как видно, связь нить.
Я в них вперяю глаз и вижу
Мои черты лица. То я, или не я?
Я, к сожалению, не бывал в Париже –
На фото, вроде бы, знакомые края.
Портреты вопиют: «Не худо б вспомнить,
В нас был твой рок, судьба и жизни путь,
Ты должен нас узнать и ночью тёмной,
В нас был твой смысл, твоя была в нас суть.
Без нас тебя бы не было в помине,
Будь благодарен нам, пока ты жив,
Как мы тебя благодарим доныне.
То обоюдной благодарности порыв».

Театр – жизни! Кто спорить с этим будет?
И жизнь – театр, как утверждал поэт.
А значит роли – это просто люди,
А люди – роли. Тут сомнений нет.
На сцене я играл людей, не роли,
И в жизни роли не умел играть:
Играя роль, не ощущаешь боли,
А человек не может не страдать.
Страданье... боль... Зачем идти на сцену,
Переживать эмоции людей,
Сегодня одного, потом на смену
Другой врывается трагедией своей,
Потом и третий, пятый и десятый,
И каждый хочет чувствовать тобой,
А ты один, как Иисус распятый,
В глазах страданье, в сердце стон и вой.
Актёрская судьба – судьба десятков,
Нет, сотен, тысяч – все переживи,
Вскопай канавы, увлажнни все грядки,
И пусть они живут в твоей крови.
Тогда зовись Актёром. А без боли,
Без крови нервов только труп живой.
Страдая жизнями других, пусть в роли,
Всегда расплачиваешься сам собой.
Своих ролей-людей не помню ныне –
Кто мною был, когда я ими был,
Они во мне, я в них, я полон ими.

А кто я сам? Не ведаю. Забыл.

Когда читаю я друзьям свои стихи,

Я вовсе не мечтаю об оценке,
Которую мне выставляют за них,
Меня волнует есть ли сцепка

Моих раздумий и моих фантазий
Сомнениями и чувствами друзей,
Насколько то, что я читаю, дразнит,
Я вижу по движенью губ, бровей.

Когда же лица холодно-спокойны,
Глаза и руки каменно-мертвы,
Тот для стихов моих вполне покойник,
Воды пониже, тише и травы.

Но и меня он тупо заражает
Холодным невниманием к моим, *pardonе*,
трудам,

Стихи читать желанье тает:
Он только телом тут, а духом там.
Или вообще воспринимать не может
Стихи – плевать на смысл и на стиль.

Что стоит дёшево, а что дороже...

А остальное для него утиль.

Но если вызвал чтением своим я интерес,
Увижу сразу это я по виду,
Читал бы без конца и со страниц не слез,
Оценку не приму любую за обиду.

Не пил и не бывал я пьяным,

Я не курил и цвет лица сберёг,
Я так же не играл на фортепьянах
И голоса, чтоб петь, мне не дал бог.

Так я и прожил жизнь, страдая,
Что я не пил, не пел и не курил,
Страдал, что на рояле не играя,
Я музыку свою не сочинил.

Вот сказывают: всякое спиртное
Вредит сознанию, когда ты пьян.
Всё может быть. Однако, я не скрою:
Коньяк нам для сближенья дан.

И сигарета в мирном разговоре
Способствует движению ума,
С ней легче быть в товарищеском споре
И легче привлекать прелестных дам.

А если сесть к тому ж ещё к роялю

Сыграть не«Чижика»,шопеновский прелюд,
Чего, конечно, от тебя не ждали,
Ты Бог, ты Царь, к тебе уже все льнут.

Ты будешь первым парнем на деревне,
Ты кайфа нахватаешься с лихвой,
С роялем и спиртным не будешь средним,
А только первым и никто иной.
Но я не пил и не бывал я пьяным,
Я не курил и цвет лица сберёг,
Я так же не играл на фортепьянах,
И голоса, чтоб петь, мне не дал бог.

Интересуются – какую роль свою

Вы более всего любили.
Я прямо отвечаю, не таю:
Ту, что я не сыграл, хоть были
Желание, готовность, и настрой,
Я помышлял давно об этой роли,
Не раз, не два, не три, порой
Играл её уже в себе, но не на поле.
Не привелось забить желанный гол,
Или хотя бы заслонить ворота тенью.
Несыгранные роли – мой футбол,
Но только не на поле, а на сцене.

Я задаюсь вопросом: почему

Мне не милы те, жаждущие смеха,
И развлечения пустого, и потехи,
Что бесполезны сердцу и уму
И не приносят в нищую суму
Ни денег, ни здоровья, ни успеха.
Когда я говорю – suma нища,
В виду я не имею счёта в банке,
Я думаю: в грудном остался ранге
Дурак, стареть уже начав.
Мне дети нравятся наивностью своей,
Свою милотой и простотою,
Но эти, что детишек повзрослей,
Умом оставшиеся в детстве, как в застое,
Не нравятся, стократно мне милей
Не те, которые детей глупей,
А те, что многих знаний удостоен.
Они смеются, когда истинно смешно,
И плачут тоже, когда горе видят,

И пьют для удовольствия вино,
А не затем, чтоб друга не обидеть,
Потом от нечая делать зубы выбить
Подруге или другу – всё равно.
Вот размышлять для них – тяжёлая работа,
По жеребачки ржать – им кайф,
Животный смех – их первая забота
И смысл жизни, по английски ЛАЙФ

Поэзия не может быть всеядной-
Кому-то Пушкин, а кому-то Фет,
Другому хочется поэзии невнятной,
Ну, скажем, хлебниковский разгадать
секрет.
Кто любит Вознесенского, кто Блока,
Тот – Маяковского, но есть и Пастернак,
Есть разные ручьи в Поэзии потоке;
Но есть и проза разная: Бальзак,
Флобер, Толстой, Хэм, Достоевский, Гоголь...
Да разве можно всех их перечесть,
Никто не защищён симпатьей Бога,
К тому же не каждый отдал Богу честь.
И тот, кто предпочёл великого поэта
Другому, выбрав идеал,
Не остаётся без желанного ответа,
И получает тот, который ждал.
И всё же... меняются года и настроенья,
Сегодня мило это, завтра то,
И возникают тысячи сомнений,
А литераторов хороших, дай бог, сто.
Однако, мы всегда того находим,
Который нужен нам на этот час,
Он лучше всех тогда, он нам угоден,
Он вместе с нами, он за нас.

Хочу на разные писать я темы,
Да чувствую, что повторяюсь часто,
А может быть, все жизни теоремы
В нас страстно повторяются и властно.
Одни волнуют, до других нет дела
Сегодня, завтра же наоборот.
Когда взволнован, пишешь смело,
А нет, водой наполнен рот.
Есть темы, что особенно волнуют,

И хочется кричать о них,
В сосудах крови чувствуя волну я,
И в тот же час рождается мой стих.
Он сам рождается и на меня не смотрит,
А я записываю, писарь и слуга
Он надо мною командиром ротным,
Приказывает, я ж его рука.
И служба не легка. Мучительно и сложно
Писать всё то, что произносит он,
Тут голову сложить, конечно, можно,
Рука дрожит, из глотки рвётся стон.
То в ритм не попадёшь, то в рифму,
То мысль не льётся – как не застонать,
То сам не веришь созданному мифу,
То верные слова не ведаешь, где взять.
Вот и сидишь болванчиком на стуле,
Потеешь или стынешь в адских муках,
Бездарность же показывает дули,
Лишают тебя речи, да и слуха.
Тогда совсем конец стихов мычанью,
И ротный твой уже замолк,
молчит, как столб.
Отчаянье в башке, а на губах молчанье,
Стих погребён – его забили в гроб.
И вдруг... пронёсся ветром лёгкий
примитив,
Не родился к нему ещё мотив,
Но ты уж слышишь ротного в себе,
Его приказы уж звучат в тебе,
Ты Пименом – к столу, движением руки
Уже записываешь новые стихи.
(К сожалению, на ... старые темы).

Обидно сознавать, что стар ты нынче,
Пожух, засох, как вялая трава,
Что велик не востребован, не кличет
Тебя «Мачо» досужая молва.
Красавицы, что прежде волновали,
И сами волновались пред тобой,
Проходят мимо холоднее стали,
Тебя не соблазняя красотой.
Всё. Занавес опущен. Пятый акт
Отыгран. А шестого нету.
Уж даже не пленил тебя чудесный смак
Свежеподжаренной котлеты.

А голова жива, и руки не дрожат
В отличие от ног, бредущих по ступеням.
И даже музыки нежнейший лад
Уж не бросает в дивный жар волнений.
Обед сварить, иль в магазин сходить –
Отчаянно тяжёлая работа.
А мыться в душе...легче грязным быть –
В подъёмы рук отпущена мне квота.
И это жизнь?! Мученье и тоска.
Кому нужна она, кому необходима!
Остановился танк. И хоть броня крепка,
Но лишь на вид. Как выгоревший снимок.

А первым быть совсем неплохо
В деревне, в городе, в стране,
Совсем неплохо первым сдохнуть,
Чем помирать друзей поздней,
Переносить смертей страданья,
Когда друзья уходят прочь,
Уходят навсегда в изгнанье
Кто в светлый день, кто в тёмну ночь,
А ты коптишь ёщё лазурь,
И смерть друзей переживаешь,
Стихами заполняешь дурь,
Ёщё и прозу сочиняешь.
Нет. Первым надо уходить.
Во всяком случае, не последним.
Пускай приходят проводить
Тебя друзья, чтобы пролить
Слезинку в темноте передней.

Мной сочинённое я перечитывать люблю
Вновь прошлое своё переживаю
Приятно видеть, стоя на краю,
Чем жил, кого любил, что думал жизнь
свою,
О чём мечтал и больше не мечтаю.
Когда надежды нет, тем более мечты,
Особенно приятно вспомнить эти
Забытые дороги и мосты,
Полёт раздумий полных красоты,
Фантазий молодости золотые клети.
Каков итог? Не сочинений – мой.
Чем заслужил я право возгордиться?

Ни творчеством своим и ни женой
И ни актёрскою своей судьбой...
Я не могу. Ничтожные страницы.
И всё ж, когда я вижу сыновей,
Больших, красивых, умных, устремлённых
Куда-то в будущее, далеко, своей
Считаю я заслугой всё сильней.
Они – мой памятник нерукотворный.

«За Сталина!» я не кричал ни разу,
Как не кричу «За Эрец Израэл!»,
И убивая конформистскую в себе заразу,
Что разрослась в народе метастазой,
Я понимал, что никакая фраза
Не стоит ничего – и я орать не смел.
Когда я вижу тех, кто воздух сотрясает
Словами громкими, я знаю цену им,
Я помню лозунги на Первомае,
И на 7-ое ноября, как их провозглашают,
Показывая свой ура-патриотизм.
Я не кричал. Я не ходил с толпою,
За что меня считали не своим,
Я просто оставался сам собою,
Не клал ни на лицо, ни на душу я грим.
Я, может быть, не прав был, отковавшись
От общей массы, всё же был я горд
И не желал в угоду лжи меняться вовсе,
По правде говоря, не позволяла совесть
Раскрыть для лозунгов фальшивых рот.
А все орали, пели и плясали,
Кричали «нужные» и «важные» слова,
Веселием себя загромождали,
Самых себя азартно потешали,
И не одна... летела голова
Тех «патриотов», что орали песни,
На демонстрациях, попойках и гульбе...
Они не помышляли о протесте
И из «америк» не слыхали вести,
И даже верили, что счастливы в судьбе.
Но их, как и других, настигла злая участь.
Иных давно уж нет, а я ещё дышу.
Наверно, спас меня счастливый случай,
Или какая-то природная везучесть...
Но конформизма я не выношу!

Вот парадокс: мы созданы. Чтоб жить
И умирать нам вовсе неохота.
И даже в старости не можем не любить.
И не хотеть высокого полёта.
Все те же чувства и желанья в нас живут,
Что жили прежде в молодости давней,
Но старости положенный статут
Не позволяет лезть нам в те же сани.
А если бы и наплевали мы
На сей статут... Что он нам жизнь диктует!
Близёхонько уже мы к царству тьмы –
И уж пришла пора нам не мечтать впустую.
Уж нету сил желаньям вопреки,
Желаний многих уже тоже нету...
Театр заменили мне стихи,
Я в них теперь ищу вопросы и ответы.
Прекрасное Искусство высоко,
Театр для меня Искусством был высоким,
Хоть графоманство от Искусства далеко,
Но прислоняется к нему, пусть даже боком
Я не могу себя заставить не писать
Хотя бы плохоньких рифмосплетений –
Я продолжаю, как бы, в них играть,
Конечно, на бумаге, не на сцене.
Жизнь пронеслась моя в высокой красоте,
Я к ней привык. Привычек не меняю.
Хочу оставаться я на той же высоте,
И до конца я эту роль играю.
Да, до конца... пока дышу,
Пока под рёбрами колышется и бьётся,
Пока ещё я буквы вывожу,
И молодость над дряхлостью смеётся.

Ну, что за чёрт! Встаю – здоров,
Глядь, чрез коротенько время
Здоровья нет уже, и вновь
Несу я незддоровья бремя.
В глазах туман и полутьма,
На теле пот, а в теле пекло,
Затем озноб... Вот кутерьма!
И кровь ушла, лицо поблекло.
Боюсь сознанье потерять,
И волю напрягаю смело,
И всё ж его теряю... Глядь...
Вдруг... в голове уж просветлело.

Но слабость, слабость у меня,
И в теле и в ногах нет силы.
Такое часто среди дня
Со мной бывает – видно, стиль мой
Теперь таков, что делать тут.
Но я не жалуюсь, не плачу.
Я брал и не один редут,
А ныне я готов на сдачу.

ВСЁ! Не помню детства своего!
Я и юности своей не помню!
Может, Питер мой не тёк Невой...
Может, Карповка не разносилась вонью...
Может, Каменноостровский не был прям...
Может, площадь Льва Толстого не сияла...
Может, с лыж не приступал к конькам...
Может, увлечений было мало...
Волейбол, шах с матом, драмкружок,
«Сцена у фонтана» - Самозванец,
Велик, книги, а наискосок
Кинозал «ЭЛИТ» - кино и танец.
Увлекался всем и успевал
И учиться и ходить в театры –
Всё в себя с охотою вбирал,
Всем, что есть, себя обогащал,
Но признаюсь, ненавидел карты.
Всё ж не помню детства своего,
Да и юности своей не помню...
Видно, Питер мой не тёк Невой,
Да и Карповка не разносилась вонью.
Что-то происходит с головой:
То младая дева мне приснится...
То и я ешё совсем младой –
Старость в моё детство обратится...
То за школьной партой я седой...
То я Лира в шортиках играю...
То Ромео с иудейской бородой...
То, как Маугли, живу в звериной стае...
А ещё бывает, что меня
Дева молодая лобызает...
И горю, бывает, без огня...
А бывает, лёд при минус 40 тает...
Всё это я вижу, как во сне,
Вроде и не сплю... Ах! Нету Фрейда,
Он бы разъяснил понятно мне.

Есть ли смысл у эдакого бреда.
Может, я уже и не живу,
Лишь душа фантазии рождает?
Ерунда! Я вижу наяву
Женщин соблазнительных, листву,
Неба наблюдаю синеву,
Слышу, как собаки лают.
Отчего же в голове моей
Памяти совсем не сохранилось,
Будто нет ни глаз и ни ушей,
Лишь болячки воздают мне милость,
Да и ждут... Чего? Легко понять,
Я-то лично это понимаю:
Предлагает мне земля кровать,
Где собачьего не слышино лаю,
Где я не увижу ясных звёзд,
Не узнаю, сухо там, иль сырьо,
Где мороз не будет мне мороз,
Где я хлеб не отличу от сыра.
Вот и вся теория страстей,
Вот истина всего живого,
Вот тебе и смысл науки всей,
И сие давно ни для кого не ново!

Как часто мы не те, кем мы хотим
казаться,
И уж совсем не те, кем хочется нам быть.
Толстухе хочется предстать пред всеми
грацией,
Худой мечтает выглядеть здоровяком на
вид,
Скупой не хочет выглядеть скупым,
Ему казаться щедрым хочется,
Дурак, конечно же, не хочет слить тупым –
Очки напяливает он на переносицу;
Злодей пленяет всех кричащей добротой,
Нахал и хам воспитанностью блещут,
А грешница покрыта девственной фатой,
Сияют новизной гнилые вещи.
И только истина не хочет украшаться –
Коль есть она, не нужно ей казаться!

Когда бы юность зрелостью питалась,
Когда бы старость юностью снабжалась,

То совершались бы благие чудеса,
И люди покоряли бы небеса.
Но как соединить два этих свойства,
Когда десятилетия меж них?
Как страсть юного упорства
Заправить в зрелости седой парик?
О, если бы молодая кровь бурлила
В усталом теле старика...
О, если бы опытная сила
И в юности была бы велика...
Тогда бы, Мир, ты был прекрасен,
И я бы был с тобой, наверное,
во всём, всегда, согласен.

Для себя, не для кого-то
Я строчу свои стихи,
У меня одна забота:
Как бы время провести.
Пару строк напишешь с точкой –
Пронеслась чреда минут,
Ну, а если восемь строчек –
Тут и времени капут.
Всё же лучше, чем не делать
Ровным счётом ничего,
Ручкой на бумаге белой
Выводить своё тавро.
Не для чтенья стихолюбов,
А для ящиков стола
Я рифмую слишком грубо –
Мне бы рифмочка была.
С рифмою слова прекрасней
Как бы не были пусты...
Вон Крылов, он даже в баснях
Рифм выстраивал мосты.
Видно, тоже тратил время
От безделья и от скуч,
Темою стреляя в темя,
Рифмою стреляя в слух.
Мог бы он писать без рифмы?
Мог! Однако, не хотел.
Время убивал на рифы,
Кои обходить умел.
Так что время рифмоплётства
Организму не во вред,
Если ж мысль в стихах прорвётся,

Славно будет. Если ж – нет...
На бумаге будет след.

Я не могу без ручки, без пера
Прожить полдня и даже меньше.
Не оттого, что Иерохам дыра,
Не потому, что нет любви и женщин.
Так что ж тогда меня влечёт к перу,
Иль ручке – называйте, как хотите?
Не потому, что я залез в дыру,
Или, что с истиной порвал я нити.
Что истинно? У всех своё оно:
Кому – обед, кому-то развлеченье,
Для многих это бабы и веселье,
Наркотики, богатство и вино.
А мне – Театр, Искусство, Вдохновенье!
Коль нету этого всего, взамен ему,
За неимением прекрасных впечатлений,
Я предаюсь чернилам и письму.
Вот и строчу. О чём? О чём попало,
Лишь время как-нибудь и чем-нибудь
занять,
И мною настрочённое лежало
В столе, чтоб никогда бы не читать,
Его тем боле – никому не показать.

Где вы еврейские приметы
В еврейском доме царства моего?!
Мацы не ем, свиные ем котлеты,
И кипы нет на мне, и не найдёшь цицот.
Я даже семисвечник сбыл кому-то,
(А может, не семи, а девяти?)
Я знаю, это не умно, а глупо,
Но к иудеям не могу себя я отнести.
Вот русский сын мой, да, он иудей:
Гиюр, кипа, обычай, молитвы,
По всем приметам набожный еврей,
За веру в Бога он готов на битвы.
Да только не с кем ему в Эрец воевать,
Тут все за Бога. Разве что со мною...
Но я не спорю с ним, готов признать
Любую веру увлекательной игрою.
Любая вера – только лишь игра,
Сегодня вера в бога, завтра – в чудо,

Сегодня у меня счастливая пора,
А завтра невезение повсюду.
Ведь человек меняется в игре –
То карты, то биллиард, то кости,
Сегодня весело играет на трубе,
Бросает завтра прочь трубу со злостью
Я сам всю жизнь играл по мере сил
Но только на Театре, а не в жизни,
Я тоже верил в свои роли, их любил,
Особенно полезные Отчизне.
Россию, сердцу милую всегда,
Советскую, иль царскую – любую
Люблю. Прекрасные случались там года
И не прекрасные. Поднимем Одиснью.
Еврей по предкам, я России сын,
Еврейские обычья мне не любы,
Я тут в Израиле по горло ими сыт,
Не для меня их звучно славят трубы.
Я не при чём, жизнь у меня своя,
Как жил всю жизнь, так и уйду из жизни,
Мне Русь, Россия – Вечный мой маяк,
Моя свеча, горящая на тризне.
Ничего мне плохого евреи не сделали.
Ничего. Даже наоборот кое в чём.
Может быть, что когда-то роднились мы
дедами,
Но ведь деды когда-то, а я-то потом.
Я-то вырос иначе, в другую эпоху,
И про те времена ничего не слыхал,
И в себя не вживлю их ни ахом ни вздохом,
То не мой, то был предков моих карнавал.
Вовсе я не горжусь, что остался я тем же,
Кем когда-то я был, тем что есть и сейчас,
Я живу русской болью и русской надеждой,
Отживающий старость седой дикобраз.

Всё, что пишу, пишу я о себе,
Люблю и ненавижу – о себе,
И равнодушен – тоже о себе,
Из жизни факты – ясно, о себе.
О чём ещё писать совсем не знаю.
Я жизнь вокруг пытливо наблюдаю,
Её через себя я пропускаю,
И ей я рад и ею я страдаю.
«Стиль – это человек», сказал Бюфон.

Не знаю я, каков мой стиль, но он –
По сути я, по форме я: мой тон, мой стон,
Мой смех, мой грех, мой взгляд на жизнь,
.pardone.

И если строки слов моих плохи,
То не ругайте вы мои стихи,
Меня ругайте, значит, я плохой,
Что ж тут поделать, коли я такой.
Стихосложенью я не обучался,
Я изучал другое ремесло,
В другом достаточно высоко я забрался,
В другом меня в другие сферы занесло.
Оттуда неприятно было падать,
Однако, я упал, лежу и не встаю,
Смирился и привык, и даже радость,
Я над собой смеясь, себе дарю.

Вслед за Роденом восклицаю страстно:

Не украшайте красоту – она прекрасна!
Читать свои стихи легко и трудно.
Легко – они твои, ты знаешь их.
И трудно – потому что в них подспудно
Содержится всё то, что от тебя сокрыл
твой стих.

Когда свои стихи читает Евтушенко,
Себя, любимого несёт он напоказ,
Он интонациями ударяет в стенку,
Они несутся в стенку мимо нас.
Любуется своим он артистизмом,
Играет голосом, движениями рук,
Слова мы слышим через жестов призму...
При чём же тут стихи – в ушах лишь звук.
Отличные стихи, я их хочу услышать,
Их слушать, понимать и приходить

в восторг.

Не надо интонировать стихи излишне,
Жестикулировать, нести товар на торг.
Иль Вознесенский... тот стихи читает,
Ах, извините, не читает он,
Он исполнитель, он их исполняет:
То крик, то хрип, то шёпот, даже стон,
А то и замолчит – ему нужна тут пауза,
В молчанье том не слышится стиха.
Я жду – освободится ль он от спазма,
Чтоб стих, не пауза, зазвучал в устах.

Я не терплю излишних модуляций
Ни в разговорной речи, ни в стихах,
Поэзии не надо спекуляций,
Она Поэзия, а не товар в торгах.
Собой не надо украшать предметы,
Когда в самой их сути Красота,
От украшательства они лишь терпят беды,
Не суeta нужна им, нагота.
Когда собор я вижу барселонский,
Я восторгаюсь им, я покорён,
Он впечатляет глаз так броско,
Что любоваться бы, а не молиться в нём.
А церковка на Нерли наготою
Меня приводит в трепет чистоты,
В неё вхожу с молитвой и мольбою,
Сжигая за собой порочные хвости.
Нагая. Чистая. По сути и по форме,
Она примером быть должна всему во всём,
Так как несёт собой и вкус и норму...
Поэт! Ты следуй вслед за ней
и сердцем и умом!

Вместо рецензии

Талантливый актёр играет плоско, глупо,
И чем талантливей, тем плосче и глупей:
Изображать великого Поэта так преступно
По отношению к Культуре русской всей.
Есенин пил. А Лермонтов был мал.
Был Пушкин невелик и цветом рыж.
А Блок до женщин падок и удал.
У Маяковского вскочил на шее прыщ.
Некрасов с бородой был. Гоголь с носом.
А Горький басом пел и был сутул.
Толстой ходил босой и был нечёсан.
И Достоевский как-то в обществе зевнул.
О литераторах великих только это...
Уж лучше ничего не говорить.
Есенина, великого поэта
Нам есть ещё за что благодарить.
И Лермонтова, Пушкина, и Блока
За гениальную Поэзию мы чтим,
Я не хочу копаться в их пороках –
Не затмевает солнца серый дым.
А то, что пил один, другой высок был,
Был третий низок, а четвёртый скуп,

Пусть треплется лишь тот,
 кто в сплетнях ловок,
Зато к Поэзии он глух, а сам ещё и туп.

Скучает деревце в пустыне
Среди песков и пустоты,
И листья на ветвях печально стынут...
Мой взгляд на деревце застыл.
 И почему-то разыгрались думы
Об одиночестве дерев... в садах,
Они стоят, шумя ветрами шумно,
Скрывая страх.
Страх перед сушью зноя без дождей,
Который даже корни сушит,
И в ожиданье о дожде вестей
Страх их не услыхать сквозь листьев уши.
 О, страхи! Страхи всюду и везде,
Они всегда при нас и нас не оставляют
Ни в радости, ни в горе и в беде
И каркают вороньей стаей.
И в одиночестве, и в суете земной,
В работе, в доме и в пути- дороге,
Всегда ты сними и они с тобой –
Не сбросишь их, как туфли на пороге.
Страх перед смертью, перед жизнью страх,
Страх пред людьми и страх перед погодой,
От страхов быть самим собой заchaх
Дух человечий – царь природы.
Какие же от вечных страхов мы уроды!
О, человек, будь верен сам себе!
Собою будь и в радости и в горе!
Отбрось все страхи в жизненной борьбе
И голосом своим... своим пой в хоре,
Тогда ты Счастье обретёшь в судьбе.

Мне почему-то очень хочется
Сказать России: я живой!
Хоть нету у меня в Израиле отчества,
Но имя есть, я с ним, оно со мной.
Я спрятался от вас в далёкой глухомани,
В которую ногою не ступал,
И затерялся в марокканском стане
Под зов еврейских зазывал.
Роль личности я больше не играю,

Такая миссия уж мне не по плечу,
И правил местных я не соблюдаю:
Свинину ем и никогда – мацу.
Другие особи, другие интересы
(есть комары, но есть и воробыи),
Они все чёрные, а мы почти белесы,
Но все мы дети нашенской земли.
Занято как-то: несмотря что дети
Одной мы матери, что Евою была,
Зовут нас русскими на этом свете,
Их – марокканцами история назвала.
А есть ещё испанцы, итальянцы,
Французы, англичане, латыши...
И, чёрт возьми, нет никакого шанса
Браждебности друг к другу нас лишить.
По-моему Бог наошибся вволю,
Что создал он народы разных стран,
За это бы ему на череп голый
Тавром железным высечь бы Коран,
И Библию, и все другие Веры,
Чтоб их объединить, а Богу повелеть
Избавить человека от холеры,
Бражды и войн, и Дружбою согреть.
Утопия? Мечты? О, да, конечно...
И всё ж мечта имеет право жить!
Так человечество решает безуспешно
Вопрос неразрешимый: Быть? Не Быть?

Уют. Комфорт. Покой. И тишина.
Красиво. Хорошо. Удобно. Мило
И чистота, как снега белизна...
В восторге сердце у меня застыло.
Готов я любоваться день и ночь
Сияньем чистоты, удобством спален,
И я в красотости совсем не прочь
Покоем насладиться, но бездарен,
Ленив и безразличен я к тому,
Что для себя, что служит мне в угоду.
Я знаю, что не все меня поймут –
И в их в глазах я выгляжу уродом.
Но я не этим жив, на это мне плевать,
Я даже думаю, что кайф мешает счастью
Работать, думать, жить, творить, играть,
Страдать и создавать, и принимать участие

В судьбе людей, в любви и полноте
Отдачи чувств своих, переживаний,
Знакомств, свиданий, пламенной мечте
И бурной радости страданий.

За что я женщину свою люблю?

За то, наверное, что она моя:
Глаза её мои – я их люблю,
Уста её мои – я их люблю,
И мысли и слова – я их люблю,
И нервы и душа – и их люблю.
Моя она, моя и более ничья!
Когда же не моё, чужое существо,
Прекрасной пусть, но женщины другой –
И губы не мои,
И руки не мои,
И думы не мои,
И чувства не мои –
Любви к ней не приемлю волшебство,
И занят лишь игрой, одной игрой.

Гимн простате

Мы черпаем все темы из себя,
Когда мы ими хоть чуть-чуть богаты.
А если нету тем, то нет меня,
А впрочем, тема есть – моя простата.
Простата, ты любимый лейтмотив
Всех стариков, познавших жизнь когда-то,
Старик, быть может, всё ещё игрив,
Но...мочится он трудно сквозь простату.
Исчезли мысли, интерес исчез,
Дороги до сортира сложноваты,
На унитазик голым задом влез
И...мочится тоскливо сквозь простату.
Горазд ещё вперять в девиц глаза,
Которые давно подслеповаты,
А раньше был большая егоза,
Теперь не егозит из-за простаты.
Политику он судит свысока,
Я бы сказал, что даже нагловато,
Ведь в ней не разбираясь ни черта,
Он судит не башкою, а...простатой.
Простата, верная моя простата,
Я горд тобою, я в тебя влюблён,
Люблю как мать, сестру, как брата,
Тобою я навеки покорён.

Я не желаю рыться в тех причинах,
Которые мне не дают здоровым быть –
Они во мне, со мной, и их не минет
Никто в годах, что я сумел прожить.

«Лечитесь, отдыхайте, не волнуйтесь»,
Заботливо советуют друзья.
Советчики...да это же по сути
Лечь в гроб до смерти. Протестую я!
Жалеть себя, кряхтеть, в постели лёжа,
И не утратить своего лица?!

Такая жизнь по-моему похожа

На радость трупа, т.е. мертвеца.

А я ещё живой, ещё и сердце бьётся,
И мозг, и нервы кровью снабжены,
Готов ещё за каждый день бороться,
А не глядеть на всё со стороны.
Хочу ещё переживать событья,
Участвовать, влиять на них и быть
Средь жизни и людей. Открыться
Не только наблюдать, но их творить
За гранью сил и до конца дыханья.
К чертам покой, покой придёт к нам сам,
Когда нас вечный отдых на закланье
Преподнесёт неведомым Богам.

Любимая! Я на тебя обиды не таю,
А на меня таить её даю тебе я право.
Ты сотни лет давала мне приют,
Моё тебе за то, родная, браво.
Я виноват и от тебя не жду
Я благодарности за все мои деяния,
Не мог я ими, жалкими, нужду
Твою преодолеть и победить страданья.
А кто сумел? Твардовский? Блок?
Кто? Товстоногов? «Современник»?
Но ты жива и каждый новый срок
Тебя возносит вверх и в каждое мгновенье.
Мне жаль, я не увижу твой полёт,
Но ты тут не причём, ты тут не виновата,
Я виноват один: годами мой расчёт
По дням, по старости, по уходящим датам.

Сначала сантиметр, потом и полтора,
Затем и метр проползти не трудно,
А далее сто метров и...гора

Уже не явится препятствием и чудом.
Вздымасться вверх, взлетать на высоту –
Все члены наполняются, мощнеют,
Оттуда видеть мира красоту
И этой красотой вокруг всё мерить.
О, высота! О, апогей! Зенит!
Вершина мира, духа и сознанья!
Мажор и торжество в душе звенит
И нету даже искры увяданья.
А дальше спуск с горы – легко идти,
Но тяжелеют с каждым шагом ноги,
И ты хотя находишься в пути,
Однако же идущей вниз дороги.
Мажор и торжество приглушены,
Фанфары не бодрят походным маршем,
Желания сомненьями полны,
И от сомнений делается страшно.
Тяжёлый шаг к подножию – всё вниз,
Всё вниз тебя уносит тяжесть тела,
Себе ты говоришь: «Держись!», «Крепись!»
Но говоришь уже не смело.
А дальше пустота, желаний уже нет,
Хотя спускаясь не упал ни разу,
Но всё ж темнеет белый свет
И скоро он не будет виден глазу.

Его ранимость всем была видна,
Плюс беззащитность от людских нападок,
И не могли скрыть черты его лица,
Как из-за этого он сам себе был гадок.
Он не сердился на обидчиков, о, нет,
На их слова обидные не злился,
Страдал, что не умел сказать в ответ
Обидчику, чтоб тот угомонился.
Однако шёл дорогою своей
Вперёд через обиды и страданья,
Через бессонницы и боль ночей,
Через раненья и переживанья.
Стараясь не показывать обид,
Коль сам в ответ не наносил уколы,
Пытался быть счастливым хоть на вид,
Но был не убедительным в сей роли.
Но время шло, и обошёл он всех
В профессии, да и по положению,
Все стали признавать его успех
И заливаться в льстивом песнопенье,

Хвала и славя, даже если он
Бывал отнюдь не совершенен.
Он презирал фальшивый перезвон,
Ему он цену знал. И снова был растерян:
Как прежде слов в ответ не находил,
Боясь льстца обидеть резким словом,
И вновь ругал себя за то, что был
Не только скромным, но и бестолковым.

Все говорят кругом, что небожитель я,
Что я не вижу под ногами грязи.
Неправда. Ложь. Я сам себе судья.
Я просто не желаю в грязь ту влезить.
Я вижу, знаю и уверен есть
На свете грязь и мерзость, и подонство,
Но хочется мне громко произнести:
Друзья, вы что не видите, как солнце
Нас заливает и поит теплом,
Как дождь смывает пыль и нечистоты,
Как в мире борется Добро со Злом,
Как лезут в горы и летят в полёты.
Зло будет вечно, зла не одолеть,
Но злу не надо поддаваться,
Ему поддаться означает смерть,
А смерть и так придёт, за ней не стоит гнаться
И если правда – небожитель я,
То этим я горжусь и этим я доволен!
В грязи купаться, эту грязь любя,
Или взлетать в надзвёздные края...
Маршрут свой каждый выбрать волен.

Не нравятся мне те, кто ищет и находит
Порок не у себя, а у людей других,
И рады, что сравнялись с ними вроде,
А может даже, стали выше их.
Людей я всяких видел у природы,
И очень многих знаю наизусть.
И убеждён: дистилированные воды
Невыносимо пресные на вкус.
Бог создал человека с недостатком,
По своему подобию причём,
Отсюда, даже Боже не был гладким –
Святое и земное было в нём.
С пороками мне интересны люди,
А со святыми не был я знаком,
И если скажут о каком-то чуде,

То это может быть иронией, иль сном.
Но если вслух замечу их пороки,
Ни лучше, ни умней не стану я,
Скорей наоборот. И будет мне уроком:
Пороки нужно видеть прежде у себя.
P.S. Порок лишь тот для глаз твоих заметен,
Который ты в себе скрываешь сам,
Но чтобы о тебе бы не было бы сплетен,
Его охотно ты присваиваешь нам

Не суетись отнять у века день –
Нет смысла в продолжение хожденья
По жизни чрез колоду или пень
Без сил и творческого вдохновенья.
Когда в активности себя не упрекнёшь,
Не упрекнёшь и в ясности мышленья,
Тогда и жизнь за ломанный за грош
Легко отдать без всякого сомненья.
Уйти в ничто, оставить этот мир,
И без тебя сей мир пребудет вечно,
В нём будут жить, и Виктор, и Яир,
Не думая, что жизнь так быстротечна.
А быстротечность видишь лишь тогда,
Когда перестаёт тревожить суeta.

Всё. Кончил спорить. Не желаю споров.
О чём? Да ни о чём. Я просто не хочу.
Но и тебя прошу умерить норов,
Попридержать словесную мочу.
Ведь споры меж людей рождают ссоры,
И очень трудно не поддаться им,
А если ссоры, значит, будут споры,
И мы тогда вражду не укратим.
Пусть разные тревожат нас сомненья,
И мненья разные волнуют нас,
Сомненья, мненья, но не утвержденья
И не вражды – её задор угас.
Пусть мненья меж собою спорят, а не мы,
Мы же будем в споре мнений тех немы.

Уверен, равных нет среди людей,
И равенства быть никогда не может,
Один порядочный, другой злодей,
Одних бы надобно делить, других бы множить.
Нет равенства ни в мыслях, ни в словах,
Ни в силе, росте, весе, ни в фигуре,

Одних бы следовало осадить в правах,
Другим бы дать права творить и штиль, и бури.
Когда мы к равенству разумно подойдём,
Сумеем понимать что доброе, что злое,
Когда хорошее мы и в плохом найдём,
Когда энергию найдем в покое...
Тогда идею равенства, быть может, мы поймём,
Но равенства средь равных не найдём.

Я поисками света озабочен

Средь беспросветья тёмных тупиков.
Он есть! Он есть! Я это знаю точно,
Но спрятан он на тысячи замков.
Мне не по нраву темнота туманов,
Я должен видеть, чтобы утверждать,
Что правду не закрыть миллионами обманов,
Сквозь них её я буду добывать.
А если сдаться и в обман поверить,
Из тупиков не вылезешь на свет,
И будешь темноту шагами мерить,
Ища в кромешной правды след.
И не найдёшь – там нет его в помине.
Не уподобь себя безногой балерине.

Когда гнетёт меня тоска

И одиночество сминает,
Хочу я выпрямить свой стан,
А не ходить горбом играя.
Но как, но как его спрямить,
Когда нет сил на выпрямленье,
Когда не греет слово «жить»
Оно лишь терпит пораженье.
Беру я ручку и пишу,
Или страницы книг листаю,
А в голове пустотный шум
Среди извилин всех витает.
Я пуст, я глух, я нем, я слеп,
Как памятью забытый склеп.

Избавиться от ностальгической привычки

Читать свои стихи я не могу,
Я подбираю через них отмычки
К тому, что мне в себе не ясно самому.
Бывает, иногда я убеждаюсь,
Что я не так уж плох, не лыком шит –
Стихи мои звучат, переливаясь

Во мне, и откликаясь
На них, душа моя звенит.
Однако для себя, не для кого-то
Стихов произношу я монолог,
Слышится, я поражён их током
И слёзы не минуют щёк.
Но слёзы на щеках не означают дара,
Моя чувствительность лишь оттого, что стар я.

Я скопидом, и денег я не трачу,
Я щедр и денег не коплю...
И пусть кто хочет обо мне судачит,
Что пожелает, я стерплю.
И если кто-то скажет – вор я,
Или в обрат – я честный человек,
Неважно – для меня не будет горя,
Я не уйду в загул, или в забег.
Когда подумают, что я ничтожен,
Или велик, и это я приму,
Не стану я выхватывать из ножен
Ни шпагу, ни ругательства. К чему?
Я о себе всю правду знаю сам,
И предаюсь спокойно сладким снам.

Мне не пришлось сыграть Отелло,
О нём уже и не мечтаю я,
Мне до него сегодня нету дела,
А впрочем, и ему не до меня.
Над Лиром я сегодня размышляю...
О, как хотелось бы его мне наказать
За то, что самодурно злобою играя,
Дал право злу другим с собой играть.
Зло порождает зло, добро всегда под властью
Тех злых людей, что рождены тем злом.
Я переполнен самой доброй страстью –
Зло покарать и покорить добром.
Но я уже давно от сцены отстранён,
И потому мечта о Лире – жалкий звон.

Когда два игрока оспаривают приз,
И силы равные у них в запасе,
В борьбе у них не будет лёгкий бриз,
Или изящного порханья в вальсе.
Кому победу присуждать тогда,
Когда две равных силы на татами?
Кто в споре равных должен побеждать?

Пускай они решают это сами.
Как и в борьбе, в любви один сильней,
Любовью, иль характером, неважно –
Когда она над ним, иль он над ней,
Тогда нам за исход борьбы не страшно
Ведь в споре двух нельзя на равных быть,
Один обязан победить, иль уступить.

Мне говорят, чего писать не надо,
О чём молчать, что надобно сказать,
Кого любить, к кому крутиться задом,
А у кого мне стоит зад лизать,
И с кем дружить, а с кем и не общаться,
Зависеть от кого, кому бесстыдно льстить,
С кем водку пить, а с кем и не встречаться,
Пред кем держать фасон, а перед кем склонять.
Но я молчалинских советов не приемлю,
Меня настроил Грибоедов против них,
Такие только оскверняют землю.
Беда, но среди нас достаточно таких,
Способных торговать собой,
Еще и матерью родной.

Бояться смерти глупо и смешно,
Она прибудет рано, или поздно,
Когда прибыть ей, смерти, всё равно,
И как прибыть – то ль грозно, то ли слёзно.
Не убежиши, не спрячешься, она
Найдёт тебя, догонит, и заманит, –
Затянет наши веки пелена.
Ведь сказано и в Торе и в Коране:
Смерть – это вовсе даже не конец,
Смерть, говорится, жизнь веков во веки,
Она идёт, как дева под венец,
И как идут паломники до Мекки.
Я более скажу: смерть – избавленье
От бед, забот, от веры и сомненья.

Чем дольше человек живёт на свете,
Тем больше он не хочет уходить –
Цепляется за жизнь, как за игрушку дети,
Пудами он готов пилюли есть и пить.
Я задаюсь вопросом: почему
Мы так боимся остановки сердца,
Смерть от себя мы гоним, как чуму,
Она же, говорят, в мир божий дверца.

Особо старики боятся в мир иной
Уйти навек, хотя там Бог витает,
Бояться обрести покой,
Что с нетерпением в раю их ожидает.

Я глупым старикам хочу подать совет:
Старик, у молодых ищи ответ –
Они легко готовы жизнью рисковать,
И оттого им легче умирать.

Похоронив себя в пустыне Иерухамской,

Сменив проблемы и заботы на покой,
Закрывшись бородою, словно маской,
Он стал другой:

Стихи писал он и варил обеды,
Бросал и в телевизор глаз,
И сам с собою проводил беседы
На тему пробил, иль не пробил его час.
Но чёртовы привычки не уходят –
Он в книгах и в ролях нашёл подруг:
Стал тексты изучать, играть их, вроде,
Не просто тексты, даже роли вдруг.
С ума сошёл старик, не знает угомона.
Хотя давно уж сброшена корона,
Нет, он всё лезет на высокий трон,
Чтоб вновь на нём найти свой угомон.

Кто там изрёк, что ради добывать

Труднее, чем корпеть над рифмы сором?!

Поэт и ночью, лёгши спать в кровать,

Мучительно плетёт стихов узоры.

Они сопротивляются ему
И не сплетаются, не светятся, немые.
Никто не видит на яву поэта мук,
А муки эти словно ведьмы злые.
Когда приходится копаться в соре,
То это не вопрос о жизни-смерти, нет,
А так же поиск радия в растворе
Не заставляет захотеть покинуть свет.

А сочинять стихи, плести узоры
Из ритма, рифм и смысла фраз –
На грани жизни у поэта поры,
И замирает пульс подчас.
«Поэт в России больше, чем поэт»,
Сказал Поэт, Поэзию возвышая,
И тот, кто заявил, что это бред,
Не понимает, что профессия любая

Так не нужна народу и стране,
Как Творчество, Искусство и Культура,
И чтоб не плавать у прогресса в стороне
И экономике нужна Литература.
Литература. Творчество, Поэзия, Театр,
Нас делают и чище, и прекрасней:
Москва – Тверская, а Париж – Монмартр,
В Нью-Йорке же Бродвей и Хоффман Дастин,
И Лувр, Уффици, Прадо, Эрмитаж,
Эсхил и Пушкин, Еврипид и Гёте –
Вот главный человеческий багаж,
Вот будущего золотые ноты.
Вот, что пребудет у истории в веках
И скажется в грядущих поколеньях.
А остальное это просто прах,
Осевший у Истории на ступенях

Нет большей радости и нету горше мук,
Чем создавать Искусство.
Тут сразу и нахальство и испуг,
И пустота и сила чувства,
И страсть в тебе клокочет, рвётся вон,
Сомнения кипят в отчаянье,
То колокольный в сердце звон,
А то одно мычанье.
Страх и отвага, буря и пассив,
Огонь и лёд, смятение и вера,
Мотиву вслед идёт другой мотив,
Подчас потеряны и вкус и мера.
И в этом жизнь творца,
И в этом красота.
Волшебная, святая маята.

Зачем талантливые люди
Смех делают профессией своей?
Без предисловий и прелюдий
Мы ржаньем заменили лошадей.
Хохочем мы, в причины не вникая,
И жаждем надорвать живот,
Похожие на порослячью стаю,
Которую загнали в огород.
Есть детские игрушки-хохотушки,
Их заведёшь – из них полился смех,
И льётся без конца и передышки,
Пока не заразит он ржаньем всех.
И этот смех нас превращает в стадо

Вопрос: Зачем? Кому всё это надо?!

Творили мы кумирный мир,
Себя за винтики считая.
«Приди ко мне о, мой кумир!» -
И тут же появился Сталин.
Он был наш Царь и наш Герой,
Наш Бог, наш Идол, и Величье,
Он нас через тюремный строй
Повёл вперёд коммунистично.
Должны дрожать и трепетать
При имени его великому,
Готовые продать и мать
Перед его усатым ликом.
И не успели сбросить ниц
Его величье с пьедестала,
Подобных не увидали лица,
Мы плачем, что его не стало.
Ну, нет такого палача,
Чтоб головы рубил бы наши,
И в нетерпенье, сгоряча,
Искали тех, кто б был нам страшен.
Сперва один, потом другой,
И третий был, да и четвёртый...
И наконец... Израиль мой
Нас обвернул в свою обёртку.
Господь, Тора, Кошер и Страх...
Кумирам сим не подчиниться,
Рискуешь превратиться в прах,
Или иметь дела с полицией.
Нам Тора заменила Культ,
Мы из неё творим кумира,
Забывши, что бумаги куль
Мы превратили в символ мира.
Теперь кумиром Тора нам,
Она наш Культ, и повелитель.
Там мы служили партбогам,
Здесь Торовластная обитель.

Нас ветер бьёт отчаянно в лицо,
Течение нас сносит вместе с ветром,
Мы метр покрываем вслед за метром
И ближе к цели метров уж на сто.
Но бесконечны к цели километры,
Считать их значит веру потерять,
Что мы когда-нибудь проложим гать,

Не растеряв нам спущенные леты.
Идти вперёд, на ветер не смотря,
На бурю, на теченье рек навстречу,
Взлезать на горы, проплывать моря,
Беречь не ноги, душу от увечий,
Движенье к цели сохранит тебя,
Чтоб заявить: я прожил жизнь не зря.
Но если ты в пути остановился,
Движенье к цели хоть на время прекратил,
То зря идти ты начинал и бился
О камни так, что не осталось сил.
До цели никогда ты не дойдёшь,
А только от неё назад уйдёшь.

Передо мною Пушкин на столе
И Маяковского великие созданья,
Живу я с ними уже сотню лет
И нету для меня в них увяданья.
И пусть сейчас не модные они
Среди безвкусья, пошлости, модерна,
Но ты за это книги не вини –
Они не каждому доступны, верно.
А впрочем, и Донцова хороша,
Или подобная ей тётя-автор,
Да и пелевинская пустота
Нужна читателю, как лёгкий завтрак,
Что пред уходом на работу проглотил,
А съел-то что в тот час же и забыл.

В великую войну я дрался за Россию,
Дерусь я и сегодня за неё,
Что делать – я люблю её стихию,
Там было, есть и будет всё моё.
Теперь в другой стране, в стране еврейской
По-русски я живу, так как и раньше жил,
Я и сегодня человек рассейский,
Но только без российских крыл.
Не машется, не поднимают смело
Они меня на воздух и в полёт,
Конечно я не тот – отяжелело тело,
Но суть не в том: Израиль вброд
Могу перешагнуть – он мелок, да и пресен,
Не море, лужица, не замочить ноги,
В нём нет загадки, он неинтересен,
Он для меня, что всмятку сапоги.
Он где-то сзади, у меня в хвосте он,

Оглядываться лень, когда ты впереди,
Когда давно уж ты свернул налево,
А он болтается у века позади.

Не то Россия, всё в ней непонятно,
Её не разгадать и не постичь умом,
К ней надо относиться деликатно –
Она была и будет мой дурдом.

Я б жить хотел в России окаянной,
А где помру – мне это всё равно,
Пусть и в Израиле, стране карманной,
Могу в Японии в японском кимоне.

Я прожил жизнь свою, как россиянин,
Привык так жить и этим я горжусь.
России изменив, я сел в чужие сани,
Я и сегодня часть твоя, родная Русь.

Мы воспитанием не слишком-то сильны...

Но коль не так, как ты, воспитан человек,
Не переделывай его со стороны –
У каждого свой шаг, у всех свой бег.

Места, где люди разные росли,
Раскинуты по всей земле великой,
И матери, что рядом с нами шли,
Цвели в краях ухоженных и диких.

Не предъявляй претензий никому,
Перевоспитывать тем более не надо,
Что хорошо ему, то для тебя табу,
Что скверно для одних, другим услада.

Будь мудр: дай жить по-своему другим,
Свои понятия для себя побереги.

Какой я был к чертям артист,

Когда я изменил Искусству!

Ещё дышу, а сердце пусто
И в нём гуляет ветра свист.

Ну, хоть бы был я сионист,
Так нет – я не еврей, я русский,
По генам, может, я и чист,
Но в сионизме жить мне грустно.
Родился б лучше я испанцем,
Французом, немцем, итальянцем,
Да кем угодно, только чтоб
Искусство не менял на гроб,
Чтоб по-еврейски умереть,
И память о себе стереть.

Двух мнений быть не может одинаковых

У двух неодинаковых людей:

Один всё видит в красках чёрно-аховых,
Другой всё видит в красках что светлей.

А прав-то кто? Я убеждён в одном:

Неправый вечно мажет всё говном,
И убеждён, что он один лишь прав.

Что с ним поделаешь – такой ему дан нрав.

Не утверждай того, что доказать нельзя,
Скажи скромней: «мне кажется», «наверно»,
Тогда твой взгляд вонять не будет скверно,
И мысль с тобой останется твоя.

В сомненье истина живёт любая,

А утвержденья истину скрывают.

Нас не касаются трагедии других,

Мы холодно относимся к страданьям,

К чужим несчастьям и переживаньям –

Они ведь не у нас, они у них.

Пусть горе где-то там, пусть далеко,

А я-то тут, я не при чём – живу в охотку,

Ем вкусно, сладко сплю, пью водку,

И деньги достаются мне легко.

Я весел, я здоров. Какое дело мне,

Что где-то слёзы, голод и разруха,

Я слушаю об эдаком вполуха,

И представляю это в полуслне.

Я чист пред Богом, Я живу по Торе,

На кой мне, извините, хрен чужое горе

В себя влюблённый, он берёт здоровье –

Не ел, чего нельзя, и воду очищал,

Он за собой следил согласно предисловьям,

И всё предосконально соблюдал:

Полезно то и не полезно это,

В какое время есть, когда ложиться спать,

Что потреблять зимой, что летом,

Он твёрдо знал. Любил всех поучать:

Как с этим быть, как быть не с этим,

Когда шагнуть вперёд, когда назад,

Он знал, как надо развиваться детям,

Всезнайству своему был бесконечно рад.

Предполагал вперёд и знал всему он цену,

Советы с важным видом он давал,

Ни в чём он не испытывал сомнений,

И строил из себя всеобщий идеал.

На вид всегда доволен был собою,
Казалось, был счастливым он вполне...
Но всё наоборот, и я не скрою,
Он выглядел, как колкий ёж в говне –
Не выбраться, завяз по горло
В своём невежестве, аж горло спёрло.

Под градом пуль нам некогда бояться,
Там надо действовать в ответ,
Стрелять, передвигаться, драться,
Иль прятаться в какой-нибудь кювет.
Под грузом дел не следует сгибаться,
Их надобно вершить, не покладая рук,
Но не бежать от них и не сдаваться,
Придёт пора – они сдадутся вдруг.
«Не обгоняй, когда ты не уверен»!
Какая глупость в сих словах живёт.
Нет! Обгоняй, рискуй, будь цели верен,
Не отступай, стремись вперёд!
Когда все сложности пути преодолеешь,
А это будет, веры не теряй,
В себе уверенность и мощь посеешь,
И на земле создашь себе рай.

Природа одарила жизнью нас,
Дала нам силы для её продленья,
А мы ей изменяем в день не раз
И неестественные делаем движенья.
То губы подведём, а то глаза подкрасим,
То на диету сядем и при том
Мы днём в постель поспать залазим –
Весьма ответственно себя мы бережём.
Мы за собой с любовию следим,
Как за музейной редкостью какой-то,
Кладём не только мы на рожу грим,
Но и на душу – тут попробуй смой-ка.
Стараемся «казаться», но не «быть»,
Успешно делая себя объектом
Всебытого вниманья – любительство,
Себя сегодня модно и перфектно.
В нас непосредственность рождает подозренье,
А искренность неверие и страх,
И чтоб произвести на окруженье впечат
Пыхтим, из кожи рвёмся вон на всех порах.
Чужое мнение о себе для нас важнее,
Чем собственное знанье о себе,

Для глаз чужих стремимся быть мишенью,
Чтоб нами упивались в похвальбе.
В нас эта дурость глубоко засела –
Природу мы свою не ставим ни во что,
Хотим её улучшить, переделать
И не чуть-чуть, а раз, пожалуй, в сто.
Вот этот кретинизм да на благое б дело.

Я над собою хохочу и плачу,
Жалеть себя я не хочу никак –
Я был когда-то семижильный мачо,
Мочёный нынче я размяк, слабак.
Конечности нейдут, глаза не рыщут,
Не слышат уши и не чует нос,
Вставные челюсти уж не кусают пищу,
Запор в кишках, а иногда понос.
Отрезанную плоть я не считаю плотью,
В ней духа уже нет, а есть чёрт знает что.
Болотная трава воняет на болоте,
И я начну вонять, когда мне стукнет сто.
Ха-ха...Слеза...И вновь слеза...ха-ха
Вот, чёрт возьми, какая чепуха.
И всё ж ещё дышу, другие перестали.
Что лучше? Вдумайтесь в поставленный вопрос.
Ответа не дал бы и всемогущий Сталин.
А я его даю: живи, беги пока свой кросс,
Когда завалишься – уже не встанешь,
Помрёшь, и жизнью никого уж не обманешь.

Мои стихосложенья к руководству
Для действия не надо принимать,
Для совершенствованья собственного роста
Не требуется их употреблять.
Они не рецептура, не советы,
В назойливости их не упрекни,
На все мои вопросы все ответы
Ищи в себе – тут не при чём стихи.
А я пишу их для своей утешки:
Что в голову взбредёт, то и строчу.
Меняются моих раздумий вехи –
Я ими, как жонглёр, в стихах верчу.
Мне нравится работа эта, сам процесс,
И потому я в рифмоплётство влез

Жизнь прекрасна и печальна,
Так дано первоначально.

Горе, радость и беда
Перемешаны в годах.
То возносит жизнь наверх
И несёт тебе успех,
То срываются на дно,
И дела твои говно.
Ну, а если жизнь течёт,
Как разбавленный компот,
Жизнью то не назовёшь.
Впрочем, ползает же вошь
Вверх и вниз, туда-обратно
И кусает неприятно,
Даже счастлива, довольна
Жизнею своею вольной.
Только вошь не человек:
Она ползает весь век,
Человеку ж так не гоже,
Он не смеет, и не должен
Жить без смеха и без слёз.
Хочет он жару, мороз,
Дождь он хочет, хочет снега,
Медленно ходить и бегать,
Громко говорить, кричать,
Тихо на ухо шептать,
И любить, и ненавидеть,
Хочет видеть и не видеть...
Незачем перечислять...
Чтобы человеком стать
И не ползать вошью серой,
Всё и сверх, пожалуй, меры,
Человек воюй, бери,
Создавай, летай, пари,
Падай, больно ушибайся,
Улыбайся, поднимайся,
Словом, будь собой самим,
Если хочешь быть живым.

Вот напасть так уж напасть...
Чтоб совсем уж не пропасть
Выплетаю я узоры
Рифм банальных и позорных,
Называемых стихами,
Посылаю себя к...маме,
И ругаю, и стыжу,
И...пишу, пишу, пишу.
Что пишу, и сам не знаю.

Светит же светило в мае,
Иль зимою снег идёт,
Время движется вперёд,
Волосы растут на коже,
Прыщ уродует же рожу,
Пёс же лает без причины,
Борщ зачем-то в миске стынет,
И логические числа
Объяснить не могут смысла...
Впрочем, надо ль объяснять?
Так велит природа-мать!
Есть потребность, так пиши,
Коль исходит из души.
Не ищи во всём причины
И не корчи умной мины.

Я поймал себя на слове,
Будто жажду очень я,
Чтоб до самой смерти внове
Всё являлось для меня.
Вот поймал, а не сумел я
То словечко удержать,
Вылетело за пределы,
Не могу его догнать.
Придержи язык и слово
Не бросай на ветер, друг,
Слово – это не половина
И не птичий перестук.
Слово – это полководец,
Как нам объяснил поэт...
Словом ты не плюй в колодец,
Коль за словом дела нет.

Обида

Кому, зачем нужны обиды?!

Какая польза нам от них?

Ну, скажем, несмотря на виды
Встать во главе власть-пирамиды,
Ты получил под нос свой фиг.

Обидно? Нет, пожалуй. Слово
Такое не подходит тут.

Скорее, больно, хоть не ново –
В карьере путь не прям, а крут.

Не унижайся до обиды,
Коль есть достоинство в тебе,
Потом тебе же будет стыдно,

Что проявился, как плебей.
Обидеть невозможно человека,
Коль сам не носится с обидой он,
Когда он знает цену веку,
А сам не клонит голову в поклон.
Он, если гордо голову свою несёт,
Обида в плен его не заберёт.

Козакову

Я не люблю, когда стихи читают,
Подчёркивая и любуясь формой их,
Когда не смыслом, красотой играют
Наполненный страстями стих.
Коль мы, не проникая в чувства,
Мелодику стиха поём –
В отравленный, как-будто, дустом
Ведро спускаем водоём.
Я тоже форму обожаю –
Насыщенную смыслом страсть,
Но роль не первая, вторая
И не козырная в ней масть.
Роль формы – суть стиха стеречь,
Чтоб не чтеца, поэта слышать речь.

Я с удовольствием читаю,
Я с удовольствием пишу,
Я журналистов презираю,
И телик для меня придворный шут.
Особо неособенные мненья,
Многозначительный всезнайства вид,
Рождает у меня сомненье –
Слыхали ли они, что есть на свете стыд.
Болтают, не стыдясь, не мненье выражают,
А отрабатывают нагло гонорар,
Свободой слова безответственно играют,
Как будто они вышли на базар.
Считая, что народ – дурак
Ему навязывают брак.
Народ им верит, а во мне протест:
Я не кладу башку под этот пресс

Я не могу себе позволить
Себя оценивать всерьёз –
Своих я не снесу уколов,
Не выдержу претензий воз.
Пускай меня другие судят,

Я мненья их перенесу –
Со стороны виднее людям,
Пусть мне устраивают суд.
Уверен, что единодушья
Не будет никогда у них:
Одни измажут меня тушью,
Я Богом буду у других.
Зависят человечьи мненья
От их к объекту отношения.

Нам старость удовольствий не сулит,
И молодость она не возвращает,
Она безрадостна на внешний вид,
Да и внутри не радостью играет.
С ней в бой за правду не пойдёшь,
И не пойдёшь и за неправду,
А если так, то старость стоит гроши,
И дальше старости стареть нет права.
Но даже и обманем мы года,
Покой уж всё равно нам не приснится,
Он, может быть, придет к нам, но тогда,
Когда из памяти начнут стираться лица,
А так же все событья, все желанья
Исчезнут, как в тумане тень,
И, несмотря на все старанья,
Не разберёшь, где ночь, где день,
Когда уж не захочешь удовольствий,
Конца захочешь поскорей.
Ох, не нужна нам старость вовсе,
Как, впрочем, не нужны мы ей.

Рецептеру

Проживши все коллизии романа,
Его событья испытав все на себе,
Вернулся я в то время, как ни странно,
Чрез годы на израильской земле.
И окунаясь в авторские мысли,
С тобою их по-дружески деля,
Я кланяюсь тебе – ты перечислил
Друзей, полёгших на сценических полях.
Они и до сих пор на сцене с нами,
Прошедшие Аркольские мосты,
Те, что в актёрской петербургской драме
Несли тяжёлые вериги и кресты.
И тех ты не забыл, кто не давал Искусству
В высокой проявлять себя красе,

Ломавших наши искренние чувства
И распинавших правду на кресте.
Спасибо, что талантливо и прямо
Ты окунул меня в то время с головой.
Ты окропил нас правдой Фудзиямы
И фудзиямной нас приподнял высотой.

Откровение

Потомственный еврей из кантонистов,
Он прожил в Петербурге 200 лет,
И средь еврейских драматических артистов
Он отличался тем, что званьем был согрет.
Но тут противоречье в жизнь вступает –
Еврей себя евреем не считает.
Он, правда, не считался им в России.
Он и в Израиле остался русским –
Не обладая свойством мимикии,
Еврейской не освоил он загрузки.
Не знал кошрута он, не брезговал свиньёй,
Пил молоко, закусывая мясом,
«Столичную» он пропускал порой,
Под колбасу подкладывал он масло,
Субботний день не стал ему святым,
Единому он не молился Богу,
Он к синагоге не прокладывал мосты –
В упор не видел эту синагогу,
Иврит не изучал, сопротивляясь смело
Всеобучу чужого языка,
А говорить на нём – потело тело,
Не очень, чтоб невмочь, слегка.
Короче русским был он и остался,
Ведь, несмотря на «пункт», он был таким всегда,
И в Израиле не сменил он галса,
И памятью стремился в города –
Москву и Петербург, Новосибирск, Челябинск,
Омск и Ташкент – в них он актёром был,
Служил Искусству там, там ощущал он радость,
Порою – горе средь родных могил.
Там хоронил друзей. Там он мечтал о счастье.
Там он детей растил. Там женщин он любил.
Всё было там. А здесь... Всё! Хватит! Баста!
Уж на Израиль не осталось сил.

Все сложности просты и непонятны,
Зато несложен и понятен примитив,
А ежели слова звучат невнятно,
То мудрости искать не надо в них,
 Ведь даже простенько изложенная сложность
 Бывает непонятна большинству –
 Ему её постигнуть невозможно,
 Ему подай простую простоту.
Нам хочется, чтоб было всё понятно,
Всё ясно всем, как дважды два,
А сложности толкуем мы превратно,
Как непонятные для нас слова.
 И в том, что мы не можем их понять,
 Мы не себя, слова, готовы обвинять,
 Себя ж считая умными отменно,
 Которым всё понятно во влитою.

О, Прошлое! Ты было так богато,
Когда раздаривало щедро капитал,
И хоть оно прошло когда-то,
Но в нём того причина, кем и чем ты стал.
 И если стал ничем, то корни в прошлом,
 Оно одно, ищи его во всём,
 И это абсолютно непреложно,
 Как то, что молнию сопровождает гром.
О, будущее! Эй! Не слышу. Где ты?
Ответа нет. И даже эха нет,
А это значит, будущего нету
За множеством прошедших пусто лет.
Не растеряйте юные свои года –
И старость вас не подведёт тогда

Я завалился книгами, не знаньями,
Цитирую заученные фразы,
И мудрым я кажусь всем изваянием,
Скрывающим свой умственный маразм.
 «Молчанье – золото», сказал мудрец однажды,
 Но он же не молчал, он это говорил,
 В молчании своём казался страшно важным,
 А говорил, как все другие был.
Одни молчат, когда сказать не могут –
Нет мыслей, нету слов, зато есть пустота,
Другие не хотят давать свободу слогу
В пустых беседах, где слова – вода.
 А потому есть у меня простое замечанье:
 О человеке не суди ты по молчанию,

Но не суди о нём и по речам,
Он может быть дурак и там и там,
Но ты...мычи, или молчи, будь только умным сам.

О, как прекрасно вы развращены,
Друзья по ерухамской ссылке,
На всё глядите вы с обратной стороны,
Как будто ваши очи на затылке.
Сторон, с которых мы обозреваем мир
И всё, что с нами в мире том вершится
Не перечислить. Вы же свой визир
Направили через грязный зад на лица.
Кому что больше нравится, друзья,
Вам зад вонючий и гнилые зубы,
Мне ж лица хороши, когда они блестят
Улыбкой сквозь зрачки и ласковые губы.
Мне жаль вас, милые, вы окунулись в вонь
И дышите вы ароматом вони,
Забывши про пословицу: не тронь
Дерьма, в ответ оно не тронет.
Купаясь в нём, ища его во всём,
Вы сами постепенно воплотитесь
В него. Скользнувши в водоём,
Уж из него назад не возвратитесь.
Уже сейчас не тянет вас назад –
На чистый воздух, свежую природу,
И каждый даже очень рад,
В дерьме купаясь, ощущать свободу.
Я говорю себе: старик, оставь,
Не спорь ты с ними, не влезай ты в драку,
Ведь не отмоешься, будь ты стократно прав,
Позволь им видеть жизнь во мраке,
А говоря по-русски, через сраку

Высоким хочет маленький казаться гном,
На каблуки встаёт он, чтобы быть повыше,
Но главное его желанье в том,
Чтоб рядом с ним другие были ниже.
Но и на каблуках гном остаётся гномом,
Он даже на ходулях гном,
Каким б высоким о себе не пел он слогом,
Каким бы низким о других не молвил словом...
Никак не станет щепочка бревном.

А может быть, в нём что-то даже есть,
К нему не придирайся понапрасну,

Ты можешь весть с ним дружбу и не весть,
Но только знай, что весть небезопасно.
Он может нехотя и запросто предать
Сестру и брата, даже мать,
Предать друзей он может и отца
И не со зла, а ради острого словца.
Нет, предавать, то не удел его –
Он просто хочет ну хоть как-то отличиться,
А предавать он не желает никого,
Наоборот, он добр, как... перезрелая девица:
Никто не смотрит на неё в упор,
А ей голодного самца потребен взор.

Я к людям завистью себя не загружал,
Считая чувство зависти постыдным,
Себе завидовать глупцам не запрещал,
Ведь это свойственно никчёмным и фригидным.
Завидовали мне, что счастлив я в семье,
Завидовали, что в работе счастлив,
Ещё и потому, что множество любовей
Я испытал в ролях – я был в любви удачив.
Я был богат любовью к сыновьям,
К жене – не по ролям, а в жизни,
Не знал я зависти к знакомым и друзьям,
И никогда не предъявлял им укоризны.
И вот теперь, когда я старым стал
И одиночеством обогатился,
К себе я снова зависть испытал –
Моей «свободой» захотели насладиться.
Свободу с одиночеством сравняв:
Ты-де ничей, жене не подотчётен,
И множеством своих свободных прав
Имеешь право быть ты беззаботен.
А я...чтоб вновь заботу проявить
О близких мне, охотно б отдал годы.
Я без забот не вижу смысла жить,
Как без любви, что вышла вон из моды.
А зависть к одиночеству настолько же глупа,
Как на поминках заплясать вдруг гопака

От жизни радость отыщи в себе,
В себе, а не в правительстве, иль в торге.
Гляди, как радостно порхает воробей,
Готов он песни щебетать в восторге.
Счастливец. Вот тебе бы так,
А то ворчишь на всё и вся на свете.

Скажу тебе, что ты большой дурак –
Ты коченеешь даже жарким летом.
Чего ты хочешь, чем тебе помочь,
Когда не видишь ты красот рассвета
И тёмная вокруг тебя спустилась ночь,
И страх, и ужасы, всего другого нету.
Мне жаль тебя глупец. Сам помоги себе:
Порхай и щебечи, как мудрый воробей.

Ты – образ. Мне тебя сыграть

Необходимо.
Нет, нет, отнюдь не подражать,
А изнутри тебя понять,
Тебя всего в себя вобрать
Незримо.
Чтоб все сказали: это он,
Всё точно.
Без украшений и корон,
Инициалов и имён,
Он нам такой вполне знаком
Заочно.
Характерности не ища,
Залезу в душу,
Ответственно и трепеща,
Как рассечённый от меча,
Ты будешь тихо, не крича,
Прослушан.
Себя узнать не сможешь ты –
Себя не знаешь.
Не наводи к себе мосты
И не ищи свои черты,
К себе, любимому, остынь...
Себя познаешь.

Что за профессия – Поэт,

И почему стихи он пишет?

Он мог бы не писать? О, нет:
Он ими жив, он ими дышит.
Уж так устроен человек –
Кому жратва, кому футбольчик,
Сиюминутность этим век,
А век поэта – Авва Отче.
В нём всё, в нём мир, в нём жизнь, он сам,
Он видит, чувствует и слышит,
Волнение – певца бальзам,
Его вздымает неба выше.

Летит по небу Саваоф,
Своим крылом окутав землю,
Он Бог, он царь, его улов
Не быт, а жизнь, и ей он внемлет.
Не злопыхатель, но поэт,
Он грязь людскую презирает,
Она его не вдохновляет,
Не застилает ему свет.
Поэт несёт Добро и Чудо,
Всем тем, кто жаждет их и ждёт,
В его стихах златые руды
И страстный зов вперёд, в полёт.

Откуда брать Поэзии идеи,
Где темы ей искать?
Сидеть и ждать, когда мозги согреет
Сошедшая вдруг ниоткуда благодать.
Она не посетит заснувшего местечка
И не наполнит темами мозги,
Идеи не появятся от свечки,
Которая не осветит и зги.
Поэзия сегодня не волнует,
Как женщины не требуют любви,
Ведь обжиманья, секс и поцелуи,
Не заменяют ток Поэзии в крови.
Выбрасывай перо и жги бумагу,
Поэзию не трогай, бедолагу.

Прекрасно чувствуешь себя,
Весёлость наполняет душу,
А в теле свежая струя
Нам все печали напрочь рушит.
Прохлада тени, разговор,
Вода, что плещется в бассейне,
Густой из зелени ковёр
И некая приятность лени.
Блаженство в солнечный денёк
Барахтаться в бассейне летнем
И плавать вдоль и поперёк,
Одолевая сантиметры.
Потом порхать, летя домой,
Забыв, что ты старик больной.

Свои пороки не приписывай другим,
Чтобы тебе не отплатили тем же,
Неси их на своих плечах один

И демонстрируй их как можно реже.
Годны твои пороки не для всех,
Они – твой образ и твоя награда,
И чтоб не вызвать над собою смех,
Знай, это личная твоя услада.
Когда ты с видом знатока вешаешь чушь,
Да и настаиваешь ты на ней бесстыдно,
Хоть я живу в глухи, кругом сплошная глухь,
Мне глупости твои выслушивать обидно.
Знай, люди не глупей тебя,
Лапшу им вешать на уши нельзя.
Не злись, коль будешь послан ты... подальше –
Пред тем, как говорить, подумай раньше.

Меня не спрашивайте, кем я был когда-то,
Кем был – забыл, я знаю, кем я стал.
Зачем себя травить и крыть бессильным матом –
Не возвратить начало всех начал.
А ведь начало было так прекрасно,
Да и не хуже путь дальнейший был,
До финиша бежал легко и страстно,
Ещё и ленту рвать хватало сил.
Но вдруг свернулся я с беговой дорожки,
Глупец. И всё. И нет меня нигде.
Уж не бегут на той дорожке ножки –
Я стал обыкновенный дед.
И сколько лет покойником игривым
Я не грущу по жизни той своей,
С утра ем яблоки, вкушаю сливы,
Ещё укроп, кинзу и сельдерей,
И колбасу ем, иногда – свинину.
Жаль, сала нет, ведь тут не Украина.
Мне смутно вспоминаются кулисы,
Среди которых я увидел выси,
Однако ногу занеся в последнем шаге,
Я отказался от участия в атаке,
И сверзся в пропасть с высоты
На разведённые мосты.
Дворцовый мною не был покорён –
Я сам бежал от трона и корон.
Теперь ем колбасу и яблоки с утра
И радуюсь тому, что скоро уж пора...

Сегодня выиграл, а завтра проиграл...
Всю жизнь сопровождают нас качели:
То иногда спускаешься в подвал,

То поднимаешься до птичьей трели.
Я не встречал ещё людей таких,
Которым постоянно светит счастье,
Несчастья нам сменяет счастья миг,
И в каждом миге нам дано участие.

Когда несчастья наступает час,
То длится этот час всего минуту,
Когда же счастье застилает глаз –
То знай: оно минутно почему-то.
Не придавай минутам сим значенья –
Ведь наша жизнь – сплошь приключенья.
Ни от хороших не беги, ни от плохих,
Нам всё равно не убежать от них.

Всяк, кто стихи пытается писать,
Поэтом величаться хочет,
Не сознавая, что Поэта стать
Так не похожа на всех прочих.

Поэт, он не такой, как все,
Как все, он только ест и гадит,
Он чувствует дыханье на кресте
И видит ложь в торжественном параде.

И в тучах видит он не облака,
А слёзы матерей, или Помпеи гибель,
И если перед ним дорога, иль река,
Сквозь них он видит пройденные мили.

Особый глаз, особый пульс его,
И жизни восприятие иное,
И виденья особо своего
Он не отдаст – Поэт иного края.

«Поэт в России больше, чем поэт»–
Прекрасные слова прекрасного поэта.
Мы видим лампочку, поэт же видит свет,
Свет от него зависит, он – от света.

Иначе чувствует, иначе видит, слышит,
Он недоступен, непонятен нам –
Поскольку серые слона понять не могут мыши.
Поэт же уподобился слонам.

Поэт велик, не может быть им всякий,
Кто в рифмочки играется шутя,
Поэт чужой в общественном бараке –
Прекрасное народное дитя.

Мне наша жизнь мила с пороками со всеми –
Я не хотел бы жить в другое время.
И девы легкомыслием волнуют, с ними
В мужских сосудах наша кровь не стынет.

Когда на солнце не было бы пятен,
То мир для нас бы был не так приятен,
А если б на земле не стало кочек,
И были бы сплошные дни без ночек,
То мы бы кочки с ночками искали,
А бабы нам детей бы не рожали.
Но, слава богу, в мире есть пороки,
И на пути встречаются пороги,
Их надо одолеть и устремляться
Вперёд, чтоб к цели приближаться.
Движение вперёд есть избавленье
От трудностей в пути, приготовленье
К той райской жизни на земле ещё.
Ох, ну и скука ж будет... Ё-моё!
Жить не захочется, потянемся назад,
И всем земным порокам будешь рад.
Порогами украшен жизни путь,
Пороки, как медали, вешаем на грудь,
И рады им, горды: живём не без пороков,
И с ними бьёмся до последних соков.

Мне нравится неубранность стихов,
Несоблюденье аккуратного рифмоплётства –
То ритм стиха лишается оков,
То рифма от законов отвернётся,
То вдруг куда-то убежали строки,
Потом они явились вдруг,
В короткую мысль не вместилась строчку...
И многоточье в качестве услуг.
Читай стихи до самого конца,
Увидишь в них и красоту и стройность,
Они написаны от страстного лица,
Нас Пушкин агитировал за Вольность.
И Маяковский, лучший ученик,
Ломая принятый порядок, строил.
Меж ним и Пушкиным один лишь миг:
Они поэты одного покроя.
Поэт не может жить, как счетовод,
Он – буря, штурм девятибальных вод.

Всяк место должен знать своё в оркестре!
Не может скрипку заменить фагот,
И тромбонист не может с блеском
Кларнетно тремулировать фокстрот.
Островского нам не заменит Чехов,
Мольера не заменит нам Шекспир –

У всех своё значение и вехи,
Свой горизонт, талант, свой мир.
Художника заставь быть финансистом –
Не думаю, что станет он богат.
Сапожника произведи в артисты –
С партнёрами не обретёт он лад.
Нам Верди не заменит Листа,
И не замени Лист Гуно,
И даже самому художественному свисту
Спеть Радомеса, иль Аиду, не дано.
Но всё имеет место на планете,
И каждому своя цена на свете.
Определите цену каждой роли.
А то ведь ...трус захочет слыть героем,
Плебей – аристократом, слабый – сильным,
А проститутка скажется невинной,
Дурак – учёным и талантом – бездарь,
Захочет бесполезность быть полезной.
Всё встанет с ног на голову тогда,
И будем мы похожи на стада
Телят, или коров безмозглых,
А может быть, червей навозных.
К несчастью, мы такое проходили,
Диктат «рабочих и крестьян» не позабыли:
Когда кухарки управляли государством,
Приличие тогда сменилось хамством,
Предатели ведущей силой стали.
Счастливой жизнью это мы назвали.
Такая жизнь вошла к нам в кровь и плоть,
И мы её, боюсь, в себе не сможем побороть.

Новое нам часто непонятно –
Спешно отрицаем мы его,
К новому относимся превратно,
Не поняв в нём ровно ничего.
А ещё и так у нас бывает:
Нам привычное – надёжный руль,
Держим крепко и не отпускаем,
Будто защищаемся от пуль.
Вот и отстаёт страна от бега,
И в хвосте до цели добредёт –
Летом избавляемся от снега,
И растягиваем месяц в год.
Ах, медвежья ты моя Россия,
Хоть амбиций много у тебя,
К сожалению, не в твоей стихии

Понимать, что вертится земля,
Измеряя время не веками,
А секундами, минутами, часами.

Как трудно сохранить здоровье,
Когда тебе за 80 лет.
Не ешь, что хочется – страшись калорий,
Конечно, целый не съедай обед.
И не сиди, а двигайся побольше,
А двигаться нет сил, и ноги не идут,
И на курорты не жалей ты гроши,
А нету их – приблизишь свой капут.
Унылая пора мужского увяданья,
Когда тебе за 80 лет,
Уже недалеко свиданье
С той жизнью, где тебя уж нет.
Поэтому живи на всю катушку,
Пока есть силы и здоровье есть,
Играй здоровьем, как дитя игрушкой,
А не храни его, как дева честь.
Чтоб не жалеть потом, что мимо жизнь прошла
А ты не испытал в ней ни шиша.

Нет разницы между Поэзией и Прозой.
Слова рифмуются – мы говорим стихи,
А в «Мёртвых душах» рифмы нет и дозы,
Так за какие мы зовём её Поэмой за грехи?
Вы полагаете, что я смогу ответить
На этот вовсе не простой вопрос?
Не надо быть наивными, как дети,
Ответ не ждите – он не паровоз,
По расписанию который и приходит,
По расписанию который и уйдёт.
А вот стихи ни при какой погоде
Простою прозою никто не назовёт.
Но если скажут, разница лишь только
В том, что в стихах рифмуются слова,
А в прозе не рифмуются нисколько,
То эта точка зренья не права
И всё же разница меж ними существует.
А в чём она? Ответ ищи не в них.
Что одному стихи, другому проза всуе...
. Но прозу тоже можно чувствовать, как стих.
А ежели тебе такое не дано,
Что проза, что стихи – всё для тебя говно.

Причча

Он взятку дал и тем всего добился,
А не добился бы, когда б не дал,
И этим хвастался, и этим он гордился,
В пример другим себя он выставлял.
И не считая взятку за подонство,
Собою восторгался он вовсю,
Считая взятку правильным устройством.
Чтоб сесть на пень, готов был дать и пню.
Дошёл он до того, что взяточник дать не мог он
Уж больше никому – додадавался уж:
Несчастный беден стал, а был когда-то мотом,
Теперь поносит он бессовестных чинуш:
«Вот сволочи! Бессовестные твари!
Подонки! Взяточники! И т.п.
Набили закрома! Наели хари!
И к ним не подступись теперь!»
Так кто же виноват – дающий, иль берущий?
Ты дал, он взял – ты первый, он второй,
А потому моих не жди сочувстий:
Преступник больший ты, он – «бизнесмен» простой.
Ты приучил его к тому, за что ругаешь.
В своём глазу бревна не замечашь.

Все мненья, впечатленья, утвержденья,
О ком-то и о чём-нибудь,
Бывают неправдивы, без сомненья,
Отображая наше отношенье
К объекту и субъекта суть.
Ведь об одном и том же разно судят –
Согласья тут ты никогда не жди:
На свете объективные есть люди
И те, что безо всяческих прелюдий
Осудят и ярлык повесят на груди.
Ярлык, он даже ночью светит ярко,
Успешно личность заменив собой,
Он на груди, как на конверте марка,
Конверт не бросишь без неё на свалку,
И с ней на вечный мы уходим на покой.
Он добрый был – нет, злой, гласит ярлык.
Умён был он – неправда, был он глуп.
И к мнению ярлыка народ привык,
Иное и не лезет на язык,
А так же не возьмёшь его на зуб.
Талант в устах врага за бездаря слывёт,
Хороший семьянин – за ветрогона.

И вечно всё на ярлыке наоборот:
Одних он запускает в небосвод,
С других срывает он корону.
А где же правду, истину, найти,
И где услышать правильное мненье?
Не повторяй ты ярлыка мотив,
Тем более, когда он негатив,
И всё воспринимай не без сомненья.

Когда в глазах тоска, в душе застой,
Не помнятся прошедшие победы,
Уже мне не до них, они забыты мной,
Они со мной уж вышли на покой.
И всё ж ни им, ни мне покоя нету.

Им, потому что прошлое ушло
И предано печальному забвению,
Мне, потому что жил я, как шальной
Весной и летом, осенью, зимой,
И в память не вносил мгновенья.

Жизнь наша из мгновений состоит,
Из множества пережитых мгновений,
От некоторых переживаешь стыд,
Другие гордо память в нас хранит.
Я пережил их в жизни и на сцене.

И вот теперь не помню ничего,
Что было-не было умчалось безвозвратно,
И мне осталось только и всего,
Воспоминания о Питере с Москвой
И «Красная стрела» туда-обратно.

Жизнь состоит не только из побед,
Но так же из тяжёлых поражений,
Я думаю, во мне живёт их след,
Хоть я не составлял на это смет.
Их составляет для потомков гений.

Актёром был я лучше, чем поэтом.
На сцену выходил пред сотни глаз,
И зал меня встречал приветом
Не раз, не десять, каждый раз.
Людей мне удавалось волновать
Переживаньями играемых героев,
Бывало и веселье вызывать,
А то и тихо размышлять порою.
Я творческий азарт в себе ценил.
Любил со зрителями я встречаться.
Грузил себя до истощенья сил.

И никогда себе я не давал сдаваться.
Я взваливал на плечи сотни тонн,
Мне говорили: «Прямо семижильный!»,
При этом никогда не лез на трон,
Чтобы командовать и быть всесильным.
Всю жизнь я сомневался сам в себе –
В выносливости, силе и таланте.
Я говорил себе: «Старик не смей
Себя губить в невиданном азарте!»
Но был вынослив сей старик и смел
И не хотел меня он слышать
Таков, наверное, был его удел –
Вверх забираться вплоть до крыши.
Хотя он знал: в искусстве крыши нет,
Есть достижения, победы,
К тому же само искусство есть секрет,
Чего не знают и искусствоведы.
Когда назад оглядываюсь я,
Пытаясь вспомнить роли, сцену –
Там было много счастья у меня,
И я не требую для жизни смену.
И нынче, отойдя от дел своих,
Поняв хотя немного прожитое,
Сказал себе я: «Надо, чтобы стих
Мне сцену заменил собою».
Стал сочинять я прозу и стихи,
Но их на сотни глаз не выставляю:
И проза и стихи – мои грехи
Я для себя пишу, себе читаю.
Писанье – тоже творческий процесс,
Сегодня в нём я нахожу свой интерес.

Ни ветерка, ни дуновенья –
Палящая пора.
Всё спит без всякого движенья –
Смертельная жара.
И люди уж не ходят, бродят,
Как будто бы во сне.
И ртуть на градуснике вроде
За 40. Худо мне!
Башка тупа и тело влажно,
Невмоготу и спать.
Какой-то скомкано-бумажный
Ползёшь в кровать,
Чтобы хоть чуточку забыться
И сбросить жар.

Израильская заграница –
Не сладкий дар.
Вокруг нас негевская пустынь,
Где нет дерев,
Лишь солнце заливает густо,
Как озверев.
Песок и солнце, ни травинки
И нет воды.
И вспоминаются картинки:
Сады, сады.
Благая тень, вода, прохлада
В фантазиях твоих,
Хоть это, может, и не надо,
Слагаю стих
О Родине моей великой,
О реках и садах,
О населенье многоликом,
Морях, горах.
В ней есть на всякий вкус погода –
Прохлада и тепло,
И у российского народа
Есть долгожданная свобода!
В душе людей светло.

Бравирует он смелостью своей,
Отвагою и честностью гордится,
И хвалится, что любит он детей,
Своих, чужих и тех, что заграницей.
Себя возносит он, как идеал,
Пытается прослыть он безупречным,
Напялив добрых масок карнавал,
Чтоб скрыть свои моральные увечья.
Он добр, он ласков, нежен и умён,
И образован выше разных прочих,
Он лучший среди всех народов и времён –
Портрета своего он льстивый зодчий.
Послушаешь его – поймёшь,
Что с ним в разведку не пойдёшь.

Понять другого человека
Не всем природою дано.
Твой кругозор – твоя помеха,
Твой уровень и даже дно.
А потому о всём ты судишь,
Не влезши даже и на стул,
Хотя вокруг тебя есть люди,

Взошедшие на высоту.
Овца не может быть коровой,
И конь не может стать слоном,
И ты не можешь с ридной мовой,
Владеть российским языком.

Я думаю, что лучше каждый
Обязан быть самим собой,
Ведь змей роскошный, но бумажный,
Не станет истиной змей.
Ты хочешь выглядеть сократно,
Тогда скромнее будь стократно

Бассейн

Бассейн наш заливает смех детей
И их голов весёлое цветенье –
Меня переполняет умиление
И делает бурливей ток кровей.
Он озаряет мне лицо улыбкой
И растворяет напряжение враз.
Смотрю – в нём дети плавают, как рыбки,
И наслаждаются обилием проказ.
То с борта сиганут вперёд ногами,
То кувыркаются ногами вверх.
Вода играет рядом пузырями,
Разносится весёлый детский смех.
Я из бассейна в этот миг не вылезаю –
Смеюсь и смехом воду заливаю,
Развлюсь, плескаюсь вместе с шалунами
И с ними в воду прыгаю я вверх ногами.

Моя Россия встала поперёк гортани

Тем, кто в её окраинах возрос.
То ль это зависть, то ли страх. Признаний
Ещё никто на этот счёт не внёс.
Скрипят зубами, злобой заполняют
Свои прогнившие мехи,
Россию грязью поливают
И ищут в ней одни грехи.
Все лыки в строку, и без лыка
Кипят все строки пеной зла,
И не смягчают даже рыка,
Когда добро слепит глаза.
«Россия – дрянь, Россия – враг,
Страна метелей и морозов,
В России царствует Гулаг,
В России даже вянут розы!»

Я возмущён, обидно мне,
Когда Россию так ругают,
Причём больней ругают те,
Кто всё благое забывает.

Забыли что им Русь дала,
И от чего они восстали,
На что они способны стали,
Какие делают дела.

России враг, он враг и мой,
Не нахожу с ним общих мнений ,
Его глумливых параной

Я не терплю и без стеснений
Готов за Русь мою вступить
И в ссору, или даже в драку,
Хочу я Русь богоизбрать,
Не покрывая её лаком.

Мать может и не лучшей быть,
Но мать есть мать и ты обязан
Любить её, любить, любить! –
Навечно жизнью ты с ней связан.

А те, кто злобою полны,
И за людей я не считаю,
И в дружбу с ними не играю –
Друзья копеечно цени.

Есть упоение в бою!
Есть упоение и в злобе.
Я вместе с первыми пою,
А от других меня коробит.

Я о друзьях и дружбе размышляю...
Что есть они по сути, не в словах,
Кого назвать себе я другом позволяю,
Кого с собой равняю я в правах?

Я тут не допускаю фальши –
Друг для меня – он то же, что и я,
Он не сегодняшний и не вчерашний,
Он постоянный, вечный, он – семья.
Едины цели, интересы,
Открытость без секретов и без тайн,
Для дружбы непригодны политесы,
И беспредельна дружбы грань.

Друг быть обязан в дружбе безыскусным,
То есть в дружбу не играть, а быть,
Без ложной гордости и ложного холуйства,
Коль другу худо, о себе забыть.
Когда же дружбой вслух гордишься ты,

На дружбе на такой стоят кресты,
Ведь выставляя дружбу напоказ,
Ты дружбу убиваешь в тот же час.

Как отличить рассказ правдивый
От сочинённого фантазией игривой?
Ответ простой: придуманный рассказ
Содержит множество прикрас.

Во всех фантазиях своих герой
Нескромно восторгается собой,
Поскольку о себе повествованье,
Как мемуарное звучит воспоминанье.
Правдивый же рассказ героя прячет в тень –
С собой герою восторгаться лень.
Когда же он в восторге от себя,
Его рассказ – брехня и трепотня.
Вот и вся разница рассказов двух,
Произнесённых вслух.

Мне нравилось нравиться людям

Без всяких изящных потуг.
Любил я, когда был простужен,
Под ветром стоять на мосту,
И слушая плещущий трепет
Под Троицким тихой Невы,
Бродить под дождём до рассвета
И видеть, как скалятся львы,
Стихов тривиальные мысли
Шептать, посчитав за свои,
И видеть, как падают листья
На зелень увядшей травы.
Ни мост, ни Нева уж не будят
В нас юности трепетной глас,
Не можем уж нравиться людям,
Когда поджидает нас час,
Не можем Невой восторгаться,
Взобравшись на Троицкий мост,
Не можем за правду подраться
И на ноги встать в полный рост.
А что же мы сможем? Мы сможем
Себя не любить – это раз,
И два – помириться с угрозой,
Что на пороге наш час.
О нравиться людям нет речи,
О дел суете позабудь –
В глазах не горят уже свечи,

Не можем свободно вздохнуть,
Стихи, что слагаем от скуки
Не сможем мы вслух прочитать,
Не сможем в театре Кабуки
Талантливо женщин сыграть.
Мы больше не сможем, чем сможем,
Что ж делать? Настала пора,
Отдав стремена молодёжи,
Спокойно идти со двора.

Когда я знаю что сказать я должен
И поделиться хочется мне этим,
Я слов для этого не подбираю сложных
И говорю понятно, даже детям
И если мысль, что излагаю я, сложна,
Но я уверен в ней, не сомневаясь,
То я не подбираю к ней слова –
Они летят, от мысли заряжаясь,
Сами приходят, сами рвутся в бой,
Лишь мысль была бы точна и безупречна,
И речь тогда течёт сама собой,
Без заиканья, пауз, свободная, как речка.
А мысль неясная слов не рождает, нет,
И потому она звучит, как бред.

Aх, комплексы! Ах, комплексы! Их множество.
Но хуже всех всегда щемит одно,
Я бы не назвал то комплексом убожества,
Однако комплексу тому сродни оно.
Рождённый на окраине Парижа
Страдает, что рождён не в центре он,
И эту ноющую боль ему залижет
Лишь зависть к тем, кто в центре был рождён.
Из кожи лезет он такой, чтобы казаться
Столичной штучкой – де, не лыком шит,
Он жадно хочет выше прочих оказаться,
Готов на всё, чтоб обрести столичный вид.
Париж, Нью-Йорк и Рим таким вот страстно снится
Сияньем блеска этих городов –
Они же родились не в тех столицах,
А...где на улицах пасут коров.
Несправедливо! Им от злости не отмыться:
Все виноваты тут – и Лондон и Мадрид,
А впрочем, что ему чужая заграница,
Он и Москве столичность не простит:
Москва, вишь, виновата перед ним,

Что он своим убожеством ранил.
Столица, вишь, причина его бед.
То глупых комплексов провинциальных бред.

Кому – Что

Фальстаф любил шашлык,
А Дон Кихот – подраться...
Пожалуй, в этом стоит разобраться.
Шашлык, иль Жизнь – что для Фальстафа главно?
А драка ли казалась Дон Кихоту славной?
Как низко падают любимые герои,
Когда кроим мы их по нашему покрою.
Мы судим о Фальстафе по обжорству,
О Дон Кихоте – как о забияке,
Не отдавая дань их главному устройству –
Жить, наслаждаясь, и борясь с мраком.
Я к этим отношу и Дон Жуана –
Не толькоекса жаждал он в любви,
Он истинной любви хотел от Донны Анны,
Так как Любовь текла в его крови.
Тарковский нам не делал сериалы,
Не любопытство в нас он вызывал,
Для касс его творения – провальны,
Вот сериал для кассы – идеал.
Нам о войне Толстой сказал великий,
Нам Симонов раскрыл разворот войну,
А вот Резун с истерикой и криком
Лишь злобу преподнёс одну.
Ещё есть Дионисий и вино–
Как радость жизни, праздник наслажденья,
Но люди бормотуху пьют, она, верней, оно
Несёт тупому радость отупенья.
Когда восторги воздают обжорству,
А также дракам,ексу, лжегеройству,
Мне кажется, что мир летит в провал,
Как фильм художественный в сериал.

Моё величество

Невежда и дурак народом избран
Командовать народом и страной,
И убеждённый в выдающейся своей харизме,
Он окунулся в управленье с головой.
Командует налево и направо
И даже прямо, а выходит – вкось.
Он наслаждается ему доступным правом
И пользуется им с размахом наавось:

Хочу я эдак – так тогда и будет,
Хочу не эдак – и не будет так,
Мне наплевать на то, что скажут люди,
Я сам великий для себя мастак.

Хочу, возьму войну и проиграю,
А буду говорить, что выиграл её,
Все мненья о себе я презираю,
Я знаю только мнение моё.

Кто там сказал, что я глупее многих?

Завистники. И им не верьте вы:
Бедны, а я богат. У моего порога
Не дам им приподнять я головы.

Так кто ж дурак, невежда и подонок,
Я, иль они? Уж коли я над ним,
Перекричу его – мой голос боле громок,
Ещё и осажу: шумим, братец, шумим...

Шумят лишь те, кто не добился в жизни
Ни денег, ни постов и ни чинов,
Они поносят всё в своей Отчизне –
Компания никчёмных болтунов.

Я знаменит, мои висят портреты,
На них красив я и умён,
И на меня их злобные наветы,
Как памятнику карканье ворон.

А посему меня не критикуйте,
Я вас, завистников, не устрашусь,
Я недоступен вашей злобной сути,
Я презираю вас и не боюсь.

Я плачу о культуре прошлого,
Она была моей. Сегодняшняя – нет.
Что делать мне, когда нескромно пошлое
Запелено паутиной свет.

А, может, я не прав и рассуждаю,
Как древний и ворчливый человек,
Который уж стоит на крае
И завершает жизненный забег.
Мне чужды мордобои и убийства,

Открытый мат и обнажённый секс,
Мне чуждо «молодёжное» витийство,
Мне чужд на шлюхе божий крест.
Револьверы, убийства и погони
И выстрелы вдогонку, или в лоб –
Вот методы искусства паранои
Загнавшие Искусство в гроб.

Не собираюсь я с идущим веком спорить,
В век девятнадцатый его не воротишь,
Я просто шлю ему свои укоры –
Он сер и гадок: бешенная мышь
Так мечется без смысла и без цели,
Об пол и стены стукаясь впотьмах,
И прячется в глухие щели,
И там дрожит, испытывая страх.

Когда же страхи верх берут в искусстве,
Искусства нет, искусства место пусто.
А вот когда и меры нет в искусстве,
То это означает – всех нас травят дустом

Доказывать и убеждать – пустое:

Всяк ждёт доступного его уму,
Знакомого и близкого, родного,
Понятного и ясного ему.

И не старайся, не клони колени,
Не опускайся низко до него,
И отойди в сторонку без стесненья –
Ты сохранишь достоинство своё.
Он не поверит в то, что незнакомо,
Иль чуждо самому ему:
Большой замок висит на двери дома,
Он прочно охраняет его чум.
Хранит он ограниченность его –
Трус в дом свой не пускает никого.

Мы формой ограничиваем стих,
Как заключённого, лишаем стих свободы.
Машина на дорогах на кривых
Не даст нам скорость ту, на что способна.

Свободен человек не может быть –
Он рамками законов ограничен,
А как свободу в рамках находить,
Коль в рамках этих каждый обезличен.
И всё ж...свобода есть, она... в тебе,
Её в себе находишь в рамках правил,
Она находится в твоей борьбе,
Без страха – трусам ты его оставил.
Нет, нет, я не твержу, что я законов против,
Но нет свободы в арестантской роте.

Не склеивай разбитое стекло,
Оно уже разбито и не станет

Вновь целым. Было и прошло,
Оставь осколки для воспоминаний.
Была прекрасна вещь.
Была. А ныне – нет.
Зачем её беречь
И выставлять на свет.
Не будет блеска в ней,
Коль трещины темны,
И даже лучший клей
Не даст ей белизны.
Уж если вещь разбита –
Её нет.
Дырявое корыто –
Не вещь, а бред.

Я многого не понимаю в мире,
Но более всего одно:
Зачем мы тратим столько силы,
Чтоб плыть, когда идём на дно.
Не выплывем и дно не за горами
У всякого, у всех и у всего,
Все ляжем на него, как Пиковая дама
Легла пред Германом, у ног его.
Когда? Вопрос. Зачем сейчас об этом?
Вот ляжем – будем знать. Ах, нет, конечно, вру...
Там в глубине не пронесётся ветер,
Чтоб память освежить тебе в гробу.
А впрочем, вру опять – у нас хоронят
Без всяких, без гробов – зарыли и лежи,
Дежурное словечко рав обронит,
Что был, де, нет его: он ныне здесь лежит.
Всё правильно, естественно и славно –
Одни в земле гниют, а прочие живут
И борются за жизнь – им это главно,
Как Рихтеру шопеновский прелюд.
Однако нет уже и Рихтера на свете,
Да и прелюд закончился. Конец.
Начало каждое конец отметит,
И в этом бытия и мудрости венец.

Так из какого же такого сора
Растут стихи, не ведая стыда?
Как тысячи тонн словесного позора
Единое словцо рождают иногда?
Задумайтесь, попробуйте и сядьте,
Хоть пару строк достойных сочинить.

Извилины быть могут не на вате,
Но даже рифм не обнаружат нить.
Стихи писать – то вам не труд шахтёра:
Спустился в шахту – уголь напоказ,
Руби его без всякого разбора,
Коль скоро ты на мускулы горазд.
Неплохо заработаешь за это,
Почёт и уважение к тому же.
В поэзии – наоборот: поэту
Почёт лишь снится и хватает нужд.
Рабочий день не семь часов, а сутки
Мучений и сомнений, и невзгод –
Не ручки кровоточат к боли чутки,
А сердце боль пронзает за народ.
У стихотворца уж оно не бьётся
Не в 70, иль в 80 лет,
А в 20-30 клапаны и дверцы
На тот поэта отправляют свет.
Так кто ж по-вашему совершает подвиг –
Шахтёр, литейщик, лётчик, иль поэт?
Судите сами, если вам угодно,
И сами дайте на вопрос ответ.

За что нам следует любить стихи,
За форму, или содержанье,
За непривычно новые мазки,
Или за сопереживанье?
Или за то, что их не понял я,
Или за то, что понимаю,
Или за то, что в них всё про меня,
Или за то, что в них судьба чужая?
Бывает, нравится мелодика стих,
Бывает – не мелодика, а ритм.
Но обязательно стихи издалека
Нам посылают новый алгоритм.
Поэзию пытаться разбирать –
Как из колодца воду выгребать.
Её нам просто следует читать!
Ей просто чутко следует внимать

Я мудрых не открою истин,
Когда скажу, что каждому – своё.
Профессия диктует образ мыслей
И наполняет личность до краёв.
Вот, скажем, генерал, он мыслит по уставу:
Ать, два! И всё, весь круг его идей.

Вышестоящим зад лизать ему по нраву,
Поскольку трус до самых он корней.
А вот ёщё учитель просвещённый,
Всеобщие он вызубрил азы,
И ежедневно на уроках сонных
Их пономарит меканьем козы.
Задай ему вопросик посложнее,
Увидишь, как он сразу же тупеет.
Ёщё актёр, в виду имею драму,
Вживается в характер роли он
И ей богат, сам лично пуст до сраму,
И в голове его пустой лишь только звон.
Ну, кто ёщё там?.. Доктор медицины...
По книгам он познал болезни у людей,
И обо всём он судит с важной миной...
Ну, а больной становится больней.
Поэт-романтик мне на ум приходит...
Он дамами любим, он пишет про любовь.
Сам от любви бежит, к ней не пригоден,
Поскольку в жилах ледяная кровь.
Есть лишь одна профессия на свете,
И в том её отличье от других:
Собою быть на шоу-винегрете,
Собой и только! Так велит мой стих.

Слаб разум – он эмоциям подвластен,
Как флюгер ветру. Парадокс.
Не разум развивает жизни счасти,
А чувства нам воздействуют на мозг.
Отсюда беды все и муки,
Обиды глупые и даже жажда мстить,
И никакие умные науки
Не в состоянье жажду злую погасить,
Она растёт, командует рассудком
И подчиняет рацио себе,
И побеждает – вот что отвратительно и жутко
С добром в борьбе.
Когда туманят злые чувства разум,
Свет гаснет перед нами разом.
Но знаю я, другие чувства есть,
Они вселяют в нас любовь, надежду,
Несут в себе благую весть,
И лучше мы от них становимся, чем прежде.
Дай волю им, сим чувствам доброты
И силы дай им биться до победы,
Им возводи опоры и мосты

И разумом своим за ними следуй.
Я верю в эти чувства, в них,
Прямая человечеству дорога,
Так как в эмоциях других, иначе, злых,
Нас, озверевших, ждёт звериная берлога.
Любовь, Надежда, Вера и Добро –
Вот жизни идеал, как это не старо.

Этот день не окончен ещё,
Что со мною случится, не знаю,
Может, жизнь мне предъявит расчёт,
Может, с ней я ещё поиграю.
Мы не знаем о том, что грядёт,
Что несёт нам судьба уже завтра,
И сулит нам какой поворот,
И какая нам выпадет карта.
Как-то так происходит всегда:
Кто боится уйти, тот уходит,
Не кончаются жизни года
Только тех, кто торопит их, вроде.
Так не бойся года торопить,
Чтобы дольше и с пользой прожить.

Себе я тоже не хочу быть в тягость.
Но делать что, коль тягость уж пришла?
И от неё я не испытываю радость,
Наоборот – я от неё устал.
Я этой тягостью смертельно озабочен,
Сил не хватает за собой следить,
А не следить... какой-то круг порочный –
Как продолжать мне жить?!
Однако продолжаю и живу,
О, если б это называлось жизнью!..
Быть в тягость не хочу я никому –
Ни детям, ни себе и ни Отчизне.
Без сожаленья встречу я то время,
Когда я распрошусь со всем и всеми.

О, время! Не спеши, дай мне дожить своё!
Когда совсем уже я ползать перестану,
Не стану я просить тебя в заём
И дожидаться немощного сраму.
Пусть он приходит только не ко мне,
Носить его, как рваную одежду,
Или истлевшую косынку на спине,
Я не хочу – они давно не свежи.

Я не хочу. А потому молю
Тебя, о, время, дай мне волю
Произвести конечный мой аллюр
Конём, что рвётся из неволи.
Своё я доживу изящно и легко,
А не ворчливым, дряхлым стариком.
(«Сорока»)

Не подпускай к себе раба,
Подняв его до роста своего,
Сам станешь ты тогда горбат
И рабье на себе найдёшь тавро.
Всяк место знать своё обязан:
Кто рос в грязи, не смоет грязи,
А если станет соскребать,
В неё залезет вдругорядь.
А в грязь он непременно попадёт,
Поскольку в нём она живёт.
Совет один, разумный и простой:
Дотронувшись до грязи, руки мой.

Когда б в стихах своих сумел поднять себя
До высоты, куда подъяла сцена,
Читатели стихов, стихи любя,
Хотели б меня читать, наверное.
Но я свои стихи себе читаю сам,
Всем прочим, могут быть они неинтересны.
Я в них блуждаю по равнинам и горам,
Хожу в моря, и в них мне всё известно.
Они – мои. И всё в них про меня.
Не без волненья я в стихов вторгаюсь душу,
Не думая, где дактиль, а где ямб,
Где в них глубины моря, а где суша.
И хоть Поэзией я не считаю их,
Но лично для меня и это стих.

Актёр бывает счастлив не тогда,
Когда большие деньги получает.
Что деньги для него? Вода –
Она течёт, души не задевает.
Художник за картину взял миллион.
Богат, но стал ли счастлив очень.
Ну, миллион на счёт положит он,
Но счастья на него не купишь, точно.
Писатель свой роман могучим тиражом
Издал и заработал кучу денег.

Роман на полках мёртвым багажом
Лежит забытый, как засохший веник.
Писатель и актёр, художник и поэт,
Они высокому Искусству служат.
Проблема денег, есть они, иль нет,
Что на асфальте высохшая лужа.
А счастье посещает их тогда,
Когда является к ним вдохновенье,
Тогда ещё, когда в них есть нужда;
Необходимая людскому потреблению;
Когда творенья их волнуют тех;
Кому их творчество необходимо;
Когда они рождают слёзы смех,
Не проходя искусством жизни мимо.
Художника не могут деньги волновать,
Он не за ними в этот мир явился,
Но если только он за ними устремился,
Он не художнику, сапожнику подстать.

Правдозлобцам

С каким злорадством ждём плохих вестей
О тех, кто был нам мил и дорог раньше.
Зачем и почему хотим мы, чтоб страшней
Её судьба была, да и от нас подальше.
Откуда эта злоба, низость чувств?
Кому мы мстим, за что? Что нам плохого
Россия сделала? Зачем из наших уст
Срываются прегаденько слово
В тот адрес, где тебя уж нет давно,
Но где бывал ты счастлив и беспечен,
Где было многое тебе дано?
Теперь ты злой искривлён и изувечен.
Ты вырос там и вырастил детей,
Работал и любил, и жизнью был доволен,
Хоть не достиг ты там высоких должностей,
Не метапелил и не никайонил.
Ты говорил и там: я рад, всё хорошо,
И тут восторженно орёшь словечки те же.
Мне кажется, ты совести лишён,
В тебе дух рабский самостийно-незалежный.
И не ссытайся на адреналин,
Который, якобы, кипит в крови от злости,
Зачем тебе он нужен, господин,
Когда ты не играешь даже в кости.
Хотел бы я тогда тебя видеть,
Когда была такая ругань под запретом,

Как ты тогда властям старался зад лизать,
Льстить нагло и заискивать при этом.
Так что теперь себя ты в правдолюбцы не пиши,
А лучше ты взглянись в себя позорче,
Поймёшь, что следует сидеть тебе в тиши,
И правдолюбца из себя не корчить.

Нет сил для отдыха. Не делать ничего,
Жить без забот, волнений – нету силы,
Лежать и спать до самой до могилы...
Так уходить тяжелее всего.

Вот уходить, когда ещё ты нужен,
Когда ещё делами занят ты,
Когда ты чувствуешь жару и стужу,
Когда ещё в тебе живут мечты,
Когда ещё помочь ты можешь людям,
Когда ты можешь с внуками играть,
Когда ещё ты хочешь знать, что будет,
Когда глаза глядят вперёд, не вспять.
Тогда ты можешь уходить спокойно –
Ты в памяти людей живёшь достойно.

Эпиграмма

Нескромен, нагл, самоуверен,
Стремился лидерствовать он,
И этой цели был он верен,
Хотя не слишком был умён,
И взяв высокомерный тон,
Как фон какой-нибудь барон,
Был обличён, как фанфарон,
Хвастун, трепач и сивый мерин.

Не ждите вы согласья моего,
И от меня не требуйте участья,
Противно склок мне ваших ремесло –
Я не совсем из вашей масти.
Вам мило то, что безразлично мне:
Кто с кем проводит ночи, кто с кем дружит,
Меня такое не волнует и во сне,
Как прошлогодня меня не гложет стужа.
Мне интересно, кто и что читает,
А не что ест на завтрак и обед,
Мне интересны те, кто в шахматы играет,
А кто играет в кости – нет.
Высокомерьем я не унавожен,
Однако различаю я людей

На стоящих и на ничтожных,
На прихлебателей и на друзей.
И не тяните вы меня в компаньи,
Где сплетни злые в воздухе висят.
Мне жаль, что в Ерухаме нету бани,
Чтобы отмыться от таких ребят.

Поём и ноем о своём еврействе
Мы очень громко и на всех углах,
И в голову не взял, что это действие
Нам подготавливает крах,
Рождает ненависть и зависть,
Желанье противостоять,
Критиковать нас, а не славить
И даже нас уничтожать.
Неужли это непонятно
Еврейским мудрым головам –
Ведь это абсолютно ясно
И...дуракам.

Я видеть перестал в том интерес,
Что многим людям очень интересно.
Идей чужих и мнений разновес
Не принимаю я – они мне крайне пресны.
За долгий, слишком многолетний век
Я столько испытал – хватило б многим:
На небеса взлетал и зарывался в снег,
Богат был духом и бывал убогим.
Я сотни разных жизней нёс в себе,
Профессия тому служила,
Я жил в своей, да и в чужой судьбе,
И мёртвым был – уже лежал в могиле.
Всё испытав, прочувствовав, узнав,
Я понял: нет того, чтоб было ново,
Что жизни человеческий устав
Один и тот же ранее и снова.
Есть вечное понятие Добра,
И ЗЛА есть тоже вечное понятье,
И между ними постоянная борьба,
Хоть спаяны они между собой, как братья.
И если, друг мой, это понял ты,
И обе стороны сей жизни признаёшь ты,
Отдельно в каждой ты не видишь правоты,
Не зря ты износил тогда подошвы.
Я к этому пришёл, прожив почти что век,
И понял, что есть жизнь и что есть человек.

Однако, вот беда, до сей поры не знаю,
Как к жизни подходить, с какого краю.

Я сам себе судья, палач и жертва,
Мне дела нет до мнения людей –
Одни позорно льстят, другие ищут ветра,
Чтоб знать – хвалить, иль насылать чертей.
Родимые, ум напрягать не сильтесь,
Все громкие слова ваш отражают вкус,
Или корысть, иль зависть. Не стремитесь!
И ваша лесть, а так же и укус
Не задевают моего вниманья –
Некомпетентны вы, необъективны вы,
Я вышел с вами не на партсобранье,
И слушать не хочу бессмысленной молвы.
Я знаю наперёд, что вы произнесёте,
Коль распахну пред вами душу я.
О,яди милые, о, дорогие тёти,
Для сплетен есть под деревом скамья,
Там и сидите вы в своей икоте.
Мне ж ваших мнений, видит бог, не надо –
Вам своего не уступлю я взгляда.

Бизнесследям

О, женщина, чтоб заслужить твою любовь,
Всё время надо поражать твоё внимание,
Иначе холодности не сорвать покров,
Иначе каменное ты изваянье.
Где страсть, где нежность, где тепло твоё,
Ты даже на мужчин не глянешь,
Ты этим больно сердце ранишь,
И ранишь не моё, своё.
И мужики страдают понапрасну,
Ты холодна к страданьям мужиков,
Тебя заботит лишь, насколько властно
Он подчиняется тебе без лишних слов.
От счастья бабьего бежишь, тебе довольно
Лишь подчинить себе раба
И им повелевать: то «Смирно!», а то «Вольно!»,
Чтоб не считать, что женщина слаба.
По мне прекрасна женщина лишь та,
Что смотрит на мужчин восторженно и снизу,
И сила в том её, и красота.
Я женщине такой на счастье выдам визу.

Уходят из жизни мамонты,

И все забывают о них,
Уносят дипломы и грамоты,
Забрав эпоху и миг.

Кто скажет правду о прошлом,
Оно насовсем ушло,
Тропа заросла порошай,
Как паром окна стекло.

Кто рассказать сумеет
О событиях лет,
Когда и дышать-то не смели,
А радовались от побед.

Странное было время:
Нам бедность в радость была,
Времени страшного бремя
Мы несли на крылах.

Летать мы тогда не смели
И всё же взлетали ввысь,
Да так высоко, что качели
Со скоростью света неслись.

И вырастали прямо,
Не кренились к земле,
Когда мы гордо, упрямо
Скакали в кандалльном седле.

Кто расскажет сегодня,
Как 70 лет назад,
Мы верили, что свободны,
Несмотря на сталинский ад.

И как мы дышали, если
Дышать не давал запрет,
Когда приходили вести
Из стран, где запретов нет.
И как высоко возвышались,
Перерастая порой
Этих, что нас ругали:
Строй, де, у нас крепостной.
И почему так было,
Хотя был страшен быт,
Дух наш высоко над миром
И сегодня парит.

Мне жаль страну, которая не знает,
Какие в мире достиженья и победы вне её.
И глуп тот человек, который не внимает
Чужому мнению, зная лишь своё.

В другой стране спортивные рекорды
И откровенья в области искусств,

Мы ж пользуем привычные аккорды
И наш запас ортодоксально пуст.
Я знать хочу что делается в свете,
Чтоб не отстать, угнаться по следам,
Мне же твердят: еврейские мы дети
И нам не надо знать про то, что там.
Ой, худо, я кричу, мне надоело
Высокомерием своим мир отвергать.
Как надо нам, евреям, делать дело,
А не с высот небес всех презирать,
А так же лучшее, что создано кругом,
Переносить к себе, в родной еврейский дом.

Как жить среди людей несносно,
Как хорошо мне жить с собой.
Я не сторонник мнений косных,
И не стремлюсь в единый строй
Тех, кто ритмично ходит в ногу
Друг с другом, словно муравьи,
Им в жизни нужно так немного –
Лишиь были б лапти, борщ, да щи.
Мне говорят, что у народа
Есть мудрость. Я не спорю, нет.
Но ведь другого мудрость рода,
Где во главе интеллигент,
А где кухарка правит миром,
Там мудрость отдаёт сортиром.

Что делать мне – хочу защиты,
Но только чтоб наоборот:
Мне надо, чтоб мы были квity –
Я раньше вас берёг от всех забот,
Теперь от вас я жду защиты от невзгод,
Коль скоро я бессилием разбитый.
Что делать – старики нуждаются в защите,
Как дети малые, они не могут без неё.
Пусть явится она в любом к ним виде,
Но только от души, чтоб не обидеть,
Не дать утратить им достоинство своё.

О, жизнь! Куда тебя несёт?
И принесло куда – не понимаю.
Мне некому читать стихов полёт,
И я себе тихонько их читаю.
Все эти интернеты, без сомненья,
Технические новшества прогресса,

Лишили человека тяги к чтению
И к книгам нету больше интереса,
Тем более, к стихам, пусть и к хорошим.
Когда же человек книг не читает вовсе,
Становится он туп, как лошадь.
О, человечество, к манкуртству приготовься
Таблицу умноженья знать излишне –
С собой в кармане носим калькулятор,
В извилинах полнейшее затишье,
И скоро их заменит генератор.
О, грусть-тоска, что с человеком стало!..
Я помню время книг, лихих фантазий,
Нам вечно знаний наших не хватало –
Мы книги открывали, как оазис.
И мы тогда росли не в деньги,
А в знания богатства прорастали,
А нынешние: эх, разбогатеть бы...
Стихов они сто лет бы не читали.
О, жизнь, куда тебя несёт,
И принесёт куда – не понимаю!
Мне некому читать стихов полёт,
Я их себе тихонечко читаю.

Святоши-моралисты,
Бороться с вами как,
Вы правдою речисты,
А мыслями нечисты –
Пред вами я дурак.
Да, праведные речи
Из ваших уст летят.
Но фальшью они мечены
Те речи безупречные,
И хочется перечить
Вашим речам подряд.
Когда б вы были сами
Правдивы и чисты,
Я бы не спорил с вами –
Своими вы речами
Скрываете свой стыд.
Меня не проведёте,
Тартюфики мои,
Пускай вам верят тёти.
Вы следуете моде:
Охотно водку пьёте,
А славите чаи.

Я влюблчивый, но должен знать,
Объект любви, иначе не умею
Влюбляться и в себя влюблять,
И даже начинать любовную затею.
Секреты женщины раскрыть
И интересно и опасно –
Она и не красива может быть
И одновременно прекрасна,
И может так забрать тебя в свой плен,
Что о себе охотно позабудешь,
И бесконечных настроений перемен
В ней ты, влюблённый не осудишь.
О, женщина, твои секреты и загадки
Мужчинам бесконечно сладки.

Любовь к себе! Что может быть презренней?
Особенно, когда влюблён в себя мужик,
Когда себя лишь видит во вселенной,
Когда лишь о себе речёт его язык,
Когда собою хвалится влюблённо,
Когда всегда он правым должен быть,
Когда он утверждает чушь упорно,
Чтоб этой чушью всех нас поразить.
Себя он любит, как красу-девицу,
Готов он сам себя... употреблять.
Как золотую, драгоценную вещицу,
Носить себя, как орден надевать.
Считаю, что себя любить мужчине неприлично,
Такое выглядит педерастично.

Нельзя всю жизнь в говне купаться,
Насквозь им можешь пропитаться.
Когда в темнице ты закрыт,
Где света нет, зато есть крысы,
Крысиный обретаешь вид,
В башке крысиные лишь мысли.
И щели ищешь потемней,
Бежишь от света, где ни зги,
И злость в тебе цветёт и зреет,
И рады ей твои мозги.
Прости, тебя не понимаю –
Везде ты ищешь тьму, а я ищу рассвет,
И злобу я твою не принимаю:
Я свету молвлю «Да», а темноте - «Нет! Нет!»

Я – о комфорте пару слов...

Простите, буду резок и суров.

Когда я хожу в гости
И вижу уют и комфорт,
Без зависти и без злости
Плюю на вещей огород.

Мне странно, что людям приятно,
Влезать в вещевой этот хлам,
Слоняться туда и обратно
И поклоняться вещам.

Мне не нужен комфорт и уют,
Я ценю увлечённость делом,
Я тому воздаю салют,
Кто комфорт презирает смело,
Кто не кости греет и глаз,
Наслаждаясь в комфорте уюта,
А тому, кто без страха сразу
В бой бросается там, где смута.
Я имею в виду не кулак,
Чтобы скулы дробить до крови,
Я таких не приемлю драк,
Чтоб бодаться, мыча по коровьи.

Мой уют и комфорт не во вне,
Не для глаза и слуха плебея,
Мой комфорт и уют во мне
И с тобою, моя Рассея.

Он о себе и про себя желает говорить.

И всем он хочет вокруг себя казаться
Не тем, что есть он, чтоб меж ними слыть
Примером, идеалом – не добраться
И не вскарабкаться до высоты,
Где видит он себя с Монбланом рядом,
Где он с Богами обращается «на ты»,
И где Господь гордится своим чадом.

А прав ли он в сужденье о себе,
Или хитро скрывает недостатки,
Зачем копаться мне в его дермье,
Неинтересно это мне и гадко.

Коль хочет выглядеть он выше всех,
Пусть лезет вон из кожи, строит рожу,
Но только вряд ли это даст ему успех,
Так как он пасётся не в горах, а у подножья.
Пусть надрываются, чтобы поднять себя
Чтобы казаться всех умней и выше.
Напрасный труд. Не стоит и рубля.
Его я не хочу ни видеть и ни слышать.
И терпит же таких земля!

О нём же

Чтоб языком молоть глупейшее сужденье
И верить в истину его,
Необходимо проявлять полнейшее презренье
К объекту трёпа своего.

Ему неважно – мудрость, или глупость
Из уст его слюнявит грудь мою,
Он может даже понимать, что тупость
Он изрекает не свою.

Но он не хочет логике поддаться –
Она не для него, и он не нужен ей,
Ему необходимо оказаться
И в глупости других глупей.

Победы жажды, славы и признанья
Ему, как воду, хочется испить –
Он обезвожен. Но кипит желанье
Других казаться выше. Пусть не быть.

И снова о нём

Дурак ужасно хочет умником смотреться,
Как можно отказать ему в таких правах?
Ему ведь всё равно от глупости не деться –
Она всегда при нём, в глазах, в словах.

Мечтает выглядеть высоким низкий,
Поэтому на цыпочки встаёт,
К высокому он не подходит близко,
Чтоб патошонством не смешить народ.
Бездарность притворяется талантом,
Свои успехи возвышая до небес,
Потливый душится приятным ароматом,
А кустик думает, что он дремучий лес.
Злой нацепил приятственную мину,
Чтоб спрятать злобу на лице,
Преступник выглядит, как чистая невинность,
Дешёвка смотрится превыше всяких цен.

Я не хочу о вкусах пустословить,
Но есть хороший вкус и вкус плохой,
И вкус плохой стремится прекословить
Хорошему, считая лучше свой.

Устроено всё в мире справедливо:
Нет равенства в природе, средь людей –
Есть Фёдор Достоевский, есть и чтиво,
И всё находится на высоте своей.
Донцова замахнулась на Шекспира,
И к этому она почти близка,

А Алла превращается в кумира,
Моцарта отравив, который на века,
Наверное, Апокалипсис на дворе
И пастернаковский вопрос излишен детворе.

Историю историки нам пишут
И городят в зависимости от...
Какая власть им продиктует её свыше –
Такая ли, или наоборот.
История – большая проститутка,
И продаёт себя тому, кто посильней,
Был Сталин, и при нём жить было жутко,
А по истории – не было у нас счастливей дней.
Но Сталин кончился, пришло другое время,
И прошлое историей дано,
Как страшный сон, случившийся со всеми,
Что было в нашей жизни, не в кино.
Когда слова я слышу: он историк,
То цену я ему уже определил:
Он врун, он трус, с ним дружбу весть не стоит,
Он сам профессии своей достоин,
Так как историей он истину убил.

В религии нет ничего плохого,
Я даже бы сказал – наоборот:
Её воистину прямое слово
Мораль высокую несёт.
Когда б мы следовали ей открыто,
И не пытались бы обманывать себя,
Мы б не считали, что законы быта
Важнее, чем законы бытия.
Нас посещали бы мгновенья счастья
И благородство жизненных шагов
Значительно уверенней и чаще.
Как защищает мать своих сынов,
Так нам религия даёт своё участие.

А книги надо бы читать,
Не перелистывать,
Не торопливо изучать,
И пристально.
По предисловью не поймёшь,
Ну... познакомишься,
Не поумнеешь ни на грош
И опозоришься.
Любая книга нам урок,

Она обогащает впрок,
Вооружением она
Нам служит,
Ею душа твоя полна,
Коль сам не чужд ей.
И не про книги надо знать,
А книги,
Подробно надо их читать,
Не мигом.
Для знания нужны старания,
Нахватанность равна незнанию.

Я, как вампир, пытаюсь им.
Всё от него. Он не даёт мне спать.
Не только болтовней, присутствием своим
Вгрызается в меня он снова и опять.
И с каждым словом, что он произнёс,
Я за него испытываю срам
И отсекаю, как каменотёс
Ненужный мрамор отсекает в хлам
И всё же благодарен я ему:
Он не даёт моим извилинам срастись –
Я слушаю его, молчу, понять хочу
Его речений муть и слизь.
Я не бегу от встреч с глупцом,
От них умнею я. Спасибо и на том.

Провозглашая правила игры
И утверждая их упрямо,
Соотноси ты с ними свой порыв,
Чтоб не упасть глубоко в яму.
А коль не можешь соблюдать
Заявленных тобою правил
То не садись тогда играть –
Пред нами ты себя оставил.
Соотношенье слов и дел –
Необходимое условье
Для тех, кто огласить сумел
Высоких правил предисловье.
Тебя не гоним мы, играй,
Но правила не нарушай.

Ментальность, иль менталитет...
Ах, это хитрое словечко,
Оно приносит массу бед
Всем, кто характером овечка.

По-волчьи жить привычка многих,
Такой у них менталитет,
Они недавно из берлоги,
Но возмечтали выйти в свет.
Их главная задача хапнуть,
Урвать побольше, сытно жить,
И грязные их волчьи лапы
Свою являют всюду прыть.
Я жду, когда овечки тоже
Сумеют пальцы сжать в кулак,
И хаму надавать по роже,
Чтоб хам испытывал бы страх
И на ментальность не ссылался,
А честно б пред людьми признался,
Что он мерзавец и подлец
И хочет жить за счёт овец.

Вот чёртовы ноги, болят и болят,
Не в силах они волочить тощий зад,
Не могут и тело нести далеко,
Хоть нету на них тяжеленных оков.
Пошёл и не знаю, дойду, или нет,
Присяду в пути на пустой парапет,
Когда отдохну, то ещё сто шагов
Пройду и опять отдыхать уж готов.
И сердце стучит, и дыханье пыхтит.
А как посмотреть на меня, то мой вид
Моей слабины не покажет, о, нет,
На старость себе наложил я запрет.
Вот и играю в здоровье, гляди:
Как будто бы всё у меня впереди.
Так старая баба морщины лица
Скрывает под пудрой в тени деревца,
Так клоун больной развлекает народ,
Который комедий от клоуна ждёт.
Вот и играем комедии мы
Пируем и славим застолье чумы.
О, жизнь! Ты – театр комедий, игры,
В тебя мы играем до смертной поры.
Finita Comedia только тогда,
Когда до конца исчерпаем года.

Я часто размышляю о войне,
Но не об этой, или той конкретно,
А вообще войне, как о вине
Фанатов благоглупостей несметных.

Высокие идеи, что несёт
Религия, как смысл существованья
Рождает столько человечеству хлопот
И страшных мук и горького страданья,
Грозящих человечеству войной,
Враждой и ненавистью, злобой и проклятьем,
Поскольку нет религии одной,
И люди далеко не братья.

Ещё ничто не порождало столько войн,
Как нацпатриотизм, нацсознанье,
Апломб у каждой нации есть свой,
Амбиции свои без меры и без грани.
Все избранными жаждут мнить себя
И завоёзывают силой это право:
Моя национальность и земля
Превыше всех других по божьему уставу.
И снова бой, война, за избранность и власть,
И жажда диктовать свои понятия миру,
И эта низкая амбиций страсть
Нас заставляет надевать мундиры,
Идти войной, стрелять и сеять смерть,
Нести разор, трагедии и стоны.
Виновны в этом «избранность» и спесь,
Отсюда Гитлер, Сталин и Нероны
О, человек, к чему же ты идёшь,
Когда религия и нацсознанье
В больных мозгах твоих вершат правёж,
И разрушают мира созиданье?!

Человека губят страсти –
Страсть к богатству, страсть в любви,
Коль у страсти ты во власти,
Так добра себе не жди.
Страсть поглотит дарованье
И достоинства твои,
Принесёт одни страданья –
В том ты сам себя вини.
Ты, отдавшись бурной страсти,
Потеряешь свой талант,
Обретёшь одни напасти,
Неразумный мой собрат.
Отдал страсти всё, что мог,
Стал пустой ты ничевок.
Но зато...другим урок
Впрок.

Они что там в Запорожье

Все такие, или нет?

Друг на друженьку похожи,
Тем, что свой болтают бред.

Балаболят, как сороки
Убеждённо и без пауз –
Знаний всяческих истоки
Они вкладывают в нас.

Чтоб казаться нас всех лучше,
Чтоб у всех быть на виду,
Благоглупостями мучат,
Без стесненья учат, учат,
Изрекают ерунду.

Треляляют, щебечут,
Свой роток боясь закрыть,
Видно, украинска сеча
Породила эту прыть.
Их понос словесный ясен:
Стыдно быть других темней
Среди прочих всех людей,
А охота быть прекрасней,
Лучше, выше и умней.

Такое поведение –
Глупость от рождения,
Иль от воспитания
Эта мания?

Я изливаю душу на бумаге,

С ней о своей судьбе я говорю.

Когда бы мне хоть чуточку отваги,
В которой над землёю я парю,
Мне б в жизни применять умело,
Чтоб добиваться радости побед.
А то я только в поднебесье смелый,
А на земле, простите, нет.

Готов любому я невеже, хаму
Местечко уступить, чтоб не шумел...
То ли меня так воспитала мама,
То ли я сам для хамства не созрел.
Извилины мои не принимают быта,
В котором я живу и все живут,
Я не хочу кормиться из корыта,
В которое обычно все плюют.
Не придираюсь к этому я быту –
Что делать, виноват, он не по мне.
К себе я придираюсь, что «Закрыто»

Передо мной висит у быта на спине.
В него я тычусь, набиваю шишки
Об острые углы невежества и зла.
И вывод я делаю: я ныне лишний,
Моя эпоха уж давно ушла.

Презрения заслуживают те,
Кто озабочен лишь богатством
И у кого важнее нет проблем,
Чем деньги, золото и... пьянство.

Я нагло право взял себе
Их презирать, как недоумков
И не завидовать судьбе
Рабов роскошных переулков.
Ведь деньги им не сберегут
Порядочность и благородство,
Поскольку денежный их блуд
Есть знак морального уродства.
Их страсть наживы не по мне.
И ясный день и солнца луч
Блеск денег делает темней.
Не видно солнца из-за туч.

Электрификация! Механизация!
Всему своё время.
Нынешняя всеобщая политизация –
Злое семя,
Преступление века!
Войны, ненависть, молния, гром.
Политизация человека
Мир превращает в дурдом.
Вместо того, чтоб пахать и сеять,
Рожь молотить и варить металл,
Все, как лошади ржут и блеют –
Их жжёт политический перекал:
Всё глухо, всё глухо –
Сплошная чернуха,
И ничего хорошего нет,
Все знают как надо,
Чтоб все были рады –
У всех на всё готовый ответ:
Надо бы эдак, но только не так.
Готовый же знает только дурак.
Глуп и неверен его рецепт,
Но ему на это плевать,
Он убеждён, что его бред

Миру несёт благодать.
Политика, это, конечно же, грязь,
Но не профанье дело,
И делает её не всякая мразь
И не мощь голосовых децибелов.
Учёный творит науку всерьёз,
Искусство творит актёр,
А ты не суй в политику нос –
Ты же электромонтёр.
Кухарке надо варить еду –
Уж такая её профессия.
Творить политическую белиберду –
Дело политмракобестий.

Невежа и дурак учёным мнит себя
И изрекает чушь авторитетно,
Довольный сам собой, себя любя,
Он упивается собою беззаветно.
У всех он вызывает только смех –
Он открывает нам глаза и уши
На ерунду собачью и всех
Считает глупыми детьми, что бьют баклушки.
Он учит, он советы всем даёт
С апломбом знатока, не дай бог возраженья,
Его словесный мусоропровод
Не знает ни усталости, ни лени.
Когда я слушаю такого мудака,
Я вижу: он испытывает счастье,
Меня съедает грусть-тоска:
Ах, боже! Почему я не такой же масти.

Переживать несчастья нету сил,
А радости меня уж не волнуют,
Что делать, если час пробил?
Осталось ждать немого поцелуя.
Что принесёт последний поцелуй –
Страданья, или лёгкость дуновенья?
А может новую начнёт игру,
Чтоб возродить во мне цветное пробужденье.
И засверкает красками весь свет,
Тепло почувствую и холод,
И стану снова молод, как валет,
Иль, как король, который вечно молод.
Я жду тебя, последнее лобзанье,
Как молодой повеса ждёт свиданья.

Я прожил на своей земле, не на чужой,
Чем стал, чего достиг, на ней добился,
Хотя бывало всякое со мной,
Как и со всеми, кто с Театром слился.
Бывал успех, бывал и неуспех,
Бывал я сильным и бывал бессильный,
Бывало так: все за меня, а я за всех –
Бывало был живой, бывало и могильный.
И даже в старости, бывало, молод был –
Творил, страдал, любил. А это ль не основа
Всей жизни нашей. И сейчас я снова
Готов любить, творить, по мере сил.
Творить в искусстве и сгорать в любви
И созидать со страстью, упоённо,
И если прочно ты касаешься земли,
То рвётся к небесам душа упорно.
Но то ли небеса упали на земль
То ль окунулся я в чужой маразм:
Тут лишь религия и деньги – дух и плоть,
Всё, что мне чуждо. Побороть
На сей святой земле я это не могу.
А потому замолк. Молчу.

Я не умел сопротивляться жизни,
Она меня сшибала вечно с ног,
Но я не предъявлял ей укоризны,
Воспринимая это, как урок.
Но обучить меня не смог он –
Каким я был всю жизнь, таков я и сейчас
Уж видно, так угодно было Богу,
Родители исполнили Его наказ.
Я на Него отнюдь не обижаюсь,
Тем более не верю, что Он есть,
И от себя ни капельки не маюсь,
Несу легко достоинство и честь.
И трезво жизнь вокруг себя воспринимаю –
Одни ласкают, а другие лают.
Те и другие меж собою боятся на смерть.
От этих битв и войн над миром солнце гаснет.
Мне страшно за судьбу земли людей –
Её грядущее не станет ли темней?!

Казённые слова мне ненавистны,
Они фальшивы, истины в них нет,
Они звучат в ушах моих лишь свистом
Во мне не находя ответ.

Но есть другие особи на свете,
Им подавай казённые слова,
Слова же от души для них, как ветер,
Как вялая, пожухшая трава.
Стандарт, клише, стереотип дороже,
Да и понятнее – они привыкли к ним,
Когда бы сами думали, быть может,
Жизнь узнавая не из СМИ, а содранною кожей
Они бы верили другим словам, живым,
Я обращаюсь к вам, бежавшим из Отчизны –
Не верьте штампам лжи, вернитесь к жизни.

Начитавшись предисловий

И усвоив их сполна,
Он на украинской мове
Повторяет их слова,
Выдавая за свои –
Ведь своих-то мыслей нету,
Повторяет ночи дни
И зимой и летом.
Но однажды прочитав
Чуточку другое мненье,
Шепеляв стал и картав –
Умноженье свёл к деленью.
Смысла не усвоив, глядь!
Стал другое утверждать –
Надо же себя казать,
Не терять чтобы апломба.
И слова его, как бомба,
Чтоб бомбили, не унять.
Только смысл в них был другой
И опять чужой, не свой –
Новых ярких предисловий,
Что зависят от условий
И, как следствие, от СМИ,
Что долбят в нас их статьи.
Мораль:
Предисловий не читай,
Даже зад не подтирай.
И ещё:
Не считай себя всенакой,
Начитавшись бяки всякой.

Вразброс все мнения.

Что делать человеку?
В одно уверовать нельзя,

Другие ж не петушки кукареку,
В них тоже правда есть, хотя не вся.
Вот и мотаемся меж мнений разных –
Куда податься – истину найти?
Своё! Своё иметь! Вот принцип важный,
И только он ведёт в пути.
Своё. Своё. И чтоб не расплескаться,
Чтобы себя в пути не потерять,
За мнениями не следует гоняться,
Хотя не худо бы их знать.
Но если мнения своего в помине нет,
Ты не присваивай себе всех мнений бред,
А уж тем паче мнения газет.

\\\\\\\\\\

Мнений нету объективных,
Что пронзают оба уха,
Как бы не были активны
И приятственны для слуха.
А уж если неприятны,
То опять необъективны,
Как бы не были заняты
Доказательств их картины.
Чьё-то мнение, чьи-то думы
Не зависят от объекта,
Даже у субъектов умных
Всё от самого субъекта,
Совести его и нервов,
От его ума, настроя,
Точки зрения, во-первых,
Во-вторых, всего иного:
С кем он дружит, с кем он служит,
И кому он угождает,
И в кого его оружье
Мажет, или попадает.
Мнения чужие вредны
Для здоровья и для дела,
Вы гоните их бесследно
И пускайтесь вплавь пресмело,
Мнению своему согласно,
Без сомненья, самовластно.

Мужчину болтовня не красит,
Молчание – мужской удел,
Тебя ж обуреваают страсти
Молоть словесный беспредел,
О том, что знаешь и не знаешь,

О том, что даже не слыхал,
При этом не переживаешь,
Что трёп твой глупостью звучал.
Ты вешаешь лапшу на уши,
Считая дураками всех,
Тебя никто не хочет слушать –
Ты вызываешь только смех,
Смех над собой, глупцом, нахалом.
И дети, с коими ты был
На пионерском карнавале
Вожатым средь ночных светил,
В те лучшие твои года,
Ни в коей мере, никогда
Тебя не уважали.

Я, может, и имел врагов,
Но сам ни для кого врагом я не был.
К одним я более бывал суров,
К другим бывал нежнее почек вербы.
Я не знаком был с завистью, считал,
Что место каждый занимает по заслугам,
Но не любил, когда хвалили за провал
Лишь оттого, что тот тому был другом.
Я мненье для себя берёг своё,
Навязывать его считал нескромным,
Когда нуждались в нём, давал в наём,
Пытаясь делать это, не топорно.
Я радовался радости друзей,
Их беды, горести, считал своими,
Я не бывал на стороне судей
И избегал порочить чьё-то имя.
Своих героев я старался оправдать,
А среди них мне повстречался Гитлер,
Я в нём причину Зла пытался разгадать,
Всей радугой цветов, всей радугой палитры.
Оценки «плохо», «хорошо» не для меня –
Есть в «плохо» «хорошо» в «хорошем» «плохо»
Жизнь – не водопроводная струя,
Не ручеёчек узкого протока,
Она – разлив течений разных вод:
Рек и морей, озёр и океанов,
Стремлений буйных бурный хоровод,
Вобравший сотни Тор и сто Коранов.

Я верить в Бога людям не мешаю,
Но пусть они мне не мешают жить,

Пусть выпивают вместе с Богом чаю,
Я и без Бога буду водку пить.
Какого чёрта мне повелевают,
С кем есть и спать, и с кем дружить,
Я с ними в эти игры не играю,
Я лучше буду злую водку пить.
Я Бога не видал, откуда знать, что есть он,
И где ему неймётся вечно быть,
Пусть он хорош собой и даже пусть прелестен,
Пусть, с ним не хочется мне водку пить.
Коль вы Его придумали себе,
Ну, и молитесь вы ему о собственной своей судьбе –
Фантазии естественно любить.
Но ради бога, не вяжитесь вы ко мне,
Я и без Бога буду водку пить.

Газет принципиально не читаю,
Бездарные картины не смотрю,
Политикой себя не загружаю,
Любовью я к начальству не горю.
Пусть всё течет, как в сточную канаву,
Где грязь полощется в размытых берегах,
Пусть этой грязью мажут свою славу,
Испытывая вечный перед народом страх.
Пусть радуются жадною любовью
К себе, к своим сомнительным делам,
Чудесною себя считая новью,
Что строит, вроде б, для народа храм.
И про свои деянья сеют мифы
На час взошедшие на трон халифы.

Где правды нет, там нет Искусства.
Какой же надобен талант,
Чтоб там, где место было пусто,
Великий родился Атлант.
Как стать могло, что на мякине
Взошёл прекрасный вкусный хлеб?
Иль песня словесья на льдине?
Иль радуга для тех., кто слеп?
Но я же помню: были, были
Шедевры поднебесных сфер,
Не в мифах были эти были,
Я помню не один пример.
И знаю сам, не по рассказам,
И это подтвердить могу.
Куда же вдруг исчезли разом

Они в сегодняшнем чаду?
А может, я с моим подходом
Не вижу достижений тех,
Кто по бандитским хороводам
Пустил Искусство для потех.
Я напрягаюсь и стараюсь
Увидеть в этом шаг вперёд,
Но с каждым шагом убеждаюсь,
Что мы даём обратный ход.
Исчезли люди на экране,
А вместо них стал пистолет
Героем на экранной драме.
Людей с характерами нет,
Есть экшен и мельканье кадров –
Мы клиповостью их зовём,
Нет личностей – сплошное стадо.
По стадности у нас подъём.
А впрочем, так, наверно, в жизни –
Нет личностей в моей Отчизне.
И стадность тоже убывает,
Когда живое убивают.

Наш смельчак Мушкатин Игорь
Вынул из карманов фиги,
Смело бросился в атаку,
Не испытывая страха,
На того, кто мёртв давно,
Потому и безопасен –
Можно фигами его,
Можно строчками из басен,
Бить с плеча, разоблачать,
Хоть король давно уж голый,
Герроизм проявлять,
Трупу наносить уколы.
Где ты был, когда он жил
И какие пел ты песни?
Ты ему тогда служил
Верой, правдой, страстью, лестью.
Были ль фиги в тех карманах,
Или не было и их?
А теперь во имя маней
Ты придумал сотни фиг.
С пеной на устах и страстью
Ты бросаешься на труп,
Рвёшь на малые на части,
Не боясь ответа в зуб,

Зная, труп не шевельнётся,
Не ответит, не отмстит,
И тебе не приведётся
Утерять свой бравый вид.
С трупом безопасно в бой
Выходить, подняв забрало –
Не рискуешь головой
Ни в конце и ни в начале.
Можно даже оболгать
В смерть поверженного бяку,
Можно и героем стать...
Но по-моему ты – слякоть.
Лучше б поберёг задор
Для того, силён кто властью,
А то прячешься, как вор,
И бежишь ты от напасти.
Не скажу тебе я «Здрасьте!»,
Я тебе скажу «Позор!».

Теодоракису не протяну я руку
И Вагнеру не дам у нас звучать,
Они меня не любят, суки,
И я хочу им тем же отвечать.
Один антисемит, другой не лучше,
Хоть гении великие они,
Но я еврей, а быть евреем круче,
Чем немцем, или греком искони.
И Пушкин недолюбливал евреев,
И Достоевский, Гоголь, Пётр Ильич,
Пожалуй, даже вся Россея
Не стала о евреях бы тужить.
Меня сам Бог вознёс над всеми,
Так Он решил, и свято я несу
Его завет, как основную тему –
Я, как Нарцисс, влюблён в свою красу.
И не позволю гениям каким-то
Недобрые обо мне произносить слова,
Какие б не были у них для этого мотивы,
Какие б не были у них права.

Спасибоchко, Марго, что повод мне дала
Прикинуть, кто же я на белом свете –
Еврей, иль Человек? А может быть, смола,
Прилипшая к России – быть с ней вместе?
Совместно проживать и вместе погибать
С моим народом было мне не страшно,

Отстраивать страну, детей рожать
За Родину идти на рукопашный.
Так думали всегда евреи все,
А Алигер Марго себе кричала «Браво!»,
Ведь не её распяли на кресте,
А Зою, подарившую ей славу.
Мне в голову такая мысль не лезла –
Себя от россиян всех отделять,
В Израиле зачем-то кажется полезно
На этом обязательно играть.
Вторая мировая, что прошёл я,
Была Отечественной всем и для меня,
Я воевать за Родину был должен –
Её народы были все – семья.
Или мы разными народами считались?
Я что-то не припомню этот факт.
Все россияне сообща с врагом сражались,
Немецкий же нацизм был наш враг.
А впрочем, я не разделяю мненья:
Нацизм только с немцами в связи,
Сегодня есть и у других народов рвенье
Себя перед другими вознести.
При этом ищут и находят божье слово,
Чтоб выше прочих всех себя пронесть.
О, боже! Это ж гнусно и не ново.
Чем ниже человек, тем выше спесь.

Я никогда не буду одинок,
Пусть даже рядом нет живой души,
А только стены, пол и потолок,
Да дом стоит в немой глухи.
Того, кто одинок, спасти не может
Толпа и даже смех вокруг –
Над чем толпа хохочет вплоть до дрожи?
Над тем, что не смешно – паденье, скажем, в люк.
Мне очень грустно от такого смеха
И мерзко, одиноко уж вдвойне.
«Упал!», орёт толпа. «Смотрите, вот потеха!»
Её смешливость не по мне.
Нет, мне не скучно и не одиноко,
Хоть дом мой пуст и от молчанья нем,
Но мне не надо электрического тока,
Я вечно полон множеством проблем:
То я стихи пишу, то прозу сочиняю,
То в книги погружён, то в шахматы играю,
То я готовлю харч и ем его, то сплю,

То вспоминаю тех, кого люблю,
Или любил – знакомое, родное,
Они стоят живые предо мною,
Живут они и в памяти моей,
Одних играл – они живых живей,
Другие были рядом, как друзья,
К ним до сих пор горюю любовью я,
А коль в душе любовь не угасает,
Воспоминания коль память согревают,
Уж не до скуки тут, и ты не одинок,
Не давят на тебя стол, стены, потолок,
Приятен даже дом, который нем.
Прочь одиночество, с ним связанных проблем!
Ах, как бывает одиноко средь людей,
Когда они тебе неинтересны,
Тогда и ночи кажутся темней,
Пол, стены, потолок тогда и вовсе тесны,
В себя уже не убежишь – найдут
И вгонят непременно в скуку:
Общения бессмысленного суд
Даёт им право в душу лезть без стука.
От них не отгородишься стеной,
Ни потолком, ни полом и ни дверью,
Оружием у них их лицемерье,
Они прилипчивы, как геморрой.
Вот с этими я жутко одинок,
И давят на меня пол, стены, потолок.

Плохой поступок жаждет оправданья,
Его находит он – кто ищет, тот найдёт,
И обретает иногда он пониманье,
Коль оправдание себе произнесёт.
Поступку доброму не надо оправданья,
Ему выискивать не надо цель,
Не надо добиваться и признанья,
Он – соловычная естественная трель.
Мы созданы затем, чтобы творить незлое.
Зачем же мы творим бесчисленное зло?
Потом оправдываемся даже пред собою:
Я не хотел, ошибся, занесло.
Уж коль ты совершил поступок гадкий,
Оправдывать себя не торопись
И не беги в кусты от правды-матки,
А устыдись и повинись.

Он подлости своей придумал оправданье,

И потому он стал ещё подлей,
Глаз голубой, а в нём старанье
Скрыть низость совести своей.
Голубизна очей не скроет страха,
Как бы спокойно не дышала грудь.
Как не застёгивай её, она, рубаха
Прикрыть не может подлецкую суть.
И за улыбкою скрыть подлость невозможно,
Коль есть она, не спрячешь, коли есть,
Вроде спокойный взгляд, но выглядит тревожно –
Боится, что его настигнет месть.
Конечно, надо бы мерзавцу врезать...
Уйду, чтоб руки не марать о мерзость.

Конец, конец! Конец настал –
События жизни уж не глажут
Стихи писать я перестал,
Привык не возмущаться ложью.
Ем кое-как за кусом кус,
И вкус еды не различаю –
Мне одинаковы на вкус
Стакан вина и чашка чаю.
А может быть, меня уж нет,
В жизнь эту только я играю?
В вопросе этом есть ответ,
Которого я избегаю:
Быть может, умер и живу?
А может быть, живу и умер?
Я напрягать свою главу
Не в силах в человечьем шуме.

Я на вопрос не нахожу ответ,
И это меня страшно глажет
Уже подряд немало лет,
Хотя вопрос не слишком сложен.
Сейчас его поставлю чётко
В который раз я для себя,
И снова не найду я кротко
Смысл своего я бытия.
Вопрос: зачем и почему
Всю жизнь мою я был обласкан,
Любим, простите, под завязку,
Желанен был у всех в дому,
Как муж, глава семьи, хозяин,
Чем быть я никогда не мог,
В постели, да, я был отчаян,

В дому, в хозяйстве – ничевок?
По что во мне нуждались бабы
Я не постиг. Хозяин им,
Или глава семьи хотя бы
В дому всегда необходим.

Мои ж занятья, увлеченья,
Професья не нужна была,
Со мною были им мученья,
Пусть радость, но и кабала.
Так не нашёл я на вопрос
Ответ, и до сих пор не знаю,
Зачем я жил, зачем я рос,
Зачем на сцене я играю?..

А суть вопроса не во мне,
А в том, что за собой оставил:
Два сына – Виктор и Андрей,
Вот кто меня добром прославил.
Ещё Яир, Рой, Иегуда –
Прелестные мои внучата,
Мои родные Яшунята.
Всё остальное ерунда.

А старший сын мой, Валентин,
Сибирский, мой далёкий сын,
Хоть мне не пишет он сегодня,
Всегда с любовью его помню.
И сын его, мой внук и тёзка...
Хоть я его и не видал,
По письмам понял я, что Гошка
Друзьям отличным другом стал,
А это ли не идеал?!

Вот, наконец, и обнаружил
Смысл своего я бытия,
И только этим был я нужен,
И значит прожил я не зря.

Меня Израиль не разлучил с Россией,
Наоборот – плотней соединил,
Хотя я в старости своей бессилен
Напрячь на пользу ей остатки сил.
Что я люблю в ней? Отчего я с нею?
Ответ мой прост: его не знаю я!
Быть может, потому, что я не смею
В её глаза глядеть ни ночью, ни средь дня.
Мне стыдно, злость к себе меня сжигает
За то, что скрёг я за собою корабли,
Любовь к России, не моей уж, только расцветает,

Хоть от неё оторван я дистанцией земли.
Но расстояние в любви мне не помеха –
Она – моя любовь, она – моя утеша.

О жизни, о своей, болтать мне неохота,
Чего о ней болтать – печалить только всех,
Ну, было, было и весёленькое что-то,
Но мало, мало для того, чтоб вызвать общий смех.
А драм у всех и так поднакопилось,
Но только нынче их не модно обнажать,
На смех пустой мы не жалеем силы
А слёз нам жаль на драмы отдавать.
На чёрта знать нам про различные печали,
Особенно про чьи-то, не свои,
К трагедиям людей мы стали твёрже стали,
И наши чувства хладны, как гранит,
А слёзы пусть текут от смеха,
Несчастия других для нас потеха.
Смеши нас жалкий шут. Оставь свои страданья.
Трагедии свои брось смеху в хохотанье.

Меня всегда несли мои шальные ноги,
Да я и сам их заставлял себя нести
В те дебри, где ещё не хожены пути,
По тропкам, чтоб расширить их в дороги.
Бывало, я внедрялся и в проспекты,
И в тупиках я застревал не раз...
Картины жизни вижу я конкретно,
Как в храм вошедший зрит иконостас.
На них, картинках этих, мой герой
Стоит живой передо мной.
Ужели это я? Не старый, молодой?
Так почему ж теперь я стал другой?
Однако, всё ещё я до сих пор живой,
Богат, иль беден собственной судьбой.
И если я сегодня как-то жив,
То в сих картинках моей жизни лейтмотив.
И хоть на них я сам себя не узнаю,
По ним забытую читаю жизнь свою.

О, как поносит чернь азартно
Того, кому лизал прежде зад:
Россию Украина кроет матом
На свой хохлацко-самостийный лад.
Россия, геть! Геть, москали, с Украины!
Мы не окраина, мы ныне пуп земли,

Великая Украина – не окраина
Какой-то нам неведомой Руси.
Нацспесь историю нам выдаёт другую,
Не ту, которая была в веках,
Россию ненавидя, как чужую,
Испытывая перед нею жуткий страх.
Она влиянье на себя России отрицает
От комплексов плебейских и больных,
Их сеча запорижська вдохновляет,
Мечта возврата к ней захватывает дых.
Мне жаль народ – он пятится назад на сотни лет.
Что если дать ему исполнить свой нацбред?!

Кто там сказал, что небожитель я?!

Нет, нет, я никогда на небе не был!
Я просто по земле идя,
Не замечаю тёмных туч на небе.
Я плохо плаваю, однако не тону
И выплываю к берегу крутому,
Не вою по-собачьи на луну
И не желаю бед своих другому.
Несу свой крест, как нёс его Иисус
По крёстному пути аллеи Де-ля-Роса
И верю, что его я пронесу,
Какие б не были в пути торосы.
А тучи тёмные...прносятся. Они,
Нам оставляют солнечные дни.

О патриотах сказано немало...

А кто такие, эти патриоты?
Пожалуй, надо б разобраться для начала,
Что б патриотом называть кого-то.
Под это слово вешали и били,
Под это слово героизм лепили,
Под этим словом ненависть скрывали,
Отцов под этим словом предавали.
Когда патриотизм есть на деле,
О нём не следует на всех углах кричать,
Ну, разве что любовнице в постели
О нём ты можешь на ухо шептать,
Что б все через неё узнали,
Что твой...патриотизм твёрже стали.

Я про Израиль мало знаю,
Не оттого, что интереса нет,
А потому, что без конца и краю

Долбят мне про него бескрайний бред.
Когда в меня с утра до ночи
Вбивают пропагандою лихой
Об Исторической, святой и непорочной,
Её пороки предо мной встают горой.
В Израиле мои родные внуки,
Им жить в нём, я хочу, чтоб хорошо,
Чтоб их бы не коснулись муки
Через которые в Израиле я прошёл.
Моя любовь к стране, в которой я родился,
Где рос и жил, она – любовь моя,
Я за неё в войну с оружьем бился,
Там моей кровью смочена земля.
Мне дорога она и кажется безгрешной,
Хотя она всех более грешна.
Мне жаль её. Я тамошний, не здешний.
Живу я здесь, но там моя страна.
Я там востребован был и, казалось, нужен
Всем, с кем я прожил чуть не сотню лет,
Там я нашёл себя и обнаружил
Всё лучшее в себе – его простыл здесь след.
Оно на сей земле не нужно, лишне,
Зачем мне, старику, здесь честность и талант...
С порядочностью тоже надо быть потише,
Иначе на тебя найдётся компромат.
Я, как Антей, с землёй своей был связан,
Земля Израиля меня лишила сил,
На Исторической я потерял их сразу,
Отбросив пару ещё крепких крыл.
Иная жизнь, иные интересы,
Они неинтересны мне:
Мошенничество, власть, деньги, политесы –
Вот движущие силы в сей стране.
Виновен – у меня они другие.
Я должен, знать был, еду я куда,
Что тут царят не те стихии,
Согласен, что я глуп, но мне они чужие
Я не дорос до них, я им чужак.

Печальное явление на свете –
Отцы и дети.
Отцам – всё кажется не так: всё плохо, глупо
Воспринимают дети всё, как норму, идеал.
Все власти для одних предельно тупы,
А для других – то мудрости накал.
Друг с другом не согласны поколенья,

И в этом суть печального явленья:
Непонимание ведёт к беде,
И несогласие – к вражде.
Страдают все – и взрослые и дети,
Страдает и страна от разобщенья,
И разных убеждений разноцветья
Ведут к грехам и всяkim прегрешеньям.
Грехи, пороки, прочие несчастья,
Цветут на почве несогласия.

Я знал всегда – корона не спадёт,
Коли откроюсь в слабости своей,
Уверен был, как раз наоборот –
Так вырасту в сознании людей.
Моё признанье в том, что я глупец
Меня не приземлит и не изменит,
Ведь каждый понимать обязан, наконец,
Что он отнюдь не гений.
Всезнайками себя считают те,
Кто знаньями и мыслию пуст и беден,
И предаются сладостной мечте,
Что самый умный он в любой беседе.
Затея глупая, и всем она видна,
И только он не замечает это,
Во мнении людей исчерпан он до дна,
И не прольёт он ни на что капли света.
Пора уже, пора понять ему,
Что он у своего ничтожества в пленау.

О, внуки милые, прелестные внучата,
Какая радость видеть вас,
Растёте и цветёте, как рассада
И озаряете мне слух и глаз.
Без вас становится ужасно скучно,
Пустеет дом – он тих, он нем и глух,
Я задыхаюсь в нём, мне душно
Без детской суеты, что греет слух.
Когда вы появляетесь нежданно,
Щебечете детячым языком,
Я пьяным становлюсь, хоть и не пьян я,
И ощущаю в горле смеха ком,
Но вот вы улетели – вас уж нет,
И погасили в моём доме свет
Своих улыбок, щебетаний.
И я живу в тоскливом ожиданье,
Жду встречи с вами вдругорядь...

Дождусь. Уедете. И снова буду ждать

Глупец не признаёт себя глупцом,
Уверен он, что он умнее всех,
И у кого-то будет он иметь успех
И даже будет награждён венцом.
 Вот умному сложней, он не считает
 Себя умней других, сомнениями он полон,
 И кажется ему, что глуп он – он смятён,
 И мучается тем, что ничего не знает.
Так жизнь распределила роли их.
Несправедливо? Правильно, пожалуй!
Глупец в начальстве бед творит немало,
А умный создаёт и строит – так привык.
 А если бы наоборот всё было,
 То жизнь бы на земле успешно застыла:
 Глупец не может сам творить,
 В начальствах может только быть.
Так жизнь распределила роли:
Ум хитрости лишён, хитрец – ума...
Эх, кабы это всё переломать,
И хитрецов к делам не подпускать,
Чтоб честным людям от подонков не страдать,
И, наконец, дать всем по их заслугам долю.

Я в ужасе проснулся оттого,
Что мне приснился страшный сон под утро:
Сдаю я, будто бы экзамен трудный,
Не зная ровным счётом ничего.
 Очнулся – не могу прийти в себя...
 Где я? Что я? Никак не понимаю.
 Кровать моя и комната моя,
 А где экзаменаторы, не знаю.
А может быть, сдавал совсем не я?..
А может быть, совсем и не экзамен?..
А может быть, совсем уж нет меня?...
И я сказал себе вполслуха: Amen!
 И долго я понять не мог – живу
 Я в снах, иль наяву.
 Когда же понял, страх обнял:
 Когда я жил? Когда я спал?!

Я не любил выходить на поклон:
В поклоне кланяться надо.
Я не пред кем не склонялся, pardone,
Я не коровье стадо.

Считал, что зритель обязан мне
Кланяться за труд –
Ведь я для него потел,
Добывал руду.
Если актёр творил,
А не кривлялся,
Тратил миллионы сил,
Пусть кланяется масса.
Пушкин дал мне совет:
Гнуть спину и шею не надо.
Этот его завет
Для меня не бравада.
Вздохи, ахи, хлопки,
Овации, аплодисменты,
Греют актёрам мозги –
Сладостные моменты.
За это склоняться? Нет!
Гнуть выю за это?
Благодарить в ответ?
Желания нету.
Зритель «спасибо» должен
Орать, вытянув шею,
Актёр устал, ему сложно.
Не хочу! Не умею!
Выпрашивая любовь,
Низко склоняют головы
Гнутся вновь и вновь
Актёры рублёвые,
Ещё и «спасибо» орут
Прямо со сцены в зал.
И это за свой-то труд!..
Сра-мо-та.
Если хлопков нет,
Значит, актёр бездарен,
Даю такому совет:
Место твоё на базаре.
Торгуй лучше там,
Не собой, а картошкой,
И благодари мадам
Уж не за руб, а за трёшку.
Актёру же кланяться лишне,
Это его унижает,
Актёр публики выше –
Сцена возвышает.

Датские поздравишки.

Лизе

Aх, Карамзин, ты совершил ошибку
Когда ты Лизу «бедною» назвал,
Открытая душа, прекрасная улыбка,
И Александр сам её короновал.
Нет, не бедна она, она богата,
Причём не только тем, что нам всегда поёт,
Но с ней поют друзья её, что так не маловато,
Сбираясь под гостеприимный свод.
О, Лизабет, О, Лизхен дорогая.
Будь вечно счастлива и молода,
На фортепьянах весело играя,
Ты убавляешь старикам года.
Тебя мы любим – и мужья и жёны,
Как обожал Отелло Дездемону,
Как Юлию Ромео из Вероны,
Как итальянцы любят...макароны.

Ей же (в другой раз)

Мне нравится, что Вы полны не мной –
У Вас есть муж, отец и фортепьяно.
Прекрасно! Я болею всей душой
За Вас ещё и за «Зенит» с «Динамо».
Когда бы в Питере я прежде встретил Вас
На кировском стадионе, на футболе,
Я бы ввинтил в Вас свой нахальный глаз
И...с Сашею тогда мы бы сменили роли.
Но мне не привелось тогда забить свой гол
В ворота Ваши на игре в футбол.
Его забил «Зенит» тогда, входя в зенит
С тех пор звезда с звездою говорит.
Недавно встретил Вас я в Ерухаме,
За хор сказал «Спасибо» Вам я,
Гол забивать не стал – тут нет футбола,
И мне давным-давно уж не до гола
Сегодня поздравляя Вас с Рождением Вашим
Здоровы будьте, говорю, Вы вместе с Сашей.

Ах, технари! Ах, эрудиты!

Как я завидую вам всем –
Ведь вами наши карты биты,
Без вас нам не решить проблем.
Сегодня физики в почёте,
А лирики нам не нужны,
Проблемы их и их заботы
Не интересны, не важны

Ни людям и ни государству
В наш трезвый прагматичный век,
Искусства нынче нет и пьянство
Затмило театральный блеск.

Мы уступили вам дорожку –
Вы впереди, мы позади,
Сегодня быть в искусстве тошно,
Златые удалились дни,
Когда вы нам кричали «Браво!»,
Как мы сегодня вам кричим,
И даже в дебрях Ерухама
Мы ценим вас и вас мы чтим.
Сегодня на лесной природе
Мы поздравляем под шашлык
И прочие чревоугодья
Технологический ваш лик.

Мы уступили вам дорогу,
Сейчас от вас мы позади,
Но обещаем вам, ей богу,
Придут ещё и наши дни,
Когда нужны мы станем людям
И прежде физикам всерьёз,
Чтоб музыкальные прелюды,
Театр, книги, артэтюды,
Вас пронимали бы до слёз,
Чтоб физики стихи писали,
Машины лирики сбирали,
Чтоб были мы для вас важны,
Как мы сегодня вам нужны.

Я поднимаю эту чашу
Сперва за Давиденко Сашу,
Чтоб был он весел и здоров
И украшал бы Лизин кров!
А впрочем, разве кров тот Лизин?
Их общий – муж жены не ниже.

Обоих любим мы и ждём
Дня, чтобы прийти в их милый дом,
Поднять стаканы за двоих
И...прочитать бездарный стих.

Теперь к Борису перейдём
И здравицу ему споём.
Борис, Борис, все пред тобой трепещут,
Пред памятью и дикцией твоей,
И кажется на свете нету вещи,
Чтоб ты не смог поведать нам о ней.
Нам объяснить законы медицины,

Историю веков нам рассказать,
А мы должны внимательно и чинно
И с пользой для себя тебе внимать.
Ну, а какой ты тамада прекрасный,
Откуда это рвётся у тебя!
Ах, я забыл, женат на деве страстной –
Ей дали страсть грузинские края,
Они снабжают мыслями и страстью
Тебя – от Нинны это всё тебе дано,
Ты князь грузинский, ты особой масти.
Мы пьём с тобой грузинское вино,
Чтоб был бы ты здоров, всегда любим и свеж,
И в нашей тупости ты пробивал бы брешь.
Вы с Сашею для нас почти что Боги
Примером нам являетесь
и многим!

Татьяне 60

Юбилеешь? Юбилей!
Поздравляю, поздравляю!
Для отличных сыновей
Долго жить тебе желаю.
Там и внуки подрастут –
И опять в заботах счастье:
Им потребно там и тут
Женское твоё участие.
Доживёшь до лет моих
Будут правнуки от внуков,
Станешь ты ворчать на них
Просто так – от бабьей скуки.
В этом счастье, в этом соль
Нашей жизни быстротечной:
В молодости ты король,
В старости лишь друг сердечный.
Будешь до 120-и
Пра-пра-пра своих лелеять,
В них тебе ещё цвести,
На подмогу их надеясь.
А пока живи в охотку,
Пой, гуляй, танцуй, люби
Пей, что хочешь, даже водку,
Коль шампанское в крови.
Никакие чтобы раки
Более не посещали,
Так же и другие бяки,

Не родившись, умирали,
Вместо них лишь алы маки
На твоём пути сияли!

Виле 69

Мы здесь сегодня собрались,
Чтоб веселиться в день рождения,
А я, прошу у вас прощенья,
И ожидая снисхожденья,
Нахально влезу в вашу жизнь –
Прочту своё стихотворенье.
Что я поделаю с собой,
Коли меня стихи волнуют,
Я с ними рвусь и в смертный бой,
И ими я друзей целую.
Они вкуснее колбасы
«Московской» бутербродом к чаю,
В них для желудка нет беды –
И я охотно их съедаю.
От рифм стихов душа поёт,
Когда стихов я слышу звуки –
Готов пересекать я брод
Брать хулиганов на поруки,
Так не корите вы меня
В прекрасный Вилин день рождения –
Стихи в честь Вили прозвучат,
Разгонят все его сомненья.
Коль есть они, на кой их ляд!
А коли нет сомнений вовсе,
Стихи мои вы в пах забросьте.

Ему же в 70.

Где мне сыскать слова живые,
Чтоб не стыдиться мне за них –
Казённые слова фальшивы,
И не хочу я молвить их,
Привычно липнут они к мыслям,
А теплоты на грош в них нет,
Конечно, есть в них капли смысла,
Но в целом в них формальный бред.
А я хочу поздравить Вилю
Сердечно, искренно, свежо,
Где ж брать мне их, слова живые,
Чтоб было бы от них тепло.
И всё ж хоть не нашёл я слов,
Поздравить Вилю я готов.
О, Виля, друг и о, Наташа,

Как я доволен дружбой нашей!
Пока я жив, пока дышу,
Я на Бананы прихожу,
Чтоб видеть вас, чтоб слышать вас.
Не раз, не два, а сотни раз,
Согреться чтобы вашей дружбой,
Поверьте, это очень нужно
Не только мне, но Юре тоже.
И вам желаю я того же!
А что касается здоровья,
Богатства, радости, любви,
Не требуется славословий,
Должно быть всё само собою.
Сказать по-русски – SE LA VIE.

Гостям из Грузии

Я не был в Грузии никогда
И ног не опускал я в Терек,
И потому «мои года»
Богатством не зову, не мерю.
Пусть Кикабидзе так поёт
(Ещё он предо мною мальчик),
Он не закончил свой полёт
В Москву и в Питер, да и в Нальчик.
Но Грузию я возлюбил
За то, что Грибоедов был
В её объятиях сердечных,
В них упокоившись навечно.
И Лермонтов воспел её,
И Пушкин о Кавказе помнил,
И Пастернак бытие
Связалось с Грузией любовно.
Там горы в небо ворвались,
Снегами разрывая тучи,
Не воспарить, не вознестись,
Не пробуй и себя не мучай.
Владим Владимиц громовой,
Великий русский Маяковский,
Бродил по Тереку с Курой
И вскормлен был грузинской соской.
Бараташвили и Тобидзе,
Чиаурели, Софико,
Чхеидзе и Анджапаридзе
В культуру ворвались веков.
Я многих не назвал – не влезли
В стихов моих ничтожных ткань,

Хоть было б нужно и полезно
И им воздать восторгов дань.
Я в Грузию влюблён за горы
И за её свободы дух,
Её прекрасные просторы
Ласкают глаз и греют слух.
Поклон мой, Грузия, тебе
И пожелание добра
Шлёт ерухамский иудей!
Арагва, Терек и Кура,
Тбилиси, Гори и Багдади
(Других названий нет во мне)
Дай вам богатство, бога ради,
Чтоб мыли ноги вы в вине!

Израиль делается краше,
Когда грузинка Софико
Гостит у Чудаковых наших
Изящно, весело, легко.
Она часть Грузии приносит
С её природной красотой,
Где горы снежные и росы
Красой сияют неземной;
Где «Терек воет дик и злобен»,
Текут Арагва и Кура,
Где гордый дух грузин не сломлен;
Где есть Чхеидзе, Стурна,
Анджапаридзе и Табидзе,
Бараташвили, весь народ
И даже Буба Кикабидзе
Взобрался на небесный свод.
Да... я забыл Чиаурели
Они народ искусством грели.
Вот те, кого я возлюбил,
Но главное, я не забыл
Красавицу и гостью нашу,
Княжну грузинскую Софи
Ей предлагаю нами княжить,
Ей предлагаю нас пасти,
Как пас когда-то Моисей
Своих заблудших сыновей.
А мы готовы ей служить.
Она нас всех тут покорила.
От спячки нас ты пробудила,
О, Софико!
Ты молодость нам возвратила

О, Софико!
Отныне никакая сила
Нас не заставит вас забыть.
О, Софико!!!

24.09.10

Поэт не пишет праздные слова,
Он не бросает слов на ветер,
Не продаёт их, как подпорченный товар
Не ментрствует, как очумелый ментор.
Он разговаривает сам с собой!
И даже пусть никто его не слышит,
В крови его кипит кровавый бой,
Он ранен тяжело и тяжело он дышит,
То кровь из горла, то без стука пульс,
То холод, то жара его сжигает...
Вот он и не молчит, распятый Иисус,
На собственном кресте, не ожидая рая.
Пророк и Бог не может быть не прав
Перед собой, историей и жизнью.
Но если только он самодовольством брав
И сам считает, что он вечно прав,
Он не поэт, и будет он освистан.

В плenу бывал и не однажды,
А может, даже и всю жизнь провёл в плenу,
В Отечественной ранен был я дважды,
В Отечество я рану принял не одну.
Такая вот судьба свалилась мне на плечи,
Несу её, как дар, я на плечах своих,
И хоть я внешне ранами не изувечен,
Но все они со мной, во мне, я в них.
Они вопят во мне, что люди – братья,
Что не должно зло побеждать добро,
Что убежденья, вера и согласье –
Мои достоинство, семья и кров.
Им изменять – презреть себя навеки,
Быть верным им – себе не изменять
И чувствовать себя при этом Человеком,
Чтоб в темноте дорогу освещать.
Судьбу свою несём мы, не чужую –
Свой разум, сердце, силу мы несём.
Я прожил чуть не век и на своём веку я
Победу славил я добра над злом.
Зла в сердце не имел и зависти не знал
И чувства добрые я в людях пробуждал.

Я прикоснулся, наконец, к народу,
А то я всё парил по облакам,
И понял, что с народом пьём одну мы воду,
И те же пьём с народом мы сто грамм,
 И теми же болезнями болеем,
 И теми же мы чувствами живём,
 Все нации – и чукчи и евреи,
 Французы, русские – весь человечий дом.
Я прикоснулся, наконец, к народу,
И оказалось, он такой, как я,
Мы плотью, да и духом, из одной породы,
И только нация у всех своя.
 Я прикоснулся, наконец, к народу
 И убедился в том, что все мы есть народ,
 Что человеческим зовётся сроду
 Без сорта, разделений и пород.
Когда б политики к народу прикоснулись,
Они б народ не стали разделять,
Чтобы народы друг на друга натравлять,
Очнулись –
 себя б к народу стали причислять.
А то по облакам летают
И сверху на народ чихают.

(По прочтении книжки
Егоровой о Миронове)

Есть схемы...а она живая!
С пороками и чистотой,
Себя, без страха обнажая,
Не мажет краскою одной,
 Не красит жизнь свою елеем,
 Живёт той жизнью, что дана –
 Её сам Бог для нас затеял
 И кинул человеку: «На!».
Соединил Добро и Злобу,
Порок и Добродетель слил,
И дал нам Дух и дал Утробу
И вместе всё объединил.
Прекрасная, живая баба,
В ней всё, но прежде естество,
Несёт её, как ветр, без табу,
Жизнь быстротечная легко.
Ведь жизнь не требует страданья,
Но преподносит нам его.
К чертям страдания...в изгнанье!

Ах, это сделать нелегко.
Но надо, надо, надо, надо,
Ведь мы для счастья рождены,
И толькобросив муки ада,
Мы ощущаем дух весны.

«На свете счастья нет...»

Я их искал мгновений счастья,
Ответ мне был: «Смешной глупец!»
С улыбкою и словом «Здрасьте!»
Я к людям шёл, как под венец.
Я был, действительно, чудак,
Коль верил в счастье так наивно
И шёл я мыслям этим в тakt
И с глупою, конечно, миной.
Один шаг прям, упруг, красив,
Другой к земле меня клонит,
Сквозь губы простенький мотив,
Бессмысленный, как ветра свист.
Мгновенья счаствия, как гром,
То оглушат, а то их нету,
И невозможно ни пером,
Ни топором писать об этом.
Их не поймать, не описать,
Они рассудку не подвластны,
Мгновенья счастья это тать,
Вор жизни нашей разномастной,
Где краски бытия темны,
А светлые крадут у чёрных
Мгновения. И только сны
О вечном счастье шлют упорно.
И нам лишь верить предстоит
Тем снам, что счастье нам приносят.
Ведь только в снах весна царит,
А мы живём ещё и в осень.

Два качества во мне смешались:
Моё неверие и вера,
Энергия моя и вялость
Их обостряют свыше меры.
Бывает, хоть и убеждён я,
Но с чуждым мнением не спорю,
Не потому что низок трон мой,
А чтоб не выглядеть героем,
Способным доказать невежде,
Что он невежда и не прав,

Пусть упивается в надежде,
Что он мудрее всех, как рав.
Такую мать дала мне участь,
Она приятно тяжела,
Но было б мне премного лучше,
Чтоб наглость мне она дала
Отстаивать своё и биться,
Коль надо мною власть тупицы,
Который тупостью гордится,
Пытаясь «мудростью» прикрыться.

Я русскою природой был воспитан,
Российской матерью взращён,
Литературой русскою начитан,
И питерской Невою напоён.
На лыжах я ходил в снегах России,
Театром русским занимался я,
И русскою морской стихией
Меня укачивали русские моря.
По-русски говорю, по-русски размышляю,
По-русски я влюблена и люблю,
По-русски ем я хлеб, по-русски пью я чаю,
По-русски за Россию я стою.
Так Пушкин-эфиоп был мужем русским,
Так Лермонтов-норвежец русским был,
Так Левитан Исаак к природе чуткий
Российские пейзажи нам творил,
Так немка Катерина, царь-царица
Россию строила, чтобы была сильна,
Так Мень-еврей по-русски стал молиться —
Россия, то была его страна.
Я не люблю российские болезни
(Россия многими уродствами больна),
Ведь 70 с лишним лет её лишили чести,
Когда Россией правил Сатана.
Но я не откажусь ни от её болезней,
Ни от уродств моей страны,
Судить меня за это бесполезно —
Я пред Израилем не чувствую вины.
Да, я еврей, по крови, не по вере,
Но не могу сказать, что это выбор мой,
Быть может, я вошёл в чужие двери,
Но в дом вошёл я абсолютно свой.
Я из России выбежал однажды,
Захлопнув двери за спиной своей,
И стал чужим средь множества сограждан

Израильских, хоть родом я еврей.
Приспособляться я природой не способен,
И лгать, фальшивить тоже не хочу,
А потому я и себе не слишком-то удобен...
Вот так я на себя вам всем стучу.
Меня судите, я не возражаю,
Наверно, в ваших я глазах подлец!
Я прав своих Израилю не качаю.
А так же на свою главу не надеваю
Венец.

Мы все стареем рано или поздно,
Уходят силы, зренье на ноле,
Желанья наши гаснут и неврозы
Сменяют их, как скатерть на столе.
В воображении своём ещё мы можем
Всё тоже, что и ранее могли,
Но силы не натягивают вожжи,
Сосуды тоже плесенью зацвели.
Живём воспоминаниями о прошлом,
А возвратить его уже нет сил.
Под ватным одеялом нам морозно,
Как будто холод снегом нас укрыл.
Мороз и солнце! Но слабеет тело
И дух уже не тот, что прежде был,
Идём к концу уж быстро, но не смело,
И каждый час, хоть прожит, но не мил.
И это жизнь?! Зачем 120 лет
Евреи нам прожить её желают?
Наверно, не открою я секрет,
Сказав, что старость годы жизни отравляет.
Нам старикам её не надо. Нет!
Мне и того, что прожил я, с лихвой хватает.

Я в шапке в помещенье не вхожу,
Её снимаю я у самого порога,
Других за это, правда, не сужу,
Так как они...за пазухой у бога.
Сам бог велел им шапок не снимать,
А если снимут...ах, не дай им боже,
Он может их за это наказать,
Жестоко наказать их боже может.
Вот и сидят с покрытой головой
За трапезой. А, может, и в кровати
Лежат. Да и в могиле гробовой,
Когда уже их смерть взяла в объятья.

Считал я раньше, и считалось так:
Коль люди, в дом входя, не снимут шапки,
Иль хамы, иль похожи на макак –
Культурой словно дикие макаки.
А женщины, что носят паранджу,
Закрыв лицо своё от лицезренья...
Нет, нет, я их за это не сужу –
Бог им велел, наверно, во спасенье.
Хотел бы знать – спасенье от кого,
Иль от чего спасаться им пристало?
К чему на лицах фиговый листок?
Другое ж место крыл листок сначала.
Все суеверья тают словно дым
Пред естеством живого человека,
А человек обязан быть живым,
Живым и только! До скончанья века.

Есть люди, что к искусству глухи,
Хотя ушами не глухи,
В театрах они спят от скуки,
Чужды им так же и стихи.
Шекспир и Пушкин им помеха,
Им нудно с Моцартом вдвоём,
Им Петросяна дай для смеха,
Для жеребячьего притом.
А главная у них забота –
Свой дом богатством засорять,
А книги – лишняя работа,
Их легче вовсе не читать.
Готовые во имя злата
Они родную мать продать,
И главная для них отрада –
Побольше для себя урвать
Полны деньгами эти люди,
Но и душевной пустотой,
Им человеческое чуждо,
Душа подёрнута корой.
Их цель, их главная задача –
Материальная удача
И брюхо, полное жратвы,
Да на ночь бабу. Ба-бу-бы!

Там был я жид поганый и пархатый,
А здесь, в Израиле, вонючим русским стал...
Да! Тот, кто от рожденья был горбатый,
Не распрямит и в старости свой стан.

Но это не волнует меня вовсе,
Пусть называют меня хоть горшком.
Мне не даёт покоя моя совесть,
Что я живу здесь полным дураком –
Без дела, без обязанностей, долга
Перед собою и перед людьми...
И слава богу, что уже не долго
Мне спать в застенках собственной тюрьмы.
Я с этим соглашусь, когда земля
Меня возьмёт в могильные объятья,
И успокоившись в её кровати,
Я стану в ней охотно растлевать.

Я не вынашиваю на тебя обиды
За сказанное мненье обо мне.
Не мне, тебе пусть каплю будет стыдно,
Что чушь подобная взошла в твоём уме.
Она от истины далёко-предалёко.
Хоть этот бред, казалось бы, глубок,
Капнул ты вкривь, не тронув цель нисколько.
Ты, не задев меня, стрельнул наискосок.
Властолюбив я?! Мысль сия откуда
Взялась глупейшая такая у тебя?
Я не приемлю власть вообще и всюду –
Ни у правителей, тем более у себя.
Я никогда не устремлялся к власти,
Она мне не годится, как понос,
Я даже не скажу той власти: «Здрасьте!»,
Я ей скажу: «Чтоб чёрт тебя унёс!»
Нет, твой язык помолвил, не подумав,
А ведь бываешь часто мудрецом,
Сморозив чушь, теперь глядишь ты хмуро,
Не открывая век, косясь со стыдом.
Ты не косись, обиды не держу я,
Ведь всякий волен глупость изрекать,
Пожалуйста, ты можешь мысль любую,
Если захочется, ещё не раз сказать.
Я и тогда не затаю обиды,
Хоть от тебя я глупость слышать не готов,
Ведь ты своим еврейским умным видом
Похож на всех библейских мудрецов.

Терпеть не могу, когда мы, евреи,
Отличаем себя от всех людей –
От русских, французов, пигмеев, злодеев,
Эстонцев и всяческих там латышей;

От христиан православного мира,
От католических христиан;
От японцев с их хаакири...
В общем от всех честных мирян.
Чем мы лучше? Они чем хуже?
Все люди – люди, кровь одна.
Только один из сибирской стужи,
А есть африканская сторона.
Нет, мы пред всеми себя утверждаем,
Избранность божью себе приписав.
Бога не общего любим и славим,
А того, которому молится рав.
Наша особенность, наша вера,
Наша кастрюля, наша еда,
Наши болезни, наши кошеры,
Всё, что не наше – белиберда.
Мне кажется, это глупо и вредно,
От всех народов себя отделять...
А если вдруг все исчезнут бесследно,
Кого мы будем тогда...проклинать.
Осмелюсь сказать я: мы часть мира,
Толика малая мира людей,
Не избранники, не кумиры.
Все люди живут жизнью своей,
У всех свой опыт, свои обычай,
Нет опыта лучше и хуже нет,
Все проживают свой опыт лично,
У всех народов свои привычки,
Свой менталитет.

У моего народа есть Израиль,
Страна сия ему родная мать,
Он делит с нею все свои печали,
А радости он ей не жаждет отдавать.
Есть у французов Франция-страна,
У немцев есть Германия родная,
И у погоды есть своя весна,
Китайцы же горды стеной Китая.
Все лучшей признают свою страну,
И даже те, у коих стран тех нету,
Есть лишь земля своя, другую сторону
Знать не желают – нет для них там свету.
Для всех народов нету лучших стран,
Чем сторона своя, чем свой Коран,
Чем свой Талмуд, Евангелие своё,
Конфуцианство, Будда, прочие ученья,

И каждый человек тем только и живёт,
Что славит он своё, да, да, своё, и за мученья,
Которые оно ему несёт.
От государства доброты не жди,
Лишь на словах оно даёт нам много –
Равно как обращаться с просьбой к богу:
Что пользы от него – проси, иль не проси.
Он в небесах порхает – не услышит,
Ты ходишь по земле, а он летает выше,
И даже б услыхал....А так же государству
Ты нужен так, как бегемоту ласты.
И всё ж своё мы государство славим страстно,
Не замечая все его коварства,
Да мы и бога чтим, не зная, кто он –
Так принято, так надо, так законно.
Так вечно мы скользим на месте ровном.

Хочу я пару слов о теннисе сказать.
Он для меня что невская водичка –
Как пить её, так хочется играть
И по возможности прилично.
Но ноги уж не бегают проворно,
Нет помощи рукам от ног,
На корте слишком им просторно,
Пред ними тысячи дорог.
А я одной хожу иль прямо, или криво,
И только по одной, чтоб не запнуться мне.
Упасть на корте очень некрасиво,
Да и достаточно болезненно спине.
Чтобы играть, потребно быстро бегать,
Носиться по углам, чтоб мяч принять,
А ноженьки – скрипучая телега,
На них бы только с корта уползать.
Мой тренер Юра терпелив со мною,
И даже хвалит он меня,
А я смеюсь над ним и над собою,
При этом же ругаю сам себя:
«Старик, чего ты взялся за ракетку,
Когда не в силах ложку удержать,
Когда уже не можешь летку-енку
На хилых ножках браво станцевать».
«А хочется – себе я отвечаю –
Что делать мне с хотением моим,
Его не ублажишь ни водкой и ни чаем,
И не прогонишь, как табачный дым».
Вот и играю в теннис я с позором,

А Юра терпит безобразие сие,
И даже поощряет добрым словом...
Наверно, нравится ему, что я в дерьме.

Я с одиночеством дружу, оно мне кстати:
Есть собеседник понимающий – я сам,
Спокойно я лежу в кровати
И разбираю с ним души своей бедлам.
Никто меня не видит и не слышит,
А я люблю, когда окрест нет глаз,
И я себя не ощущаю лишним,
Хотя быть им давно пробил мой час.
Болячки я свои не подношу на блюде,
Отгородившись каменной стеной:
У каждого свои дела, своя семья – все люди,
У всех свои проблемы за спиной.
А средь людей мне нравится бывать,
Когда могу я им себя отдать.
А чтобы жадно брать у них,
Есть уйма без меня таких

Чтобы глушить тревогу,
Одни молятся богу.
Другие лакают в три горла,
Чтоб погасить тревогу.
Третья пьют валерьяну
Для самообману.
А горе, оно не уходит –
Самообман не годен:
На пять минут облегченье –
И снова мученье.
Слабый жаждет покоя
И убегает от горя.
Сильный борется с горем,
Но не путём запоя –
Без стонов, жалоб и плача,
А деятельностью горячей.
Она – единственное лекарство...
Без бога, капель и пьянства.

Когда я просыпаюсь ночью
Свершить поспешный туалет,
Я тычусь, двигаясь непрочно,
Лбом в те углы, которых нет.

Они гуляют в подсознанье,
Что с детства самого живёт
Во мне туманным поминаньем
Поры, не знавшей непогод,
Когда не знал литературы
И детективного кино,
Где беды были из натуры
И ими было всё полно.
Но почему я натыкаюсь
На те углы, которых нет?
Быть может, я ушёл и маюсь,
И без меня струится свет?
Я ушипнул себя за ляжку:
Нет, вроде, не ушёл – живой,
Как та безмозглая букашка,
Незанесённая землёй.
Но если я ещё сегодня
Живой, то я сошёл с ума
И к жизни вовсе уж не годен,
Коль тычусь ночью по углам.
Фу, бред какой-то изрекаю...
Причём же здесь «с ума», когда
Ещё я в шахматы играю,
Да и от женщин без ума.
И в теннисе ещё не лишний,
Стихи читаю наизусть...
Хоть жизнь идёт намноготише,
Душа ещё вздымает грудь.
Ба! Понял, что со мною стряслось:
Ко мне пришли воспоминанья
О детстве, юности – я врос
Корнями в них, уйдя в изгнанье,
Заканчивая жизни кросс.
Вот об углы и тычусь я,
Вставая по ночам порою,
По тем, что были у меня,
Когда мы звались детворою.

Я с детства врать себе не позволял
И к старости никак не научился,
На этот счёт громаднейший провал
Со мной случился.
Ах! Мне б с прямой дороженьки свернуть
И встать со всеми под одни знамёна...
Я орден бы себе надел на грудь,
И даже встал бы во главу колонны.

Меня бы жизнь носила на руках
За то, что я, как все вокруг, такой же:
За правду-матку ощущаешь страх
И никогда – за ложью.
Я б эту правду чёртову не нёс
И за неё не лил бы слёз.

Мы те, кем мы себя считаем
И кем мы чувствуем себя,
К чему мне слушать слухи с краю,
Что сплетни обо мне трубят.
Чем меньше сплетникам вниманья
Ты уделяешь, тем у них
Больнее и острей страданья,
Сжигающие злобой их.
Им комплексы несовершенства
Развязывают языки,
Завидовать для них блаженство,
Иначе сдохнут от тоски.
В их сплетнях о тебе не ты,
А их ничтожные черты.

Глупец не признаёт себя глупцом,
Он убеждён, что он умнее всех,
Уверенность несёт ему успех
И непременно наградит его венцом.
Вот умнику сложней – он не считает
Себя умней других, сомненьями он полн:
Уверен, что он глуп и омрачён
Тем, что вообще он ничего не знает.
Так жизнь распределила роли их.
Несправедливо? Правильно, пожалуй!
Дурак-начальник бед творит немало,
А умный создаёт и строит – так привык.
А если бы наоборот всё было,
То жизнь бы на земле застыла:
Дурак не в состоянии творить,
Он может только лишь в начальниках ходить.

Кто воду льёт на мельницу на вашу,
Тот обязательно хороший человек,
А против вас льёт воду – нету гаже:
Мерзавец и подлец и враг навек.
Но если только он на вашу сторону подастся,
Он будет свят, как ангел, что в раю:
Он так хорош, родней родного братца,

И мы уже ему поём: «Люблю...люблю...»
Так от чего зависит плох, хорош ли,
Талантлив ли, бездарен твой сосед
И сколько стоит он – червонец, грош ли,
А может быть, цены соседу нет?
Зависит от твоих корыстных интересов,
От твоего участья в политесах,
От всяких разных СМИ, но более от прессы
И от его общественного веса:
Коль вес высок – хорош он (для меня),
А низок – плох, свинья.

Я о себе пишу стихов слогами

Всё о себе, как истинный поэт,
Уста души моей поют стихами
Всё о себе. Мои стихи – мой бред
Они, как грешники, готовы на сожжение,
А можно их и вовсе не читать.
Они передают моё волнение,
И в них я не могу его скрывать.
Коль вам не по душе что я пишу,
То значит, вам не нравлюсь лично я,
Я не кривляюсь в них, как модный шут,
Я в них неосторожно искренен и прям.
Кому-то кажется, что я неинтересен
Ни вам и ни другим любителям стихов,
Кому-то кажется, что я в них пресен,
Кому-то – что развязен, без оков.
И то, да и другое будет правдой,
Но в том уж я никак не виноват:
Все разные: одним нужна лаванда,
Другие ищут (и находят) смрад.

Я за собою жизнь свою на поводке не вёл,

Она вела меня, взяв в плен, не выпуская,
А я за ней послушно ноги плёл
Путём-дорогой, что вилась крутая.
Я повторюсь: не делал жизнь я сам,
Она меня в объятиях держала,
Сковала меня цепью по ногам,
И никогда с цепи не отпускала.
А потому претензий к себе нет,
Я подчинялся ей, она и виновата.
Хотя я всем даю благой совет:
Жизнь делай сам свою, не мнишь под ней, как вата.
Теперь с высот годов, глядя назад,

Оценивая этот путь-дорогу,
Скажу, что я погружался в ад
И не однажды возносился к богу.
Но я за жизнь ответа не несу –
Она вела меня. Я то ей благодарен,
То проклинаю. Страшный суд
Положит на весы её старанья:
Мой взлёт на горные вершины, в небеса,
Мои ничтожные клоачные порывы,
Моё блужданье в чащах и лесах
И сотворённые прекрасные мотивы.
И если бы сумел вернуть судьбу в начало,
Чтоб обойти свои ошибки и грехи.
Уверен, жизнь бы вновь мной управляла,
Как дирижер движением руки.

Единственная и всегда любима
И в радости, печали и в беде,
Где бы не жил блудный её сын, неутомима
Она при нём, он с ней в безделье и труде.
В плохом, в хорошем, в счастье и в несчастье,
Она моя, готов ей всё прощать—
Пороки и грехи, вкус горечи и сласти,
Всё, что сумел я с нею испытать.
И если и когда она в беде бывает,
То это я в беде, её беда – моя.
Я на неё молюсь, она хоть не святая,
Но сын её я, мать она моя.
И что сегодня происходит с ней
Определяет ток моих кровей.

Трагедия поэтов на Руси
Безмерна, тяжела и безгранична,
Мне кажется России лейтмотив
Убить поэта каждого и лично.
Кто из поэтов дожил до седин,
Могу пересчитать по пальцам.
Он не рифмач, Пророк и Гражданин,
А коли так, то выбрал путь страдальца.
О Пушкине и Лермонтове речь
Известна всем: ушли из жизни рано,
Есенин с Маяковским их стеречь
Отправились, не нарушая плана
Невольник чести спешно был убит,
Невольник жизни вслед за ним умчался…
Никто из них сегодня не забыт,

Забыты те, кто их убить старался.
«Поэт в России больше, чем поэт»,
А значит, ни к чему поэт России:
Поэт бросает на Россию свет
И обнажает её тёмную стихию...
Доносов и предательств и вражды,
Морального уродства гражданина,
Как корчится Россия от беды,
Что выпала ей горькая судьбина –
Груз крепостничества, опричнина, чека
Висели над Россией тяжким страхом,
Залезли россиянам в потроха,
И этот страх не спрячешь под рубаху –
Он поразил Россию на века.

Я к Маяковскому пришёл,
Когда мне стукнуло 12
И ничего в них не нашёл,
Но... захотелось разобраться.
Пытаясь разобраться в нём,
Я снова стал листать тот том
И истрапав его до дыр,
Я углубился в «Мой Додыр».
И тут же снова от стыда,
Что я постичь его не в силах,
Я шёл к нему через года,
И годы мне его раскрыли.
Я гением его назвал,
Старался подражать ему,
Поэтом, правда, я не стал,
А потому... а потому...
Я стал чтецом его стихов,
Купаясь в бурной новизне,
В непокорённой вышине,
В недостижимой глубине
Течения звенящих слов
Поэзии веков.

Оно о цветочках-мотылёнках не писал,
Он наступил на горло этой песне,
Он уголь добывал и плавил сталь,
Считая это и важней и интересней.

Своей он песне наступил на горло,
И всё ж свою он песню спел,
И горло у поэта спёрло,

И залил дух его смертельный мел.
Не красно паспортиной он остался
На памяти народа своего,
А «Облаком», что на него взобрался
И «Флейтой», что звучала к него.
Не написал поэму «Плохо» он,
Он «Хорошо» нам подарил на память,
И в 37, как Пушкин, был сражён,
Став главарём, не перестав горланить.
Он людям душу подарил свою,
А в ней своё бессмертное «Люблю».

\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\

Я не могу походить на поэта,
Которого с детства люблю,
Прав на это у меня нету...
Н я на это плюю.

Я принёс вам его на блюдце
И подарить готов
Поэта великого революции,
Не октябрьской революции,
А революции слов.

Забудьте сладкую речь,
Ласкающую интонацию,
Я здесь, чтобы вас привлечь
К поэта душевной вибрации.

Поэт ожидает от вас
Не вашего расслабления,
А с ним в этот час
Единения.

\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\

Он ворвался в красивый серебряный век,
Как бомба, землетрясение,
И, как солнце, растапливает снег,
Вызвал в нас потрясение.

Протест громом звучал в словах
Вместо трелей и писка
Поэтических черепах,
Их похотливого визга.

Он пел о громадах любви,
Громадах ненависти,
Он жизни самой кричал «Живи!»
«Не тони в повседневности!»

Поэтому и убит
В расцвете сил и могущества
Потому и в бронзе отлит
Во имя Грядущего.

Я не люблю свои стихи
За их несовершенство,
По форме, вроде бы, легки,
По сути рифмоплётство.
И рифма в них соблюдена,
И ритм стиха на месте,
И мысль по-моему ясна,
Но не уверен, есть ли.
Я льщу себе, что мысль моя
Ясна и интересна,
Но ясность глупости родня,
А сложность неуместна.
И если мысль стиха сложна,
Пусть ясностью сверкает,
И пусть Поэзией она
Себя нам выражает.
Тогда стихи, тогда они
К нам в душу лезут чудно,
Поэзия ведь искони
Всегда немножко чудо.

Казус

«Кукоцкого казус», то казус Улицкой,
В нём смысла немного, но множество слов.
Испачкавшись, надо скорее умыться –
Прочли и забудьте. Всего и делов.
Отнюдь не герои сюжет там творили,
Он был сотворён произволом её,
Людмилы Улицкой, в диктаторском стиле,
В искусстве ж диктат – запрещённый приём.
Здесь Анна Толстого под поезд не ляжет,
А Таню нам авторша на смерть сошлёт,
Вне логики, смысла, в писательском раже.
Захочет, так с запада солнце взойдёт.
А где же идея? А где сверхзадача?
С чем вышел читатель, закончив роман?
Я отдал ему интерес свой горячий,
Король оказался раздетым. Обман.
Зато был раздут мелкотою подробностей
О родах, о матках и прочем другом,
Прекрасное стало в романе уродливо,
Уродство – прекрасным представлено сном.
Меня восторгали все женщины мира
До чтения этого казуса слов,
Из женщины вечно творил я кумира,
А казус сорвал с них волшебный покров.

P.S. Как ни старалась тётя Люда
Сбросить женщин с пьедестала,
Не добилась Люда чуда:
Моя любовь к ним холодней не стала.

Мне Родиной моей повеяло из дома,
Из вашего, далёкого такого и родного.
Вы память мне остывшую согрели,
Вы дали силы мне вскочить на велик
И мчать, куда глядят глаза, от счастья задыхаясь,
И за ошибку, что я сделал, каясь, каясь, каясь.
Ошибка жизнь простить не может нам,
А мы стараемся простить себе ошибки,
Однако же за них испытываешь срам,
А срам не дарит нам объятий и улыбки.
Совсем наоборот – гримасы корчит он,
И отправляет нам существованье,
И хочется уже скорей бежать не марафон,
А краткий спринт, чтоб прекратить страданье.
Но делать что? Ошибки свершены,
И время не вернуть для повторенья
Тех дней, чтоб не нести вины,
За совершённые тобою преступленья.
Ошибки!.. Как нам обойтись без них?!
Они сильнее нас, пред ними мы ничтожны,
Все наши оправданья пред собою ложны.
Жизнь топчется на ноженьках кривых.

«Иди, я за тобой!», сказал принц Гамлет тени
Отца. Я повторил ему вослед,
Когда он уходил, отбросив все волненья,
Беспрогрышный разыграв билет.
«Я за тобой... Я за тобой...», звучало:
Я в очереди был, я ждал конца –
Уж было прожито давно начало
Утраты выражения лица.
Не вижу уж туманными глазами
Того, что прежде видел хорошо,
Пережитое нынче видится мне снами,
Как будто не задев, мимо меня прошло.
«За ним!.. За ним!..», пора, пора в погоню
Мне мчаться, закусивши удила,
Пусть свежий ветер мне вдогонку стонет,
Не освежит он моего чела.

Моя Кармен (к концерту)

Блок, Карменсита и Хозе,
Театр, Испания и страсть
И карт трагическая масть,
Пленяют музыкой Бизе.
Поэзия небесных чувств,
Импровизации на тему...
Восторг срывается из уст,
Когда читаем мы поэму.
О, Карменсита и Хозе,
Тореадор и Микаэла,
Блок, Мериме, Кармен, Бизе,
Стихи, любовь, виолончели,
Дельmas-Кармен, Хоссито-Блок,
Вы струны музыки поэта,
Возносят ввысь и валят с ног
Печально-звуковые сонеты.

Ай, ай, ай... на унитазе
Без излишества фантазий
Испражняюсь я стихами,
Как молитвой в божьем храме.
Потому мои стихи
Исторгают не духи,
И не «Красною Москвою»
Пахнут амбрую иною.
Так что затыкайте нос
И глаза, и уши,
И не надо мой понос
Ни читать, ни слушать.

Часы бегут, отсчитывая время –
Вперёд, вперёд и никогда назад,
И все торопятся и я со всеми,
Не требуя за марафон наград
Со всеми вместе и вперёд, вперёд?
Самообман – со всеми нет: ты сзади,
Тебя в другую сторону несёт:
Назад, назад, коли сказать по правде.
Кто первый добежит до цели – ты ль, они?..
Им картой козырной и молодость, и сила,
А потому отчаянно не гони,
Успеешь добежать ты до могилы.
«Я не гоню», я слышу голос свой,
Она, могила гонится за мной.

Кто поднял руку на язык родной?!
Зачем и почему? Что тем невеждам надо?
Чтоб потерять себя и голос свой
И прочно исчезнуть средь немого стада?
Неграмотностью прочно засорён
Сегодня мой язык. А что же вслед за нами?
Не будет ли он вовсе отменён?
И изъясняться станем кулаками:
Кулак по морде – понято без слов,
Общенья нет, коль нету кулаков.
Язык, создавший Пушкина и Блока,
Толстого, Достоевского и Русь,
Не вижу в нем изъяна и порока
И спрятать его я не берусь.
Язык мой, защити ты сам себя по чести,
Восстань и разгроми своих врагов,
Очисть себя от нечисти, воскресни,
Не допусти в себя вмешательства ...хоклов!

Родился я и рос в стране великой,
Где все ходили строем «ать, два, три!..»,
Я не вмещался в строй – я был негибкий,
Для маршей ноги были не легки.
Меня все осуждали за ошибки,
А я их таковыми не считал,
Как я уже сказал, я был не гибкий,
И совесть у меня была чиста.
Да здравствует комса и профсоюзы,
Про партию уж я не говорю!
А я от них сбегал в кино и в ТЮЗы
И никогда – на демонстрацию.
Собрания не посещал я всуе,
Чтоб не транжирить времени на трёп,
Для сборищ я держал в карманах дули,
С друзьями мы общались и взахлеб.
Когда козлы и овцы прут нелево,
Попробуй прямо, или вкось идти:
Иисуса на кресте, тебя на древе,
Распнут и всё, и нет тебе пути.
Любителей распять в России было много,
Из дюжины десяток таких.
Тьфу! Слава богу, разошлась дорога,
И я теперь могу забыть о них.

Эпитафия себе

Покоится тут многолетний дед...
Ну, наконец-то его нет!

К А...(кто этот А...не помню)
Ежли тебя музыка не волнует,
И солнца луч с небес не восторгает,
Пока твой нрав тебя не возмущает,
Ты мне не интересен всуе.
Себе ты люб, себе ты интересен...
За что и чем? Что ты в себе нашёл?
Ты, как махра искуренная пресен,
Не нужен, как дырявый частокол.
Нет от тебя добра ни близким, ни далёким,
И пользы для себя в тебе, конечно, нет,
Хоть молодым ещё облиты соком
Твои лета. Тебе даю совет:
Учи, что старость ничего нам не простит,
Коль в младости не испытаешь стыд.

Сквозняк! Сквозняк! Подайте мне сквозняк!
Чтоб ветер продувал мне уши, ноздри,
Рассеивал бы мой душевный мрак,
Я не простишь на него морозе.
Заплесневел, меня пора продуть,
Отнять у прилепившихся привычек,
Чтоб выбросить скопившуюся муть
Налипших на мозги мне закавычек.
Я жить ещё хочу, хочу дышать
Тем воздухом, чем дышит вся природа,
Чтоб ветер свежий мог в меня влетать –
Безветрие – оковы несвободы.
Дуй, ветер, дуй и обновляй меня
Дыханием сегодняшнего дня!

Себя я холить не любил,
Любить себя считал постыдным,
Во всём всегда виновен был,
Хоть был подчас совсем невинным.
Был недоволен сам собой
Во всех своих я проявленьях,
И каждый я поступок свой
Жестоко подвергал сомнению.
Я был безбожный самоед,
Я и теперь таким остался.
И вот спустя 90 лет,
Я подсудимым оказался:

Сужу я грозно сам себя
За то, в чём не виновен я.

К концерту под названием
«Когда любит поэт»
(Любовь, любовь,
волнует кровь)

О любви всё сказано, конечно,
Всяк по своему о ней нам говорит,
Эта тема для поэтов бесконечна
И в поэзии всех времён она царит.
Только ли поэты в её власти?
Что же все другие, без любви?
Разве могут люди жить без страсти,
Чтоб морозы веяли в груди?
Без любви и страсти мертвечина,
Разумом нам жизни не постичь,
И мозги нам застилает паутина,
И из уст не рвётся страсти клич.
Зов любви! Нет в мире человека,
Чтоб внимать ему не захотел,
Он диктует нам движенье века,
Без него и мир бы опустел.
Жаль мне тех, кто о любви лишь знает
Понаслышке – сам не испытал,
Нет души в нём, кровь в нём не играет,
Я б такого человеком не назвал.
Всё ж не всякий, далеко не всякий
Страстную испытывал любовь,
Без любви вступают в браки,
Без любви растят сынов,
У таких и молодость нескладна,
Да и старость тоже безотрадна.

Извинение

Я не могу вам вслух читать свои стихи,
Которые мне кажутся неплохи,
Я вечно выбираю, что плохи,
Не вызывая одобрительные вздохи.
Да и читаю как-то я свой стих
Застенчиво, стыдливо и поспешно,
Чтоб вы не слышали огрехи их,
За графоманство не сочли бы грешным.
Пишу я не затем, что убедить хочу,
Тех, кто их слушает, в моём таланте,
Мне надо, ну, хотя б чуть-чуть,

Отдаться творческим занятиям.
Дрова я не колю – в них надобности нет,
Бельё я ежедневно не стираю,
И каждый день я не варю обед,
Да и бумагу тоже ежедневно не мараю,
А только изредка. И потому прошу
Я вашей жалости ко мне и снисхожденья,
И обещаю вам, друзья, когда уйду...
Не напишу ни одного стихотворенья.

Кто не умел любить, не может ненавидеть,
Он пуст, он ничевок и к жизни туп и нем,
Он ничего вокруг не хочет видеть:
Не дай бог мне ни в чём ни с кем проблем.
Однако у него глаза есть, уши тоже,
Он средь людей, он с нами, он живой,
Он, как и все мы, озабочен всё же...
Вы удивляйтесь: кем, чем? Собой!
Он очень люб себе, любуется собою,
Он зрит себя не с худшой стороны,
И нам себя являет стороною,
Той, за которую его так ценим мы.
Шагает в ногу по команде свыше,
Начальству рад, согласен с ним во всём.
Вы видели, как с тонущего корабля сбегают мыши
И выползают на берег ползком?
Сухой он из воды появится в охотку,
Не потонув в стихии грязных вод.
И вновь смиренным быть и кротким,
Вести по-прежнему фальшивый хоровод.
Он счастлив, никогда ни с кем не спорит,
Послушен, скромен – личный интерес,
Не возмущается, всегда спокоен –
Не дай-то бог ему напрасный стресс.
Хочу его спросить: ты счастлив в жизни?
Добился ли чего? Достиг, чего хотел?
Помог в беде кому? Что дал своей Отчизне?
И сотворил ли ты хоть малость добрых дел?
Я точно знаю, как ответит он сегодня,
Желая оправдаться пред...собой.
А вот когда он ни на что уже не станет годен,
Он, может, даст, хотя б себе, ответ прямой.
Но будет уже слишком поздно:
Души не отогреть – она вконец замёрзла.

Я хочу, чтобы дети мои оставались детьми,

Но они, как и все постареют,
Вот и Виктору стукнуло 33,
28 уже и Андрею.

Я смотрю на них издали – не узнаю:

Неужели это они, неужели?

Колыбельную я уж таким не спою,
Не укрою их ночью в постели.

Дети, дети... Мне жалко вас, дети мои,
Впереди ждёт вас возраст мой, старый,
Отдадите его, боже вас охрани
От трагедий души и суставов.

Я бы в старости вам пожелал не стареть –
Старость радости нам не приносит.

Я, к примеру, не знаю, куда её, чёртову, деть,
Из зимы чтоб вернуться, хоть в позднюю осень.

Очень странная вещь приключилась со мною:

Я ушёл, меня нет, я исчез, поменявши страну –
Раньше жизнью играл и играл не одною,
А теперь не играю уже ни одну.

Приходилось мне слесарем быть и учёным,
И солдатом бывал и земельку пахал,
Я берёзы любил, любовался я клёном
И в осенних лесах я грибы собирал.

Кинофильмы смотрел, а в театрах – спектакли,
И в троллейбусах ездил, а так же в метро,
Наблюдал, как друзья от безделия чахли,
И влюблён был я в розы сибирских ветров.

На рожон пёр, рискуя, оря несогласья,
Восторгался искусством и красотой,
Все мне были как близкие братья,
Беды их я считал и своею бедой.

Я и в радостях их был всегда вместе с ними,
Правда, водку не пил я и пьян не бывал,
Изо всех сил любил Питер мой и Россию
И в миру, и в плenу, и когда воевал.

Словом, жил во всю прыть, и работал во всю я,
И любил во всю прыть, во всю прыть был любим!..
Что ж со мною теперь стало? Всё. Закончил игру я!
Я ушёл. Меня нету. И «Мост поцелуев»
Я с собою не взял. Оставил другим.

Как странно жизнь свою мы любим,
Какая б не была она,
Что сук её мы рубим, рубим,

Лишая жизни жизнь сполна.
То бесконечные диеты,
То бег трусцой, то голоды,
То ешь салат, не ешь котлеты,
То ешь котлеты, не салат;
То вовремя прими пилюлю,
То витаминку в рот засунь,
Свинью не жри, кажи ей дулю.
А то укрась свою красу
Безвкусно-ярким макияжем,
Кольцом в язык, серьгою в нос;
То щёки краскою измажем,
Чтоб навести на рожу лоск,
Красуемся пред зеркалами,
Друг перед другом выпендрёж...
Эй, люди, где вы? Где вы сами?
Меня охватывает дрожь:
Нас нет, мы с вами потерялись
В ложно житейской мишуре,
Рога с копытами остались
От нас в придуманной игре.
А истинная жизнь уходит,
И радости не принеся,
В пустом и жалком хороводе,
Глядишь – она прошла уж вся.
Не наносил на рожу краски,
Не притворялся не собой,
Не надевал на душу маски,
Не шлялся под руку с толпой,
Наверно, потому в Израиле
Я доживаю жизнь свою,
И не в Большом Колонном зале
Стихи сегодня вам пою.
Я понял, наконец, с тоскою,
Когда пришло мне помирать,
Что зря я мнил себя горою,
Чтоб Магомета поджидать.
Мне б самому быть Магометом
И к власти в ножки, в ножки к ней,
Благодарить бы за советы,
Благословлять её вождей.
А я, дурак, не шёл с толпою,
И красок на себя не клал,
И будучи всегда собою,
Не вхож был в общий карнавал.
Когда б был вхож... когда бы был,

Как все, как все, как все, как все,
Я бы себя не скончонил
В забвении и нищете.

Муки творчества мои

Я каждый раз стоял в начале у начала,
И каждый раз не знал, с чего и как начать,
В душе скребло, и мысль не покидала:
Бездарен, не могу, пора кончать.
Все все умеют сразу, подтверждают
Своё умение просто и легко,
И срок не подошёл – глядишь, играют,
А я всё делаю, мне кажется, не то.
И радость творчества мне обращалась в муки,
Я мучился, страдал, был жалок, одинок,
Томился, средь людей я умирал от скуки,
И был в своих глазах ничтожный ничевок.
Так продолжалось дней, ночей не мало:
Худел, мрачнел, противен был себе.
И вдруг... во мне там что-то запищало
И с ролью, и с собой в мучительной борьбе.
И тут я обретал надежду, силы,
И пёр, как танк, угадывая цель,
И радость творческая мне была мерилом,
И муки творчества мне открывали дверь.
И мне уже казалось, не напрасно,
Я проходил сквозь муки и беду,
Рождалась роль во мне, рождалась страстно,
И жил тогда уже я сам с собой в ладу.

Наверно на беду,
Любил глупец одну,
За это и наказан.
Теперь гниёт в аду –
Господь ему в вину
Поставил это сразу.
Добавил, что дурак
Он был в той жизни прежней,
Вот он и терпит крах
За это без надежды.
Испепелил в сердцах
За глупость однолюбца
Всем преподнёс он крах
С каёмочкой на блюдце.
Всем однолюбам-дуракам,

Чтоб весело любили
Многих прекрасных, милых дам
Всех возрастов и стилей.
Бог молодец, он знает толк
В таких делах, как это...
Всё. Я закончил. Я умолк.
С приветом!

Меня попса к себе не привлекала
Я к ней не шёл, она не шла ко мне.
Чтоб петь её, я не имел вокала,
А слушать не хотел её и в страшном сне.
Мне легче было спеть Онегина, Жуана,
Чем прохрипеть, иль прошептать попсу,
Воспринимать её на слух уж лучше спьяну,
Или заткнувши уши, стоя за версту.
Я знал, попса приносит басковым успех,
Всё ж от неё бегу я без оглядки,
Хоть заниматься ей совсем не грех,
Но если честно, мне попсисты гадки.
Самодовольство их я отрицал –
Не признавал их главного оружья,
И сам я в поддаки со сцены не играл –
Я избегал попсового удушья.
Мнеечно было стыдно за неё,
Она мне мнилась девкою продажной:
Мужик использует её, потом плюёт,
Понявши, что её нет гаже.
А впрочем, пусть живёт, коль есть она
И кой-кому она необходима.
Но только место знать своё она должна:
Есть Рим, великий Рим, а есть окраина Рима.

Не надо обижаться на людей!
Все разные они, все не такие,
Как хочется тебе – они другие:
Хорошие, плохие,
Добрые и злые,
Здоровые, больные,
Нормальные и...голубые,
И посторонние, что матери родней.
Не надо обижаться на людей.
Не надо людям предъявлять свой счёт
И мерить их по своему подобью –

Один ползёт, другой стремит в полёт,
У этих кровь кипит, у тех замёрзла в лёд,
Один глядит в глаза, а кто-то – исподлобья.
Но про себя ты должен знать одно:
Что ты глядишь в глаза всем прямо,
Что никому ты не копаешь яму,
Что ты на совести своей не знаешь сраму,
Что быть примером для других тебе дано.
Пусть даже кто-нибудь тебя обидеть норовит,
Ты сам не унижайся до обид.

Когда ты всеми позабыт,
Когда тебя не вспоминают,
Когда уж не терзает стыд,
И совесть всё тебе прощает;
Когда ты стар почти, как век,
Когда ты никому не нужен,
Когда ты позабыл, что снег
На свете есть, мороз и стужа;
Когда среди чужих живёшь,
И всё чужое тебе чуждо,
Когда уж песен не поёшь,
Хоть петь до самой смерти нужно...
Не жди, когда она придёт,
Она пришла. Она не ждёт.

Интернет.
Просвечены мы вдоль и поперёк,
И даже если есть у нас секреты,
Для интернета тех секретов нету –
Вскрывает он секреты, как кастетом,
И видит каждый скрытый уголок.

Мне кажется, нет нации евреев,
Но, безусловно, есть такой народ,
Его объединила верность вере
И сущности жизни хоровод.
Что общего у именных евреев
С немецкими? Да просто ничего.
Свои евреи есть у чукчей, у пигмеев,
У всех евреи есть и у всего.
Евреи Ерохама украинцы.
Они Евреи? Сомневаюсь в том.

Есть русские евреи, есть берлинцы,
Они же немцы – свой у них апломб.
Есть эфиопские – они чернее,
Есть марокканские – они светлее.
Кто настоящие и есть они, иль нет?
Быть может, это разных наций разный цвет?
И почему они евреями зовутся,
Когда они французы, венгры, русы?
Все разные по сути и по форме,
По цвету кожи и волос,
По языку, ментальности и нос
Не следует единой норме...
А что определяет нацию? Вопрос.
Я жду ответа от всезнающих раввинов,
Их объяснений в этой викторине.

Не хочу быть зарытым под пальмою я,
Вы меня склоните в березовых краях,
Белым снегом укройте, нежным взглядом берёз,
Даже вами забытый, я не выкажу слёз,
Обещаю, спокойно я залягу в земле
Под берёзою стройной средь родимых полей.
Когда грянет ненастье, когда листья падут,
Я с берёзой в согласье учиню себе суд,
И покаясь пред всеми, что я грешен бывал,
Что в эпоху безвременья себя не вписал,
Жил согласно велению своего естества
И не плыл по движению чужого весла.
И берёзонька белая посочувствует мне,
Упокоит несмелая на родной стороне.

Как ты не можешь жить без кандалов,
Так я жизнь в кандалах не принимаю,
Я не терплю, когда меня лишают слов,
И не хочу быть хатой с краю.
Сомнения свои я не могу скрывать,
Язык мне дан, чтоб вслух произносить их,
Коль честен я, не должен я молчать,
Произнести обязан, не пропить их.
Когда ж молчать меня обяжет страх,
И побоюсь я высказать словечко,
То страх свой я изматерю в сердцах:
Не делай из меня трусливую овечку,
Я – Че-ло-век! Бог дал мне право жить

И дал язык, чтоб мог я говорить.

Как трудно в 87 годов

Заучивать стихи и прозу.
Я лучше марафон бежать готов,
Иль без кальсон гулять в морозы.
Башка трещит тупая – так дрова
Трещат в камине, на огне сгорая.
А у меня от лет башка тупа,
Как туп меч заржавевший самурая.
Однако, взявшись легкомысленно за гуж,
Мне стыдно признаваться, что не дюж,
Вот и зубрю стихов я алфавит,
Как школьник, что за партою сидит.
Уж коль я согласился выступать,
Пощады от себя не должно ждать.

Невежество себе я не могу простить,
И не прощу, когда пора придёт мне уходить.
Я жизнь узнал с одной лишь стороны
И с нею я бывал «на ты».
Я ею жил и ей одной дышал
И женщины другой, кроме неё не знал.
Она жила во мне, всегда была со мной,
Неся мне беспокойство и покой.
Я Сценой эту жизнь могу назвать,
Театром, коль иначе величать,
Искусством, если молвить высоко,
Поскольку выше нету ничего.
Я взял ту высоту, постиг,
Но те года ушли – я сник
И снизошёл до жизни бытовой,
А для неё я должен быть другой.
Но не умея напрочь быть другим,
Презрением к себе томим,
Я ныне чётко знаю про себя,
Что жизнь высокую я прожил зря,
Она не пригодилась, не дала
Уменья просто жить мне, и дела,
Которые нужны мне позарез –
Густой, непроходимый, тёмный лес,
Я заблудился, не могу найти себя,
На ощупь ползаю, как та змея.
Себя кляну за все свои грехи,
Ну, а уставши клясть, строчу стихи...

Всё о себе, да о себе,
Себе-бе-бе, себе-бе-бе...
Зачем кому-то это знать?
Что я ещё могу сказать,
Когда других не знаю я,
Пуста головушка моя.
Наверно, я собою занят,
Как та девица, что сурмянит
Себе и щёки и глаза,
Подводит так, чтобы слеза
Блестела для очарованья.
Ужели и моё призванье
Вести себя, как дева та?
Не по-мужски и срамота.

Нет, всё, не буду я писать
Стихи свои, вкушая сласть
От самолюбованья
В самом себе копанья.
Чтобы себя не выставлять
И повод людям не давать
Меня кокеткой называть,
Себя ругать.

Так говорю себе я часто.
Всё! Баста!

Но тянется рука к перу
Опять и снова. Я беру
Слова назад.

И полился слов водопад
Всё о себе, да о себе

Себе-бе-бе, себе-бе-бе...
Нет! Всё! – уже себе ору,
Себя стыжу, стыжу, стыжу.
Но снова ручку я беру
И снова о себе мурю
Слагаю на бумаге я
Всё про себя, да про себя.

Во мне всегда кипел протест,
Когда грозили мне: «так принято», «так надо»,
Я на рожон тогда из кожи лез,
И... обходили стороной меня награды.
Я даже и тогда протестовал,
Когда меня восторженно хвалили,
Тем более – когда меня ругал
Невежа, убеждённый в своей силе.

Я жизнь по-своему хотел прожить,
По-своему любить, по-своему творить,
И хоть я не достиг того, что мог достичь,
Но я не бегал от охотников, как дичь.

Ни совести, ни шеи я не гнул
Пред ними, будучи самим собой,
Старался я удерживать свой руль,
Плюя на то, что мне грозят порой.
Мой руль. Моё движенье. Жизнь моя.
При чём же тут «так принято», «так надо»?
По этим правилам мышиная возня
Воспитывает не людей, тупое стадо.

Не умею я лечиться от болезней,

Я умею против них протестовать,
Злюсь на них, а это бесполезней,

Чем пилюли каждый день глотать.

В детстве ещё мать меня учила,
Что пилюли организму вред,
Лучшая от всех болезней сила –
Волейбол, футбол, велосипед.

Можно даже браться и за штангу,
Или бегать марафон и кросс,
Есть при этом яблоки и манго,
Хорошо бы пить брусничный морс.

И болезни все отступят разом,
Даже не моргнувши глазом.

Я, видно, был плохим солдатом на войне,

Хоть смерть свою воспринимал без страха,

Вот смерть других казалась страшной мне,

И даже смерть врага казалась личным крахом,

Он убивал меня, но я убил его,

Когда б наоборот, то я его простил бы,

Ведь на войне всё честно – кто кого,

А если б оба враз, то он мне другом был бы.

Но не бывает так – на равных мы в бою,

Война распределяет справедливо:

Мной враг убит, и я ему пою

Незлые погребальные мотивы.

А смерть к нам явится, придёт наверняка,

Уж коль не на войне, так на покое,

Дрожать от страха перед ней не стоит –

Так нам положено во все века.

Нет на земле людей такого места,
И обстоятельств, и минут тех нет,
Чтоб люди были абсолютно честны,
Иль абсолютно лживы. Бред.
Есть грязные во лжи, есть, что честны и чисты
По жизни вместе шествуют они,
Одни идут по жизни без корысти,
Другие без стыда корыстию полны.
На фронте я видал и смельчаков и трусов
В одном бою, и каждый в нём стрелял,
Есть люди, что страдают от укусов,
Нет не зверей, людей, есть, кто на них плевал.
Всех под одну гребёнку стричь не надо,
Все разные. А в целом...стадо.

А я себя не знал до сей поры.
Я познакомился с собой по интернету.
Всю жизнь себя я чуть не матом крыл,
Что я без крыл, что глуп и что таланта нету.
Зачем в артисты я пошёл, когда
Профессия актёра – мука
Когда пленительного счаствия звезда
Несчастием входила в душу мне без стука.
Вот, скажем, был бы я писака-журналист,
Ведь у меня к тому была способность,
Писал бы, что хотел, марал бумажный лист,
И был бы я человеком тихим, скромным.
Так нет, попёр на сцену, напоказ
Себя продемонстрировать кретина
Дал каждому профану шанс
Критиковать себя в лицо и в спину.
Сегодня познакомившись с собой
По интернету, я увидел своё право
И на заслуженный покой,
Ещё на то, чтоб мне кричали «Браво!»
Нет, не напрасно занялся я делом этим!
Считаю, что Державин и меня б заметил.
Пусть Александра он заметил молодым.
Пусть. А меня...седым.